

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ
СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

МОСКВА **1911**
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЬ
СЪ ОФОРТА А. ЦОРНА.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

СЪ КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ,
БИБЛИОГРАФІЕЙ И ШЕСТЬЮ ПОРТРЕТАМИ

МОСКВА.—1911

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Стихи, повѣсти, изслѣдованія.

Пути и перепутья. Собраніе стиховъ.

Томъ I. Стихи 1892—1901 г. Юношескія стихотворенія.

(Chefs d'Œuvre, изд. 3-е). — Это — я (Me eum esse,

изд. 2-е).—Третья стража. (Tertia vigilia, изд. 2-е). . . Ц. 2 р. — к.

Томъ II. Стихи 1901—1905 г. Граду и міру (Urbi et orbi,

изд. 2-е).—Вѣнокъ. (Stephanos, изд. 2-е). Ц. 2 р. — к.

Томъ III. Стихи 1906—1909 г. Всѣ напѣвы. Ц. 2 р. — к.

Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. Изд. 2-е,

дополненное, съ 7 рис. А. Мартини (фототипія). . . Ц. 2 р. 20 к.

Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI вѣка. Изд. 2-е, допол-

ненное примѣчаніями, Украшенія по гравюрамъ XVI в. Ц. 2 р. 50 к.

Путникъ. Психодрама въ 1 дѣйствіи. Ц. — р. 25 к.

Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя, изд. 2-е. . . Ц. — р. 40 к.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Матеріалы . . . Ц. 1 р. 50 к.

Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе. Ц. 1 р. — к.

Далекіе и близкіе. Статьи и очерки о русскихъ поэтахъ.

Томъ I. Ц. 2 р. — к.

Аугеа Рома. Очерки жизни и литературы IV вѣка по Р. Х. Печатается.

Переводы.

Эмиль Верхарнъ. Собраніе стиховъ Готовится 2 изд.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Съ

портретомъ Э. Верхарна Ц. — р. 80 к.

Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Съ 6 портретами. . . . Ц. 2 р. — к.

М. Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Съ 3

портретами Ц. 1 р. — к.

Французскіе лирики XIX вѣка. Съ 10 портретами. Ц. 2 р. — к.

Г. д' Аннунціо. Франческа да Римини. Трагедія. (Въ сотру-

дничествѣ съ Вячеславомъ Ивановымъ). Ц. 1 р. 50 к.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Верленъ—одинъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые пришли по душѣ русскимъ читателямъ. Объ немъ можно было бы повторить слова, когда-то сказанныя А. Майковымъ о Генрихѣ Гейне:

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой...

Я былъ едва ли не первымъ, кто началъ переводить Верлена на русскій языкъ; эти мои ранніе опыты были напечатаны въ сборникахъ „Русскіе символисты“ (1894 и 1895 г.), и тогда же (1894 г.) вышелъ отдѣльной книжкой мой переводъ „Романовъ безъ словъ“. Въ этихъ опытахъ было гораздо больше усердія и восторга передъ поэзіей Верлена, чѣмъ дѣйствительно воссозданія его стиховъ на русскомъ языкѣ. Только два или три стихотворенія изъ числа переведенныхъ тогда я нашелъ возможнымъ перепечатать, безъ измѣненій, въ этой новой книгѣ.

Послѣ моихъ опытовъ появился цѣлый рядъ другихъ переводовъ Верлена, перечень которыхъ читатели найдутъ въ „Библиографіи“, приложенной къ этому сборнику. Еще въ 90-хъ годахъ издалъ небольшую книжку своихъ переводовъ Ратгаузъ, потомъ въ журналахъ, и въ отдѣльныхъ сборникахъ, помѣщали свои переводы Н. Новичъ, И. Тхоржевскій, Александръ Аръ, Н. Минскій, О. Чюмина, С. Рафаловичъ, Эллисъ, В. Ивановскій, И. Анненскій, В. Мазуркевичъ, В. Эльснеръ, П. Петровскій и многіе другіе; но замѣчательнѣйшей попыткой въ этомъ родѣ была, конечно, книга Ѡ. Сологуба, появившаяся въ 1908 году. Среди всѣхъ этихъ переводовъ есть нѣсколько весьма удачныхъ, что особенно надо сказать о переводахъ Сологуба, которому удалось нѣкоторые стихи Верлена въ буквальный смыслъ слова пересоздать на другомъ языкѣ, такъ что они кажутся ориги-

нальными произведеніями русскаго поэта, оставаясь очень близкими къ французскому подлиннику.

Можно спросить послѣ этого: нужна ли та книга, которую я предлагаю теперь вниманію читателей? Не берясь, конечно, судить о достоинствахъ своихъ переводовъ, я укажу только на одну особенность издаваемого мною сборника. Въ то время, какъ другіе переводчики руководствовались въ выборѣ переводимыхъ стихотвореній исключительно личнымъ вкусомъ, я поставилъ себѣ цѣлью представить русскимъ читателямъ Верлэна, по возможности, во всѣхъ его характерныхъ произведеніяхъ. О. Сологубъ, напр., сознательно исключилъ изъ своей книги „католическія“ стихотворенія Верлэна, которыя показались ему „мало-интересными“, и поэтому отразилъ, въ своихъ переводахъ, только одну половинну его творчества. Я, напротивъ, попытался перевести, какъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя доставили Верлэну славу лучшаго изъ французскихъ лириковъ XIX вѣка, такъ и всѣ тѣ, въ которыхъ выразились основныя черты его міросозерцанія и главные этапы его судьбы. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мой сборникъ могъ дать русскому читателю болѣе или менѣе полное представленіе о жизни и творествѣ „Бѣднаго Леліана“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эту свою задачу я могъ исполнить лишь приблизительно. Всего Верлэномъ написано, за всю его жизнь, что-то около тысячи стихотвореній. Хотя добрая половина ихъ, преимущественно изъ числа написанныхъ во вторую половину жизни, не заслуживаетъ никакого вниманія, все же остается нѣсколько сотъ стихотвореній, въ томъ или иномъ отношеніи примѣчательныхъ. Понятно, что мой сборникъ, въ которомъ всего около сотни пьесъ, далекъ отъ того, чтобы представить всѣ особенности поэзіи Верлэна. Кромѣ того въ стихотворныхъ переводахъ (какъ я имѣлъ случай сказать по поводу своихъ переводовъ Верхарна) дѣлаешь не всегда то, что хочешь, но только то, что можешь. Остались стихи Верлэна, не переведенные мною не потому, чтобы я ихъ считалъ не характерными, но просто потому, что переводъ ихъ мнѣ не удался (нѣкоторые изъ нихъ переведены въ „Примѣчаніяхъ“ прозой).

Несмотря на то, я могу все-таки утверждать, что въ моей книгѣ намѣчены всѣ наиболѣе характерные періоды творчества Верлэна. Первые пять книгъ Верлэна („Poèmes Saturniens“, „Fêtes Galantes“, „La Bonne Chanson“, „Romances sans paroles“, „Sagesse“) представлены во всѣхъ своихъ наиболѣе характерныхъ образцахъ. Слѣдующія четыре книги („Jadis et Naguère“, „Amour“, „Bonheur“, „Parallèlement“), въ которыхъ еще ярко сказывается дарованіе Верлэна,

также даны въ нѣсколькихъ образцахъ. Наконецъ, послѣднія книги Верлена, въ которыхъ уже явно отразился упадокъ его таланта, охарактеризованы нѣсколькими стихотвореніями, удачными болѣе другихъ.

Какъ и всѣ стихотворные переводы, моя книга не имѣетъ цѣлью замѣнить подлинникъ. Это невозможно, потому что въ лирическихъ стихахъ слишкомъ многое надо {отнести насчетъ музыки словъ, которой можно подражать, но воспроизвести которую невозможно. Стихотворный переводъ лирическихъ произведеній всегда передаетъ лишь часть подлинника и даетъ лишь слѣпокъ, а не тождественное повтореніе. Поэтому я считалъ бы свое дѣло исполненнымъ, еслибы мнѣ удалось дать русскимъ читателямъ хотя подобіе тѣхъ стиховъ Верлена, которые всегда производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе силой своей исключительной искренности и поразительнымъ очарованіемъ своей музыкальной формы. Я не могу ждать и рѣшительно не хочу, чтобы мои русскіе стихи читались вмѣсто подлинныхъ стиховъ Верлена; но мнѣ хочется надѣяться, что мои переводы позволятъ внимательнымъ и вдумчивымъ читателямъ угадать, какъ много они теряютъ, не ознакомившись съ поэзіей автора „Романсовъ безъ словъ“.

Какъ ни распространено въ Россіи знаніе французскаго языка, тѣмъ не менѣе, я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что среди молодежи, даже университетской, весьма многіе затрудняются читать книги по-французски. Громадный успѣхъ, который за послѣдніе годы имѣютъ у насъ романы, переведенные съ французскаго, доказываетъ еще разъ, что то время, когда французская литература была доступна всей русской интеллигенціи, давно прошло. Кромѣ того французскія книги гораздо рѣже попадаютъ въ руки русскихъ читателей, нежели русскія. Библіотеки, особенно провинціальныя, почти исключительно пополняются русскими книгами. Наконецъ, я увѣренъ, что многіе, даже владѣющіе французскимъ языкомъ, гораздо съ меньшей охотой обратятся къ книгѣ неизвѣстнаго имъ французскаго поэта, чѣмъ возьмутъ на себя малый трудъ—просмотрѣть небольшой сборникъ русскихъ стиховъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ выводу, что моя книга можетъ быть не бесполезной въ Россіи. Она дастъ русскому читателю первое понятіе о Верленѣ, позволитъ ему рѣшить для себя вопросъ, соответствуетъ ли этотъ поэтъ его понятіямъ о художникѣ, представляютъ ли его сочиненія для него личный интересъ. Если Верленъ не заинтересуетъ этого предполагаемаго читателя, онъ

только потеряетъ время на просмотръ небольшой моей книжки. Если же, напротивъ, мои переводы хоть немного намекнутъ ему на прелесть поэзіи Верлена, онъ обратится послѣ нихъ, конечно, къ подлиннику. Съ цѣлью облегчить этотъ переходъ, я помѣстилъ въ своемъ сборникѣ всѣ необходимыя бібліографическія свѣдѣнія (заботясь, главнымъ образомъ, объ ихъ практичности), такъ же какъ и біографію Верлена, необходимую для пониманія его произведеній. И если найдутся хоть два или три такихъ читателя, которыхъ чтеніе моей книги заставитъ взять въ руки французскій оригиналъ пѣсенъ Верлена, если хоть одного своего читателя мнѣ удастся сдѣлать поклонникомъ его поэзіи,—я почту свою задачу исполненной и свой трудъ не лишнимъ.

Что касается самыхъ переводовъ, то, разумѣется, моей цѣлью было русскими стихами произвести то же впечатлѣніе, какое получаетъ читатель отъ французскихъ. Но я считалъ, что при передачѣ различныхъ стихотвореній надо было итти къ этой цѣли различными путями. Всѣ стихи Верлена, въ этомъ отношеніи, можно распредѣлить на пять группъ.

Первую группу образуютъ юношескія произведенія Верлена, въ которыхъ чувствуется наибольшее вліяніе идей Парнаса. Верленъ стремился въ нихъ къ четкости и скульптурности образовъ, къ чистотѣ и нѣкоторой величавости рѣчи, охотно играя при этомъ словами, тѣша себя экзотическими именами и рѣдкими выраженіями. Всѣ эти особенности и надлежало прежде всего передать переводчику, причемъ всѣ вольности, какія онъ могъ позволить себѣ, должны были соотвѣтствовать тѣмъ же идеаламъ. Таково большинство стихотвореній изъ „Сатурническихъ поэмъ“, напр., „Резиньяція“, „Парижское кроки“, „Марина“, „Георгинъ“, многія стихотворенія „Изысканныхъ празднествъ“ и нѣкоторыя другія.

Вторую группу образуютъ стихотворенія, въ которыхъ съ особой ясностью сказался тотъ, чисто Верленовскій, методъ творчества, который мы назвали импрессионизмомъ въ поэзіи. Этотъ методъ чувствуется уже въ самыхъ раннихъ стихахъ Верлена, господствуетъ въ „Романсахъ безъ словъ“ и въ книгѣ „Когда-то и Недавно“ и проявляется во всѣхъ другихъ, вплоть до самыхъ послѣднихъ (хотя въ нихъ только какъ счастливое исключеніе). Особенность этого метода состоитъ въ томъ, что поэтъ не стремится нарисовать связанную картину или рассказать послѣдовательно со-

бытія: онъ просто даетъ рядъ образовъ, одинъ за другимъ, соотвѣтственно тому, какъ они являлись предъ его взоромъ или сознаниемъ, предоставляя читателю самому объединить ихъ въ цѣлое. Онъ какъ бы накладываетъ краски, одну послѣ другой, предоставляя имъ смѣшаться въ воспріятіи зрителя. Переводчику слѣдовало перенять этотъ методъ и ни въ какомъ случаѣ не додѣлывать того, что авторомъ было преднамѣренно оставлено неоконченнымъ: иначе былъ бы нарушенъ самый характеръ произведенія. Таковы, напр., стихи „Впечатлѣніе ночи“, „Закатъ“ „Сентиментальная прогулка“, „Гуль полныхъ кабаковъ“, „Отъ лампы свѣтлый кругъ“, „Тянется безмѣрно“, всѣ „Бельгійскіе пейзажи“, „Обманчивые дни“, „Надежда чуть блеститъ“, „Охотничій рожокъ рыдаетъ у лѣска“, „Гостинница“ „Хромой сонетъ“ и многія другія.

Третью группу образуютъ стихи, въ которыхъ Верлэнъ остался вѣренъ провозглашенному имъ принципу: „De la musique avant toute chose“: это—тѣ его пѣсни, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ музыка словъ. Въ этихъ небольшихъ стихотвореніяхъ словесное содержаніе отходитъ на второй планъ, и плѣняютъ прежде всего самые звуки словъ, сочетанія гласныхъ, согласныхъ и носовыхъ. Понятно, какое затрудненіе представляли такіе стихи для переводчика. Еслибы онъ сталъ заботиться исключительно о точной передачѣ мыслей и образовъ оригинала, онъ легко могъ бы упустить изъ виду самую сущность его, легко могъ бы превратить „Романсы безъ словъ“ въ „Слова безъ романсовъ“. Надо было найти въ звукахъ русскихъ словъ что-то соотвѣтствующее музыкѣ словъ французскихъ, по возможности не удаляясь слишкомъ отъ оригинала. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ стихотвореніяхъ скорѣе можно было пожертвовать точностью образа, чѣмъ пѣвучестью стиха. Таковы были мои задачи при передачѣ стихотвореній: „Осенняя пѣсня“. „И мѣсяць бѣлый“, „Это экстазъ утомленности“, „Небо надъ городомъ плачетъ“, „Всѣ розы были ярко красны“, „На жизнь ложится сонъ“, „Небосводъ надъ этой крышей“ и др. въ томъ же родѣ.

Четвертую группу образуютъ раздумья Верлэна, большею частью на разныя религіозныя темы. Въ этихъ стихахъ у него на первомъ мѣстѣ стоитъ мысль. Въ лучшихъ произведеніяхъ такого рода Верлэнъ возвышался до значительной энергіи выраженій, до краткихъ, сжатыхъ, но сильныхъ формулъ. Переводчику слѣдовало сохранить, по возможности неприкосновеннымъ, весь ходъ мыслей поэта, всѣ обороты его рѣчи. Ради этой цѣли ему казалось позволительнымъ даже жертвовать, гдѣ это было необходимо, красиво-

стью и легкостью стиха, тѣмъ болѣе, что и у самого Верлена эти стихотворныя раздумья часто облечены далеко не въ безукоризненную форму. Таковы, напр., стихи: „Мнѣ встрѣтился рыцарь Несчастье“, „Что скажешь, путникъ, ты про страны и вокзалы?“, „Врагъ принимаетъ обликъ Скуки“, „Духъ древности былъ пусть и грубъ“, „О Боже, Ты меня любовью ранилъ!“, „Жизнь скромная“, „Законы, числа, краски, ароматы!“, „Истома“, „Искусство поэзіи“, „Такъ просто, какъ въ огонь льютъ нарды дорогіе“, „О будь изъ бронзы...“, „Покинувши Парижъ, приходишь въ Notre-Dame“ и др.

Послѣднюю группу образуютъ преимущественно старческіе стихи Верлена. Въ нихъ явный упадокъ таланта и одушевленія онъ пытался замѣнить изящной небрежностью рѣчи, переходившей порой въ какое-то благерство и дурачливость. Верленъ намѣренно коверкалъ слова и ритмъ, охотно пользовался выраженіями бульварнаго „арго“, старался позабавить читателя неожиданностью оборота рѣчи или риемы. И эти особенности также должно было сохранить въ русскомъ переводѣ. Впрочемъ, лишь немногіе стихи такого рода стоили перевода (да и то, скорѣе, какъ образцы позднѣйшаго творчества Верлена, чѣмъ какъ самостоятельныя художественныя созданія). Таковы двѣ пѣсенки: „Ты не совсѣмъ вѣрна, быть можетъ“, „Мнѣ говорятъ, что ты блондинка,“ нѣкоторыя стихотворенія въ книгѣ „Параллельно“ и „Когда-то и Недавно“.

Само собой понятно, что тѣ пять группъ стихотвореній, о которыхъ только-что шла рѣчь, не раздѣлены въ творествѣ Верлена рѣзкими демаркаціонными линіями: особенности двухъ или трехъ группъ часто сливаются въ одномъ и томъ же стихотвореніи. Такъ, напр., стихи импрессионистическіе часто бываютъ въ то же время тонко-музыкальными, позднѣйшее благерство иногда проступаетъ и въ болѣе раннихъ стихахъ и т. под. Переводчику приходилось постоянно задумываться надъ вопросомъ, какія именно особенности выдвинуть въ такомъ-то стихотвореніи или даже въ такомъ-то стихѣ. И такъ какъ въ стихотворномъ переводѣ невозможно передать всѣ стороны, всѣ составные элементы оригинала, то должно было стремиться къ тому, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сохранить существенное для даннаго мѣста и опустить второстепенное. Но когда приходилось замѣнять образъ или выраженіе Верлена своимъ, я всегда старался искать эти образы въ предѣлѣ тѣхъ, которыми охотно пользовался самъ Верленъ, не выходя изъ границъ употребляемаго имъ словаря.

Какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, моя работа имѣетъ свои

болѣе сильныя и болѣе слабыя части; одни переводы мнѣ удались лучше,—другіе меньше. Нѣкоторымъ я самъ рѣшился дать мѣсто лишь въ „Примѣчаніяхъ“. Но мнѣ хочется вѣрить, что въ моемъ семнадцати-лѣтнемъ трудѣ есть счастливыя мѣста, гдѣ не только выразилась моя любовь къ творчеству Верлена, но и воплотился въ русскихъ стихахъ самый духъ его поэзіи, которую я изучалъ долго и внимательно. Передѣлывая по нѣскольку разъ свои переводы, уже бывшіе неоднократно въ печати (см. „Примѣчанія“), я упорно добивался возможной близости къ оригиналу, и рѣшался такъ или иначе видоизмѣнить его, лишь убѣдившись, что точная передача мнѣ недоступна (многіе подобные случаи оговорены въ тѣхъ же „Примѣчаніяхъ“). Не сомнѣваюсь, что послѣ моихъ опытовъ найдутся другіе переводчики, которые сдѣлаютъ совершеннѣй то, что пытался сдѣлать я, но все же надѣюсь, что, вмѣстѣ съ переводами Ѡ. Сологуба, мои переводы будутъ въ какой-либо мѣрѣ способствовать знакомству съ поэзіей Верлена русскихъ читателей, которымъ не могутъ не быть близки стихи интимнѣйшаго изъ поэтовъ, безъ лукавства раскрывавшаго въ своихъ пѣсняхъ все самое прекрасное и самое горькое въ своей душѣ.

Валерій Брюсовъ.

Москва 1911.

Поль Верләнъ.

Съ рисунка Л. Анкетэна (1895 г.)

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ.

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ. *

I.

Творчество Верлена такъ тѣсно связано съ его жизнью, что врядь ли его стихи могутъ быть вполнѣ поняты безъ знакомства съ его біографіею. Одинъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ, какихъ только помнитъ исторія литературы, Верленъ знаетъ лишь одну тему для своихъ поэтическихъ созданій: самого себя, свои переживанія, свои радости и горести. Съ наивностью ребенка, онъ говоритъ въ стихахъ о мельчайшихъ подробностяхъ своей жизни, не считая нужнымъ объяснять ихъ читателю. Лирика Верлена получаетъ свой истинный смыслъ только въ томъ случаѣ, если постоянно имѣтъ въ виду, при какихъ условіяхъ создавалось то или другое стихотвореніе. Поэтому знакомство съ біографіею, которое вообще такъ многое уясняетъ, когда приходится имѣтъ дѣло съ творчествомъ лирическимъ, становится совершенно необходимымъ, когда хочешь проникнуть въ поэзію Верлена.

Ранніе годы своей жизни Верленъ разсказалъ самъ. Но этотъ его разсказъ написанъ въ нѣсколько ироническомъ тонѣ; Верленъ въ своей „Исповѣди“ охотно подшучивалъ надъ самимъ собой, какъ бы

* Источники для біографіи Верлена указаны нами ниже въ отдѣлѣ „Библіографія“. Кромѣ сочиненій самого Верлена, особенно его автобіографіи и его критической статьи о самомъ себѣ (въ „Отверженныхъ поэтахъ“), мы пользовались преимущественно книгами Лепеллетье, Доно и Альфонса Сешэ и Жюля Берто. На эти изданія мы большей частью не дѣлаемъ ссылокъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы беремъ свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, мы указываемъ изданіе полностью, если оно въ нашей „Библіографіи“ не упомянуто, или сокращенно, если полное заглавіе въ этой „Библіографіи“ названо.

стараясь скрыть подъ этой усмѣшкой все то нѣжное волненіе, какое возбуждали въ немъ, въ дни его печальной старости, воспоминанія о годахъ далекаго, счастливаго дѣтства... Такъ, напр., онъ явно преувеличиваетъ свои неуспѣхи въ школахъ, намѣренно смягчаетъ горечь первыхъ, раннихъ неудачъ, и т. под. Поэтому показанія самого Верлена постоянно приходится провѣрять и пополнять на основаніи болѣе „объективныхъ“ данныхъ, сохранившихся документовъ, и т. д. И оказывается, что многое происходило не совсѣмъ такъ, какъ то изображаетъ „Исповѣдь“, съ перваго взгляда столь правдивая...

Поль-Мари Верленъ родился въ военной семьѣ, 30 марта 1844 г., въ Мецѣ, тогда бывшемъ французскимъ городомъ. Мецу Верленъ почелъ долгомъ впослѣдствіи посвятить нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, называя его своей „знаменательной колыбелью“... Отецъ Верлена, инженерный капитанъ Николай-Огюстъ Верленъ, кавалеръ Почетнаго Легіона, былъ родомъ съ сѣвера, такъ какъ родился въ мѣстечкѣ Бертри, вошедшемъ въ 1815 г. въ составъ герцогства Люксембургскаго (что не помѣшало Николаю Верлену остаться французскимъ подданнымъ). Мать, Элиза-Юлія-Жозефа-Стефанія Деэ (Dehee), тоже родилась на сѣверѣ, во французской Фландріи, въ Фампу. Ея отецъ былъ богатый сахарный фабрикантъ, и ея приданое составляло порядочную сумму, что-то вродѣ 400.000 франковъ.

Такимъ образомъ, дѣтство Верлена проходило въ зажиточной семьѣ. Отецъ, не смотря на свою военную карьеру, вовсе не былъ „воякою“ по духу, и, несмотря на свою строгую, суровую осанку, былъ человѣкъ добраго сердца и „души не чаялъ“ въ сынѣ. Мать же, женщина вполнѣ буржуазнаго склада характера, до конца дней оставшаяся типичной „провинціалкой“, баловала маленькаго Поля до тѣхъ предѣловъ, гдѣ это становится преступнымъ. Намъ еще придется говорить объ ея безмѣрной, самозабвенной материнской любви; но уже въ ранніе годы она выражалась въ томъ, что Полю представляли дѣлать все, что онъ хочетъ, и что ни къ какому ученію его не принуждали, боясь омрачить его безпечное дѣтство. Верленъ росъ балованнымъ любимцемъ, и изъ годовъ его первой юности у него остались въ памяти только разнообразнѣйшія проказы, не всегда даже безопасныя. *)

Случайности военной карьеры заставляли Верленовъ не разъ

*) Портреты матери Верлена въ молодости, его отца и его самого ребенкомъ см. въ книгѣ А. Сешэ и Ж. Берто.

мѣнять мѣстожителство. Изъ Меца пришлось переѣхать въ Монпелье, потомъ въ Нимъ. Югъ съ его зноемъ произвелъ сильное впечатлѣніе на маленькаго Поля. Однако, довольно скоро Верлэны вернулись вновь въ Мецъ. Здѣсь разыгралась „первая любовь“ Верлэна, если можно такъ назвать наивное влеченіе 7—8-лѣтняго мальчика къ маленькой дѣвочкѣ, того же возраста, съ которой онъ встрѣчался, во время игры, на мѣстной „Эспланадѣ“. Въ 1851 г. капитанъ Верлэнъ подалъ въ отставку, и семья переселилась въ Парижъ. Здѣсь для Поля началась школьная жизнь.

Первое время восьмилѣтній Поль посѣщалъ начальную школу, гдѣ научился грамотѣ. Потомъ его отдали въ частный пансіонъ Ландри. Свое пребываніе въ немъ, не привыкшій ни къ какимъ стѣсненіямъ, Поль началъ съ того, что тайно сбѣжалъ домой. У матери не хватило духу бранить его за то, но съ помощью пирожныхъ и общаній, и при содѣйствіи одного родственника, котораго Поль боялся, его водворили обратно...

Два года спустя, Верлэнъ, изъ того же пансіона, началъ посѣщать классы лицея Бонопарте (впослѣдствіи: лицей Кондорсэ), знаменитаго тѣмъ, что въ немъ учились многіе будущіе поэты и ученые. Тамъ, между прочимъ, Верлэнъ сблизился съ Эдмондомъ Лепеллетье, и эта дружба осталась на всю ихъ жизнь. Въ лицей Поль провелъ девять лѣтъ, о которыхъ мы знаемъ только нѣсколько пустыхъ анекдотовъ. На вакаціи онъ уѣзжалъ въ деревню, или въ Артуа, къ родственникамъ матери, или въ Арденны, къ теткѣ по отцу. Эта лѣтняя жизнь въ деревнѣ заставила его полюбить природу, особенно сѣверную, и до старости у него оставалась тоска по сельской жизни.

Уже въ лицей Верлэнъ сталъ интересоваться литературой, что и подружило его съ Лепеллетье. Товарищи читали безъ разбору все, что попадалось подъ руку. Такъ были прочитаны, среди многаго другого, „Emaux et Camées“ Теофиля Готье, „Les Cariatides“ Теодора де Банвиля, и, наконецъ, „Fleurs du Mal“ Шарля Бодлэра. Самъ Верлэнъ рассказываетъ, что, читая книгу Бодлэра тайкомъ, онъ прочелъ второпяхъ ея заглавіе „Fleurs du Mai“ и, въ своей крайней наивности, продолжалъ чтеніе, долго не замѣчая крайняго несоотвѣтствія заглавія съ содержаніемъ... Другой школьный анекдотъ передаетъ намъ, что Верлэнъ подалъ однажды преподавателю риторики сочиненіе, написанное стихами, чѣмъ заслужилъ только насмѣшки профессора. Впрочемъ, настоящая „стихотворная манія“ овладѣла Верлэномъ только къ четырнадцати годамъ.

Ученикомъ Верлэнъ былъ посредственнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не тѣмъ лѣнивцемъ, какимъ онъ старается себя выставить въ „Исповѣди“. По классу риторики онъ былъ 14-мъ изъ 50. По этому предмету и по нѣкоторымъ другимъ ему случалось получать въ лицѣ „награды“. Учителя хвалили его „сочиненія“ и его успѣхи въ англійскомъ языкѣ. Интересовался онъ еще латынью и до старости сохранилъ достаточное знаніе латинскаго языка и латинскихъ авторовъ: въ его книгахъ не рѣдки цитаты изъ „древнихъ“. Только точныя науки, особенно чистая математика, ему не давались.

Курсъ лицея Бонопарте, и вмѣстѣ съ тѣмъ свое пребываніе въ пансіонѣ Ландри, Верлэнъ закончилъ въ 1862 г. Онъ сдалъ въ этомъ году экзаменъ на бакалавра, не безъ успѣха, и получилъ соотвѣтствующій дипломъ. Надо замѣтить, что въ ту эпоху экзамены на бакалавра были не изъ легкихъ: требовалась, напр., бесѣда на латинскомъ языкѣ, письменный переводъ съ латинскаго à livre ouvert и т. под. Такимъ образомъ, извѣстнымъ запасомъ познаній, хотя бы формальныхъ, Верлэнъ, кончая ученіе, несомнѣнно обладалъ *).

Сдавъ экзамены, Верлэнъ тотчасъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ провелъ, отдыхая отъ школьной дисциплины, нѣсколько мѣсяцевъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ записался-было на юридическій факультетъ университета, но слушалъ лекціи недолго: наука, и въ частности право, нисколько его не привлекали. Къ тому же дѣла его родителей значительно ухудшились. Отецъ потерялъ значительную часть состоянія на неудачныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ. Приходилось думать о томъ, чтобы зарабатывать средства къ жизни, и Поль рѣшилъ поступить на службу.

Сначала Верлэнъ оказался маленькимъ служащимъ объединенныхъ страховыхъ обществъ „Орла“ и „Солнца“, потомъ перешелъ въ управленіе мэріи IX городского округа, наконецъ, на нѣсколько лѣтъ сдѣлался чиновникомъ городской думы (Hôtel-de-Ville). Но въ

*) Въ книгахъ Лепеллетье и А. Сешэ и Ж. Берто приведены „дипломы“ Верлена, выданные ему изъ пансіона Ландри и на званіе бакалавра *ès-lettres*. Первый гласитъ, что Поль Верлэнъ прошелъ всѣ классы Учрежденія, съ октября 1853 по октябрь 1862 г., слушалъ курсъ лицея Бонопарте съ отличными успѣхами, удостоенными различныхъ наградъ, отличался хорошимъ поведеніемъ и принадлежалъ къ выдающимся ученикамъ пансіона. Второй, выданный 15 ноября 1862 г., „именемъ Императора“, составленъ въ официальныхъ выраженіяхъ и предоставляетъ Полю-Мари Верлену всѣ права и прерогативы, связанныя со званіемъ *bachelier ès-Lettres*.

эту эпоху, когда Верлэнъ приближался къ своимъ двадцати годамъ (скажемъ здѣсь, кстати, что „счастливый“ жребій избавилъ его отъ „солдатчины“), его литературныя склонности уже вполне опредѣлились. Его письма того времени переполнены критическими замѣчаніями о новыхъ книгахъ, преимущественно о стихахъ, и проэктами различныхъ собственныхъ произведеній. Онъ уже сознавалъ себя поэтомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству Лепеллетье, Верлэнъ усердно пополнялъ свою бібліотеку, бралъ книги у товарищей, посѣщалъ публичную бібліотеку, и вообще читалъ очень много и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

По счастью, среди своихъ сослуживцевъ въ думѣ, Верлэнъ нашель не мало лицъ, интересующихся литературой. Съ нимъ вмѣстѣ служили тогда: Леонъ Валадъ, Альберъ Мэра, Анри Рошфоръ, Жоржъ Лафнестръ, всѣ они писали стихи и оставили болѣе или менѣе видный слѣдъ въ литературѣ. Скоро образовался маленькій литературный кружокъ, собранія котораго происходили въ *café de Gaz*, на улицѣ Риволи. Туда же приходилъ другъ Верлэна—Лепеллетье, а иногда появлялся тамъ и юный Маллармэ. Друзья мѣнялись мыслями о новинкахъ литературы, читали другъ другу свои стихи, спорили о задачахъ поэзій, строили проэкты разныхъ, обычно не осуществлявшихся, изданій...

Литературные вкусы Верлэна того времени были весьма неопредѣленными. Какъ всѣ молодые поэты 60-хъ годовъ, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ Гюго, которому ореолъ изгнанника придавалъ особое величіе. Большое впечатлѣніе произвелъ на него Сентъ-Бевъ, „Исторіей Поръ-Рояля“ котораго онъ зачитывался. Затѣмъ, Верлэнъ не могъ не подпасть подъ вліяніе самыхъ выдающихся поэтовъ своего времени, будущихъ вдохновителей „Парнаса“, прежде всего Леконта де Лиля и Теодора де Банвиля, но также и Теофиля Готье, измѣнившаго романтическимъ идеаламъ ради идеала парнаскаго. Въ то же время Верлэнъ оставался подъ очарованіемъ „Цвѣтовъ зла“, чары которыхъ въ той или иной степени тяготѣли надъ нимъ всю его жизнь. Остается назвать Барбей д’Оревилли, въ ту пору совершенно неизвѣстнаго, Стендаля, тоже еще читавшагося мало, и испанскій театръ *), чтобы перечислить вліянія, подъ которыми слагалась

*) Кстати сказать, Верлэнъ живо интересовался испанскою поэзіей и одно время учился испанскому языку. Въ его письмахъ нерѣдки испанскія выраженія и нѣкоторымъ его стихамъ предпосланы испанскіе эпитафы (см., напр., въ этой книгѣ, стр. 5).

поэзія юнаго Верлэна. Впрочемъ, чтенія его были гораздо шире этого перечня, и Лепеллетье вспоминаетъ, напр., что Верлэнъ живо былъ заинтересованъ книгою, которая для значительной части молодежи тѣхъ дней была какъ бы катехизисомъ: „Силу и матерію“ Бюхнера.

Отъ первыхъ произведеній Верлэна почти ничего не уцѣлѣло. Онъ сохранилъ изъ нихъ только одну маленькую поэмю „Парижскій ноктюрнъ“, которую напечаталъ въ первомъ сборникѣ своихъ стихотвореній. Удержалось еще въ его памяти нѣсколько строфъ изъ начатой имъ исторической драмы „Карль VI“, два сонета, напечатанныхъ позднѣе, нѣсколько эпиграммъ, да сценаріумъ и куплеты одной оперетки, которая была поставлена подъ чужимъ именемъ. Все остальное самъ Верлэнъ истребилъ, не считая его достойнымъ. Въ томъ числѣ было нѣсколько рассказовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ Эдгара По, котораго Верлэнъ не могъ не знать по прекраснымъ переводамъ Бодлера (Жюль Вернъ въ ту пору „еще не былъ изобрѣтенъ“). Самъ Верлэнъ утверждаетъ, что его первый сборникъ стихотвореній почти цѣликомъ составленъ изъ стиховъ, написанныхъ имъ въ послѣднихъ классахъ лицея, но есть много основаній сомнѣваться въ этомъ: приписывая свои первые стихи ранней своей юности, Верлэнъ хотѣлъ извинить тѣмъ нѣкоторые ихъ недостатки и оправдаться отъ обвиненій въ подражаніяхъ...

Во' всякомъ случаѣ, въ печати стихи Верлэна начали появляться не ранѣе, какъ въ срединѣ 60-хъ годовъ. Одинъ изъ школьныхъ товарищей Верлэна, Міо-Фроше, познакомилъ его съ Ксавье де Рикаромъ, молодымъ человекомъ изъ очень богатой семьи, страстно любившимъ литературу и ставшимъ въ послѣдствіи виднымъ членомъ „Парнаса“. Отецъ Ксавье былъ флигель-адъютантъ принца Жерома и занималъ одно время постъ губернатора Мартиники. Мать, любя молодежь и желая сдѣлать пріятное сыну, устроила у себя литературный салонъ, гдѣ собирались какъ начинающіе поэты, такъ и писатели съ „установившейся“ уже репутаціей. Верлэнъ былъ приглашенъ въ этотъ салонъ, и здѣсь завязались, наконецъ, его отношенія съ „настоящими“ литераторами, съ людьми, не только мечтающими о литературной карьерѣ, но уже вступившими на нея.

Такъ, у Рикара, познакомился Верлэнъ съ Сюлли-Прюдомомъ, уже входившимъ въ славу, съ Вилье де Лиль-Аданъ, уже написавшимъ свои лучшія произведенія, хотя попрежнему остававшимся непонятымъ и неощененнымъ, съ Катюллемъ Мендесомъ, съ которымъ сошелся близко, съ юнымъ тогда Анатолемъ Франсомъ, съ

Франсуа Коппэ, оставшимся другомъ „бѣднаго Леліана“ на всю жизнь, съ Эредіа, съ Шабріэ, съ Дьерксомъ... Въ салонѣ много говорили о искусствѣ и много спорили на политическія темы. Верлэнъ въ тѣ дни былъ по убѣжденіямъ республиканцемъ, но не любилъ высказывать свои взгляды. Послѣ часу ночи играли въ баккара или желѣзную дорогу, соблазнъ, которому Верлэнъ не могъ поддаваться, за скудостью своего кошелька. Этимъ знакомствамъ Верлэнъ обязанъ тѣмъ, что нѣкоторыя его стихотворенія появились въ маленькомъ журнальчикѣ „L'Art“, издававшемся самимъ Ксавье де Рикаромъ.

Завсегдатаи салона Рикаровъ представили Верлэна въ другой литературный салонъ того времени: къ Нинѣ де Калліа. Здѣсь собиралось общество болѣе пестрое, съ представителями „верховъ“ здѣсь смѣшивалась богема и здѣсь держали себя непринужденнѣе. Нина де Калліа, въ то время молодая женщина лѣтъ 22—23, умная, нервная, прекрасно игравшая на рояли, интересовалась всѣмъ: стихами, политикой, магіей, спиритизмомъ, фехтованіемъ, гостепрѣимно открывала свои двери „званнымъ и незваннымъ“, требуя отъ посѣтителей лишь одного: ума, оригинальности. У нея сходились писатели, политическіе дѣятели, художники, журналисты, музыканты, теософы, непризнанные изобрѣтатели, отважные мистификаторы, не имѣвшіе успѣха пророки и т. под. Къ обществу Рикаровъ здѣсь присоединились: Шарль Кро, поэтъ и изобрѣтатель, Рошфоръ, будущій „народный трибунъ“, Л. Валадъ, Дрюмонъ, и Богъ знаетъ еще кто. Здѣсь декламировались стихи, тутъ же написанные, Вилье де Лиль-Аданъ заставлялъ иронизировать своего Трибула Бономэ, Рошфоръ проносилъ зажигательныя рѣчи, разыгрывались разныя „шарады“, хозяйка импровизировала, художники набрасывали карикатуры присутствующихъ, было весело и шумно. Игры здѣсь не было, но пили охотно и много: Верлэнъ же въ эту пору, подъ вліяніемъ кафэ, которая онъ посѣщалъ усердно, уже позналъ, что за откровенія таитъ въ себѣ абсентъ...

Лепеллетье сохранилъ намъ воспоминанія объ одномъ вечерѣ, — лучше сказать, объ одной ночи, — достаточно характеризующей Верлэна того времени. Однажды, въ субботу, выйдя очень поздно отъ Нины, они вдвоемъ, Верлэнъ и Лепеллетье, зашли въ ночное кафэ. Подъ вліяніемъ выпитаго, Верлэнъ затѣвываетъ какую-то ссору съ однимъ изъ посѣтителей. Лепеллетье удается успокоить друга и увести его изъ кафэ. Однако, съ полъ-дороги Верлэнъ вдругъ поворачиваетъ назадъ: онъ хочетъ вернуться въ кафэ и отомстить

„обидчику“. Лепеллетье вновь начинает его успокаивать. Тогда Верлэнъ выхватываетъ клинокъ, который онъ носилъ съ собой въ трости, и кидается на своего друга, безо всякой шутки намѣреваясь убить его. Лепеллетье не остается ничего другого, какъ бѣжать. На бѣду ихъ замѣчаетъ полицейскій... Дѣло могло бы кончиться очень плохо, еслибы друзьямъ не удалось добѣжать до ближайшей станціи желѣзной дороги и вспрыгнуть въ отходившій поѣздъ. Такимъ образомъ, только случайность спасла Верлэна отъ того, чтобы горестная исторія, разыгравшаяся съ нимъ въ Бельгіи и стоившая ему двухъ лѣтъ тюрьмы, не произошла на восемь лѣтъ раньше.

Послѣ салоновъ Ксавье де Рикара и Нины де Калліа, Верлэнъ безъ труда получилъ доступъ въ другіе литературные кружки, въ томъ числѣ въ самый строгій изъ нихъ: къ Леконту де Лилію. Тамъ онъ услышалъ сужденія о поэзіи строгія и обдуманная, увидѣлъ отношеніе къ искусству какъ къ святынѣ, встрѣтилъ людей, искавшихъ не развлеченія и успѣха, но сознательно посвятившихъ свою жизнь служенію высокому и прекрасному... Рѣчи Леконта де Лилиа произвели на молодого Верлэна впечатлѣніе сильное, и впоследствии онъ вспоминалъ о его салонѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Леконтъ де Лиль, цѣнитель осторожный, принялъ Верлэна, какъ истиннаго поэта, признавъ въ немъ „художника искусства, мастера выраженія“.

Вращаясь постоянно въ литературной средѣ, Верлэнъ рѣшился, наконецъ, и самъ выступить съ первой книгой. Она уже была готова у него и онъ давно помышлялъ объ ея изданіи, но не такъ-то легко было найти издателя для томика стиховъ. Два или три стихотворенія, попавшія въ журналъ Ксавье де Рикара (къ тому же вскорѣ прекратившій свое существованіе), и въ другой листокъ, не имѣвшій читателей (онъ назывался „Le Hannelton“), еще не могли сдѣлать извѣстнымъ имя начинающаго поэта. Своихъ денегъ у Верлэна не было, тѣмъ болѣе, что семейныя дѣла шли все хуже и хуже, а послѣ смерти отца, — умершаго 30 декабря 1865 года, — и совсѣмъ разстроились. Но тутъ два счастливыхъ обстоятельства, которыхъ такъ мало встрѣчается въ біографіи Верлэна, явились ему на помощь.

Во-первыхъ, нашелся издатель, согласившійся взять на себя труды и хлопоты по напечатанію и распространенію книги. То былъ дебютирующій книгопродавецъ, въ пассажѣ Шуазель, имя котораго стало вскорѣ извѣстно читателямъ всего міра: Альфонсъ Лемерръ.

Въ это самое время онъ начиналъ свою издательскую дѣятельность и, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ молодыхъ „парнасцевъ“, готовъ былъ издавать,—великая смѣлость!—даже стихи. Но Лемерръ соглашался на это лишь подъ условіемъ, что расходы по изданію будутъ оплачены авторомъ. На выручку бѣдному поэту, какъ нѣкая добрая фея, явилась его молоденькая кузина, Элиза, читавшая его стихи и цѣнившая ихъ очень высоко. Она согласилась ссудить Полю маленькую сумму денегъ, нужную ему для его литературнаго дебюта *). Верленъ, съ торжествомъ, отнесъ рукопись и деньги Лемерру, и изданіе его „Сатурническихъ поэмъ“ было рѣшено.

Книга Верлена была третья по счету изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ тогда Лемерромъ. Первой былъ сборникъ стиховъ Ксавье де Рикара, появившійся безъ имени автора, „Ciel, Rue et Foyer“, второй — книга Франсуа Коппэ „Le Reliquaire“. Впрочемъ, двѣ послѣднія цифры можно и переставить, потому что сборники Коппэ и Верлена появились въ одинъ и тотъ же день.

II.

„Сатурническія поэмъ“ прошли совершенно незамѣченными въ „большой публикѣ“. Въ ту эпоху никто не хотѣлъ читать стиховъ, и даже имя Леконта де Лиля, уже напечатаннаго и „Античныя поэмъ“ и „Варварскія поэмъ“, было совершенно неизвѣстно. Книга Верлена затерялась среди множества другихъ стихотворныхъ сборниковъ.

Но „старшіе“, тѣ, чьимъ сужденіемъ Верленъ дорожилъ, приняли книгу очень благосклонно. Въ отвѣтъ на разосланные экземпляры, Верленъ получилъ множество писемъ, наполненныхъ похвалами и ободряющихъ его. Въ томъ числѣ были письма отъ Сентъ-Бева, Теодора де Банвиля и самого Виктора Гюго. Но надо сказать, что Гюго почиталъ долгомъ посылать нѣсколько лапидарныхъ привѣтственныхъ строкъ всѣмъ молодымъ поэтамъ, доставлявшимъ ему свои книги. Годъ спустя, когда Верлену случилось быть въ Брюсселѣ, онъ воспользовался этимъ, чтобы представиться великому изгнаннику, и Гюго въ разговорѣ не преминулъ процитировать нѣсколько строкъ изъ „Сатурническихъ поэмъ“,—удовольствіе, которое онъ тоже доставлялъ всѣмъ своимъ посѣтителемъ.

*) Съ этой кузиной Элизой, бывшей много старше Верлена, онъ съ дѣтства былъ связанъ нѣжной дружбой. Она умерла въ 1867 г. и Верленъ, по его словамъ, такъ былъ потрясенъ ея смертью, что два дня не могъ прикасаться къ пищѣ.

Печатно о „Сатурническихъ поемахъ“ высказался, кажется, одинъ только Барбей д'Оревилли, который назвалъ Верлена „пуританскимъ Бодлэромъ“.

Тѣмъ временемъ „Парнасъ“ начиналъ принимать опредѣленные очертанія литературной школы. Изъ числа поэтовъ, посѣщавшихъ салоны Рикаровъ и Нины, и воспринявшихъ ученіе Леконта де Лиля, выдѣлилась группа писателей, связанныхъ общими художественными идеалами. Субъективизму и чувствительности романтиковъ они хотѣли противопоставить искусство объективное, которое разрабатывало бы не личныя чувства того или другого поэта, но кругъ общечеловѣческихъ переживаній, вѣдомыхъ всѣмъ, для всѣхъ одинаковыхъ. Ихъ идеаломъ была поэзія, въ которой поэтъ исчезалъ бы за изображаемымъ. Сначала они хотѣли назвать себя „безстрастными“ („impassibles“), потомъ были предложены наименованія „стилисты“ и „фантасты“, но эти имена не удержались. Исторія литературы знаетъ ихъ подъ именемъ „парнасцевъ“. *)

Это послѣднее названіе произошло отъ названія того изданія, которое вскорѣ объединило ихъ. Прекративъ изданіе своего журнальчика „L'Art“, Ксавье де Рикаръ предложилъ Лемерру начать изданіе журнала стиховъ, въ которомъ „молодые“ могли бы печатать свои революціонныя опыты. Такъ какъ расходы, для начала, Рикаръ бралъ на себя, Лемерръ согласился. Такъ возникъ „Современный Парнасъ“, изданіе, сыгравшее видную роль въ исторіи поэзіи.

Полное заглавіе журнала, придуманное въ точности неизвѣстно кѣмъ, было: „Le Parnasse contemporain, recueil de vers nouveaux“. Первый выпускъ, въ 16 страницъ, появился въ мартѣ 1866 года. Тамъ были стихи Теофиля Готье, Теодора де Банвиля и Эредіа. Второй выпускъ былъ полностью посвященъ Леконту де Лиль; третій — Бодлэру. Потомъ слѣдовали книжки съ именами поэтовъ менѣе извѣстныхъ, Дьеркса, Сюлли-Прюдона, Лемуана, Рикара, Маллармэ, Мерэ, Лепеллетье, Вилье де Лиль Аданъ, Верлена и другихъ. Изданіе, если не имѣло успѣха денежнаго, обратило на себя вниманіе, вы-

*) Въ книгѣ Верлена, „Записки вдовца“, есть сжатый, но очень содержательный очеркъ Парнасской школы. Живое изображеніе „Парнаса“, возникновеніе этой литературной группы и его судьбы, можно найти въ воспоминаніяхъ Катюля Мендеса („La Légende du Parnasse contemporain“ и „Le Brasier du cendrier“) и Ксавье де Рикара („Petits mémoires d'un parnassien“).

звало большую полемику въ журналахъ, сдѣлало имена сотрудниковъ извѣстными. *)

Тогда же Верлэнъ началъ готовить къ печати свою вторую книгу, написанную всецѣло подъ вліяніемъ новыхъ идей. То были его „Изысканная пражднества“. Эдмондъ и Жюль де Гонкуръ только-что опубликовали свои интересныя статьи о XVІІІ вѣкѣ, въ которомъ воскресили жизнь и искусство эпохи послѣднихъ Людовиковъ, преданной забвенію послѣ Великой Революціи. Почти одновременно съ тѣмъ, въ Луврѣ открыли для публики галлерей Лаказа, въ которой были собраны лучшія созданія французскихъ художниковъ миновавшаго столѣтія. Верлэнъ засматривался на эти картины, и ему пришла мысль изобразить въ стихахъ, въ „безстрастной“ манерѣ парнасцевъ, образы Бушэ въ обстановкѣ Ватто. Результатомъ была маленькая книжка, изъ 24 стихотвореній подъ изысканнымъ заглавіемъ „Fêtes Galantes“.

Книжка была издана тѣмъ же Лемерромъ и также на счетъ автора. Она имѣла не большій успѣхъ, чѣмъ первый сборникъ Верлэна. Печать также какъ бы не замѣтила „Празднества“. Эти изящныя стихи были слишкомъ тонки для того времени, которое впервые начинало интересоваться романами Золя. Подъ шумъ полемики, возбужденной его „Терезою Ракэнъ“ (1867 г.), трудно было разслышать нѣжный лепетъ тѣней, проходящихъ „въ старомъ паркѣ“, и веселый смѣхъ воскресшихъ маркизовъ, вновь надѣвшихъ пудренныя парики.

Верлэнъ довольно близко къ сердцу принималъ неуспѣхъ своихъ книгъ. Онъ горько упрекалъ друзей, не желавшихъ или не имѣвшихъ возможности помѣстить о его сборникахъ сочувственные отзывы въ журналахъ. Ему въ тѣ годы хотѣлось литературной славы, и онъ считалъ, что имѣетъ всѣ права на нее.

Внѣшняя жизнь Верлэна, по его собственному признанію, была въ эти годы крайне пустой и безсодержательной. Усвоивъ съ самаго начала самостоятельной жизни привычку къ посѣщенію кафэ, и еще болѣе „предосудительныхъ“ мѣсть, онъ продолжалъ коротать досуги въ этихъ сомнительныхъ удовольствіяхъ. Частыя отлучки Верлэна на всю ночь, его возвращенія домой въ нетрезвомъ видѣ—приводили въ отчаянье его мать, съ которой онъ жилъ на одной квартирѣ.

*) Въ 1869 г. вышла вторая серія „Современнаго Парнаса“, а въ 1876—третья. Онъ имѣла гораздо меньшій успѣхъ, нежели первая. Въ третьей Верлэнъ не участвовалъ вовсе: въ ту эпоху онъ былъ „забытъ“.

Г-жа Верленъ была женщина набожная, степенная, по-провинціальному добродѣтельная, и образъ жизни сына тяготилъ ее безмѣрно. „Ты опять пьянь, Поль!“ восклицала она, всплескивая руками. И это „опять“ выводило изъ себя поэта „Сатурническихъ поэмъ“, поклонника Бодлера и ученика „безстрастнаго“ Парнаса.

Между тѣмъ, въ глубинѣ души Верлена жило неодолимое влеченіе къ иному кругу чувствъ, къ тихой нѣжности, къ мирнымъ радостямъ домашняго очага. „Сатурническія“ поэмы постоянно прерываются мучительными мольбами о „кротости“; въ стихотвореніи „Завѣтная мечта“ Верленъ сознается, что мечтаетъ о „безвѣстной женщинѣ“, которую онъ любилъ бы и которая его любила бы и понимала бы. Даже среди ироніи „Изысканныхъ празднествъ“ звучать напѣвы тихой „Серенады“ и жалобы надъ статуей Амура, поваленной ночнымъ вѣтромъ на землю. Верленъ, взрослый ребенокъ. путавшій „Цвѣты зла“ и „Цвѣты мая“, ждалъ, жаждалъ любви, истинной любви, которая не приходила...

Верленъ не былъ хорошъ собою. Въ старости въ его „сократическомъ“ черепѣ, въ его рѣзко-выразительномъ лицѣ, въ его причудливой, всегда всклокоченной бородѣ было что-то гротескное, что могло привлекать къ себѣ. Но отъ молодости требуютъ иного: красоты, изящества, стройности. Ничего этого не было у „господина Поля“, какъ называли его въ дружескихъ домахъ. *) Сохранился рассказъ, что когда впервые Верленъ, 20-лѣтнимъ юношей, появился у Лепеллетье, г-жа Лепеллетье, мать писателя, увидя неуклюже сформированную голову Верлена, громадныя впадины его глазницъ, курносый носъ, монгольскаго типа скулы, была совершенно поражена. „Боже мой, сказала она сыну, когда Верленъ ушелъ, но твой другъ похожъ на орангъ-утанга, вырвавшася изъ зоологическаго сада!“

Можно было заранѣе угадать, что первая дѣвушка, которая обратитъ вниманіе на Верлена, овладѣетъ всецѣло его душой, втайнѣ томившейся жаждой чистой любви. Этой дѣвушкой оказалась сестра его товарища, начинающаго композитора Шарля де Сиври.

Съ Шарлемъ де Сиври познакомилъ Верлена тотъ же Лепеллетье. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ между ними были простыя дружескія отношенія, поддерживаемыя особенно тѣмъ, что Шарлю живо нравились стихи Поля. Сиври многіе изъ нихъ даже положилъ

*) Лучшимъ портретомъ Верлена въ молодости считается рисунокъ Пеарона, воспроизведенный въ книгѣ Ш. Доно (стр. 30).

на музыку. Сиври посѣщаль и салонъ Рикаровъ и вечера Нины. Верленъ запросто бываль у него, въ домъ его вотчима, г. Мотэ, у котораго отъ второй жены, мачехи Шарля, была дочь—пятнадцатилѣтняя Матильда.

Верленъ самъ разсказаль, какъ однажды, когда онъ былъ у Сиври, въ комнату неожиданно вошла Матильда. Увидя незнакомое лицо, она хотѣла тотчасъ вернуться назадъ, но Шарль удержаль ее.

— Оставайся, это—Верленъ, поэтъ, ты знаешь...

Матильда, дѣйствительно, видѣла у брата книжки Верлена, и даже заглядывала въ нихъ, хотя ей и говорили, что эти стихи „слишкомъ сильны“ для нея. Матильда осталась. Она отнеслась къ „господну Полю“ иначе, чѣмъ другія женщины, и роковое знакомство было завязано.

Первая встрѣча, повидимому, рѣшила все. То былъ, дѣйствительно, тотъ „ударъ молніи“, о которомъ любили говорить старые романисты. Матильда Мотэ была первая, и едва ли не единственная, любовь, прошедшая черезъ жизнь Верлена. Этотъ циникъ, съ головой фавна, этотъ вѣрный любовникъ абсента, старость котораго прошла среди продажныхъ женщинъ самаго послѣдняго разбора, былъ „однолюбъ“, какъ самый наивный изъ романтиковъ. Искатель мистическаго „голубого цвѣтка“, онъ лишь разъ въ жизни прикоснулся къ нему, и, цинически воспѣвая въ своихъ позднѣйшихъ поэмахъ „невѣрности“ своихъ возлюбленныхъ, самъ былъ болѣе вѣренъ единственному чувству своей жизни, чѣмъ Новалисъ или Шелли, образы которыхъ мы такъ привыкли сравнивать съ ангелами...

Послѣ встрѣчи съ Матильдой началась для Верлена непривычная для него пора влюбленности. Воспитанная въ литературной средѣ, слышавшая не разъ отъ своего брата, что Верленъ—великій поэтъ, Матильда была прежде всего заинтересована его вниманіемъ. Притомъ она совершенно не знала жизни, почти никого не видала, ей не съ кѣмъ было сравнивать „господина Поля“. Лепеллетье, который былъ наперникомъ любви Верлена, свидѣтельствуешь намъ, что чувство было взаимное: хотя, можетъ быть, недолгое время, но избранница Верлена отвѣчала ему на его любовь, и онъ могъ узнать счастье—быть любимымъ.

Вскорѣ послѣ знакомства съ Матильдой, Верленъ долженъ былъ уѣхать на каникулярныя недѣли, какъ онъ это дѣлалъ каждое лѣто, на сѣверъ, въ имѣніе дяди. Онъ съ обычной наивностью разсказываетъ намъ, какъ ему пришло тамъ въ голову просить руки Матильды. Однажды изъ деревни онъ поѣхаль на день въ ближній го-

родъ, Аррасъ. Городскіе соблазны тотчасъ завлекли его, сначала въ различные кафэ, гдѣ можно было пить то, что французы называютъ „des aréretifs“, а потомъ и въ притоны „свободной“ любви... Домой Верленъ вернулся съ головной болью и тошнотой въ желудкѣ. На другой день утромъ онъ, безъ раздумій, сѣлъ и написалъ письмо Шарлю, въ которомъ просилъ руки его сестры.

Письмо было адресовано довольно необдуманно. Шарль былъ своднымъ братомъ Матильды и не имѣлъ никакихъ правъ ни давать согласіе на ея бракъ, ни воспрещать его. Онъ, не задумываясь, однако, показалъ письмо сестрѣ. Убѣдившись, что съ ея стороны возраженій не будетъ, онъ обратился къ ея матери, г-жѣ Мотэ, дамѣ въ самомъ полномъ смыслѣ слова буржуазной, желавшей устроить свою дочь, сколько можно „приличнѣе“ и „выгоднѣе“. Г-жа Мотэ сначала выразила предположеніе, что Верленъ написалъ свое посланіе просто подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Потомъ сослалась на всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ отговорки: что ея дочь молода, что у Верлена нѣтъ твердаго положенія, что вообще надо подумать... Въ концѣ концовъ поэту былъ посланъ отвѣтъ, въ которомъ ему позволяли „надѣяться“... Этого было достаточно для влюбленнаго поэта, чтобы почувствовать себя счастливымъ. „Это было божественно“, вспоминаетъ онъ въ своей „Исповѣди“.

Тогда же, по словамъ Верлена, онъ задумалъ и началъ свою книгу „Милая пѣсенка“, которая должна была стать какъ бы свадебнымъ подаркомъ невѣстѣ. Верлену хотѣлось торжественно отречься отъ своего „грѣховнаго“ прошлаго, давать обѣты „итти кротко и прямой дорогой въ жизни“, всенародно исповѣдать свою любовь. Первые стихотворенія книги были написаны еще въ деревнѣ, подъ вліяніемъ только одного ободрительнаго письма Шарля.

Между тѣмъ Верлена ждали долгіе мѣсяцы испытанія. Когда онъ вернулся въ Парижъ, Матильды тамъ не было: она уѣхала съ родителями и младшей сестрой въ Нормандію. Но и въ отсутствіи невѣсты Верленъ стремился, съ наивностью юноши, хотя ему было уже 26 лѣтъ, осуществить свой новый идеаль жизни. Онъ съ негодованіемъ отказывался отъ приглашеній старыхъ товарищей зайти въ кафэ, онъ рано возвращался домой и, въ утѣшеніе матери, проводилъ вечера, мирно играя съ нею въ пикетъ; иногда появлялся онъ съ нею въ знакомыхъ, буржуазныхъ домахъ, гдѣ не видали его уже очень давно, гдѣ угощали чаемъ съ печеніемъ и разговаривали о дороговизнѣ продуктовъ... Блаженство дополнялось коротенькими письмами Матильды, которыми ей было позволено обмѣниваться съ

„господиномъ Полемъ“, письмами, не чуждыми милыхъ грамматическихъ ошибокъ.

Въ свое неожиданное „перерожденіе“ Верлэнъ влагалъ ту же страстность, съ какой позднѣе онъ обратился къ религіи..

Когда Мотэ вернулись въ Парижъ, Верлэнъ получилъ позволеніе бывать у нихъ „запросто“. И каждый день началъ онъ совершать то, что называетъ въ своихъ стихахъ „свой путь къ раю“, -- прогулку на улицу Батиньоль, гдѣ жила его невѣста, и возвращеніе къ себѣ на Монмартръ. По воскресеньямъ Верлэнъ обѣдалъ у Мотэ, и нерѣдко на эти обѣды приглашалась и г-жа Верлэнъ, вполнѣ счастливая тѣмъ, что ея Поль, наконецъ, остепенился, что онъ женится, будетъ имѣть дѣтей, ея внуковъ, заживетъ, „какъ всѣ“. Всѣ были, кажется, счастливы, не исключая родителей невѣсты, которые считали Верлена не дурной партіей, такъ какъ онъ былъ на службѣ, такъ какъ мать его сохранила кое-какія сбереженія, и такъ какъ женихъ заявилъ, что отказывается отъ всякаго приданого...

Послѣ „испытанія“, длившагося всю зиму, стали, наконецъ, намѣчать день свадьбы. Но тутъ явилось новое и жестокое препятствіе: невѣста захворала оспой. Для Верлена начались всѣ мученія, связанные съ болѣзнью близкаго лица, но онъ самъ признается, что больше всего его мучила мысль о новой отсрочкѣ... Когда выздоровѣла Матильда,—благополучно, не потерявъ ничего изъ своей дѣтской красоты,—захворала, заразившаяся отъ нея, ея мать... Свадьба была, наконецъ, окончательно назначена на августъ 1870 г. Но именно къ этому времени разразился громъ франко-прусской войны. Улицы наполнились манифестантами, толпы ходили со знаменами, крича: „да здравствуетъ императоръ!“, а порой и „да здравствуетъ республика!“ Вслѣдъ затѣмъ палата приняла вотумъ, по которому всѣ неженатые, призыва 1864—65 г., должны были явиться подъ знамена...

Настойчивость влюбленныхъ побѣдила, однако, всѣ препятствія. Не остановило Верлена даже то обстоятельство, что наканунѣ самой свадьбы его хорошій другъ, Ламберъ де Руаси, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Казалось, все кругомъ соединилось, чтобы удержать бѣднаго поэта отъ рѣшительнаго шага, который онъ собирался сдѣлать. Но онъ былъ слѣпъ и глухъ къ предостереженіямъ судьбы. Отъ трупа своего друга, по улицамъ, наполненнымъ криками войны, подъ солнцемъ, уже освѣщавшемъ начало величайшихъ кровополитій XIX вѣка, онъ все же поѣхалъ въ мэрію и въ церковь. Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ въ Монмартрской мэріи и въ церкви Notre-Dame-de-Clignancourt, причемъ свидѣте-

лями со стороны жениха были Леонъ Валадъ и Поль Фуше, beau frère Виктора Гюго. Изъ церкви молодые поѣхали въ свою новую квартиру, гдѣ суждено имъ было знать нѣсколько радостныхъ дней и гораздо больше дней печальныхъ.

Памятникомъ этого періода жизни Верлена остался третій сборникъ его стиховъ „Милая пѣсенка“, небольшая книжка изъ 21 стихотворенія, написанная въ нѣжныхъ, заглушенныхъ тонахъ. Вышедшая въ тѣ дни, когда во всей Франціи не было другихъ разговоровъ, какъ о войнѣ, эта книжка Верлена раздѣлила участь двухъ предшествующихъ: прошла никѣмъ незамѣченной. Только нѣсколько друзей поэта написали ему, по поводу нея, нѣсколько привѣтственныхъ писемъ. „Ваши стихи прелестны,—писалъ Леконтъ де-Лиль,—въ нихъ дышитъ счастливое успокоеніе ума и полное спокойствіе сердца“. „Это—цвѣтокъ, расцвѣтшій въ гранатѣ“, опредѣлилъ Викторъ Гюго. Критикъ же было некогда говорить о стихахъ, когда всѣ думали только о сраженіяхъ.

Въ творествѣ самого Верлена „Милая пѣсенка“ занимаетъ опредѣленное мѣсто. Она означаетъ переходъ отъ поэзіи чисто-описательной, щедрую дань которой онъ платилъ въ „Сатурническихъ поемахъ“ и „Изысканныхъ празднествахъ“, къ поэзіи личнаго чувства. Если въ первыхъ книгахъ Верлена чистая лирика выступала лишь въ видѣ счастливаго исключенія, въ „Милой пѣсенкѣ“ она заняла положеніе господствующее. Это еще не было прямымъ разрывомъ съ традиціями Парнаса, но уже серьезнымъ нарушеніемъ его принциповъ. Парнасцы еще могли „простить“ эту книгу своему заблудшему товарищу, какъ случайное нарушеніе ихъ поэтики, но Верленъ долженъ былъ пойти далеко впередъ по этому пути, чтобы создать новую форму лирики и даже новые принципы искусства вообще.

III.

„Медовый мѣсяцъ“ Верлена былъ омраченъ неудачами французскаго оружія, которыя поэта трогали весьма живо. Какъ извѣстно, пораженія слѣдовали одно за другимъ съ поразительной быстротой. 1 сентября разразилась Седанская катастрофа. 3 сентября Наполеонъ былъ объявленъ низложеннымъ и организовалось правительство національной обороны. Со второй половины сентября Парижъ былъ блокированъ нѣмецкими войсками. Но въ городѣ еще долгое время

и почти во всѣ мѣсяцы осады, жизнь продолжала итти болѣе или менѣе обычнымъ темпомъ.

Верлэнъ, послѣ свадьбы, поселился въ собственной квартирѣ, вдвоемъ съ женой. Лица, знавшія его въ ту пору, описываютъ эту его квартиру, на улицѣ Кардинала-Лемуана, какъ чисто-буржуазное „гнѣздышко“ молодой четы. Обстановка, вѣроятно, выбранная подѣ наблюдениемъ г-жи Мотэ, вполне соответствовала вкусамъ конца второй имперіи. Въ ней совершенно терялось нѣсколько, украшавшихъ стѣны, хорошихъ литографій, въ томъ числѣ и двѣ или три японскихъ гравюры, мода на которыя въ тѣ годы лишь возникала, и нѣсколько картинъ, среди которыхъ одна—Курбэ, другая Монтичелли. Съ ними смѣшивались заурядныя фотографіи друзей, въ безобразныхъ рамкахъ. Единственнымъ богатствомъ была небольшая бібліотека, довольно оригинальная по подбору книгъ, гдѣ Расинъ стоялъ рядомъ съ „Eraives“ Бодлера, а Рошфоръ—съ томикомъ Глатиньи. Украшеніемъ квартиры былъ большой балконъ, съ видомъ на набережную.

Подѣ влияніемъ одушевленія, охватившаго тогда все общество, Верлэнъ не захотѣлъ воспользоваться тѣми правами, какія предоставляло ему его положеніе чиновника, и записался въ ряды національной гвардіи. Такимъ образомъ, къ его служебнымъ обязанностямъ присоединились обязанности военныя, и его день былъ подѣленъ между думой и укрѣпленіями, гдѣ происходило ученіе добровольцевъ. На долю семейной жизни оставалось времени немного. Но это, конечно, только давало ему тѣмъ острѣе чувствовать все очарованіе новаго склада его существованія.

Это не помѣшало, впрочемъ, возникновенію разнаго рода семейныхъ недоразумѣній. Верлэнъ, уже съ того дня, какъ его „предложеніе“ было принято благосклонно, почти прекратилъ пить, торжественно отрекся отъ абсента. Однако, жизнь среди товарищей по казармѣ и необходимость проводить цѣлые часы въ сырости и въ холодѣ выставляли передъ нимъ соблазны, слишкомъ неодолимые. Однажды вечеромъ, въ декабрѣ, онъ вернулся домой въ довольно печальномъ состояніи... Матильда осыпала его упреками. Поль отвѣчалъ... Результатъ былъ тотъ, что на другой день Верлэнъ не нашелъ жены дома; она уѣхала къ родителямъ. Эта первая ссора кончилась благополучно, и миръ былъ восстановленъ.

Нѣсколько недѣль спустя за неявку на службу въ установленный часъ Верлэнъ было отправленъ, говоря по-нашему, „на гауптвахту“. То была его „вторая темница“, считая за первую школьный

карцеръ, съ которымъ Поль познакомился въ пансіонѣ Ландри... Верлэнъ увидѣлъ, что въ патріотизмѣ была и обратная сторона. Со свойственной ему быстротой въ перемѣнѣ настроеній, онъ возненавидѣлъ военную службу. Бронхитъ, дѣйствительно имъ полученный во время ученія на укрѣпленіяхъ, далъ ему законный поводъ просить объ отставкѣ, которая и была имъ получена. Это было уже въ началѣ 1871 г.

Послѣдніе, особенно тяжелые мѣсяцы осады онъ перенесъ довольно бодро. Но заключеніе позорнаго мира не особенно огорчило его. Верлэнъ уже усталъ отъ шума политическихъ событій, отъ постоянного напряженія слишкомъ дѣятельной эпохи. Ему хотѣлось отдыха, но до отдыха было еще далеко.

Наступило 18 марта. Тьеръ покинулъ Парижъ, и мѣстопробываніемъ правительства былъ объявленъ Версаль. Большинство чиновниковъ послѣдовало за Тьеромъ. Верлэнъ остался въ Парижѣ, главнымъ образомъ, вѣроятно, по своему наивному непониманію политическаго смысла совершавшихся событій. Впрочемъ, онъ въ тѣ годы все еще почиталъ себя республиканцемъ, и ему казалось, что сторонники республики—противники Тьера. Съ прежней аккуратностью Верлэнъ продолжалъ посѣщать думу, гдѣ его ждало привычное кресло, знакомая чернильница, но уже другіе сослуживцы. Самъ того не ожидая, онъ оказался на службѣ у Коммуны. Ему, какъ литератору, поручили просматривать газеты и вырѣзать статьи, касающіяся Коммуны. Сочувственные онъ долженъ былъ складывать въ одинъ конвертъ, враждебныя—въ другой. Онъ и дѣлалъ это со всей добросовѣстностью.

Тѣмъ временемъ „федералисты“ начали свою осаду Парижа. Послѣдовали страшныя событія и еще болѣе страшныя сцены братоубійственной войны. 21 мая правительственная войска вступили въ столицу, начался бой на улицахъ; пылали дома и цѣлые кварталы; коммунаровъ разстрѣливали сначала десятками, потомъ сотнями и тысячами... Тутъ только Верлэнъ созналъ то положеніе, въ какомъ онъ оказался. По свидѣтельству Лепеллетье, имъ овладѣлъ безумный, чисто животный страхъ. Когда Лепеллетье и его другъ Эмиль Рипаръ зашли къ Верлэну, 24 мая, они нашли поэта, спрятавшимся въ темной комнатѣ, откуда онъ ни за что не хотѣлъ выйти. Онъ только умолялъ, чтобы съ нимъ оставалась непрерывно ихъ горничная, такъ какъ вдвоемъ „менѣе страшно“. Тщетно друзья убѣждали бѣднаго Поля выйти на балконъ—заглянуть на поразительное, единственное зрѣлище, какое представлялъ Парижъ, объятый пламенемъ.

Едва настало нѣкоторое успокоеніе, Верленъ поспѣшилъ переѣхать на другую квартиру, на Монмартръ, улицу Николэ, въ домъ, принадлежавшій родителямъ его жены, Мотэ. О томъ, чтобы возвратиться къ своимъ обязанностямъ въ думу, онъ, конечно, не могъ и думать. Въ самомъ началѣ весны онъ совсѣмъ покинулъ Парижъ, и лѣто провелъ съ женой на сѣверѣ, въ Фампу, на родинѣ матери. Потомъ онъ гостилъ въ деревнѣ у Дюжардена, своего кузена, пригласившаго его, и только поздно осенью рѣшился вернуться въ Парижъ. Около этого времени у Верлена родился сынъ, Жоржъ; это на время вновь сблизило его съ женой. *)

Но тутъ въ жизнь Верлена вторгнулось новое и зловѣщее вліяніе: вліяніе Артюра Римбо.

Въ настоящее время біографія Артюра Римбо извѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Его поклонники изслѣдовали всю его жизнь, съ самаго ранняго возраста, во всѣ періоды, не исключая и тѣхъ лѣтъ, что онъ провелъ въ пустыняхъ Африки, издали всѣ сохранившіяся его сочиненія, его письма, разные относящіеся къ нему документы **). Римбо уже не тотъ таинственный геній, какимъ его почитали въ 90-хъ годахъ, когда самое его существованіе иные готовы были считать миеомъ. Мы можемъ поэтому вполне точно прослѣдить отношенія Верлена и Римбо, котораго „бѣдный Леліанъ“ называлъ однажды „своимъ злымъ духомъ“.

Мы уже говорили, что въ жизни Верлена совсѣмъ не было романовъ любви, кромѣ одного, единственнаго. Сознывая недостатки своей наружности, можетъ быть, неволью преувеличивая ихъ въ своемъ воображеніи, Верленъ чуждался женщинъ. Но во всѣ періоды его жизни случалось ему съ настоящей страстью увлекаться чувствомъ какой-то особой, напряженной дружбы къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей или къ нѣкоторымъ юношамъ. Друзья Верлена, хорошо знавшіе его, и онъ самъ неоднократно настаиваютъ на томъ, что къ этому чувству идеальной дружбы никогда не примѣшивалось ничего такого, что могло бы сдѣлать ее предосудительной въ иныхъ глазахъ.. Оставляя послѣдній вопросъ открытымъ, мы укажемъ

*) О судьбѣ Жоржа Верлена см. ниже и въ „Примѣчаніяхъ“, стр. 175.

***) Біографія Римбо: Paterne Berrichon. La Vie de Jean-Arthur Rimbaud. Ed. du „Mercure de France“. P. 1897; Собраніе его сочиненій: Œuvres de Jean-Arthur Rimbaud. Ed. du „Mercure de France“. P. 1898. Собраніе его писемъ: Lettres de Jean-Arthur Rimbaud. Ed. du „Mercure de France“. P. 1899.

только на самый фактъ этого влеченія Верлэна къ платоновскимъ идеаламъ.

Лепеллетье рассказываетъ, напр., что еще ребенкомъ Верлэнъ въ полномъ смыслѣ слова „увлекался“ своимъ двоюроднымъ братомъ Дюжарденомъ, имя котораго мы только-что упоминали. Въ лицѣ Бонапарте Верлэнъ столь же неудержимо привязался къ красивому, изящному, меланхолическому юношѣ, по имени Люсиенъ Виотти (погибшему трагически въ 1870 г.). Но всѣ эти недолгія увлеченія не имѣютъ ничего общаго съ той страстью, въ какую обратилась дружба Верлэна къ Римбо.

Артюръ Римбо родился въ Шарлвиллѣ, въ Арденнахъ, 20 октября 1854 года, и слѣдовательно былъ на десять лѣтъ моложе Верлэна. Въ 1871 году Римбо было неполныхъ 17 лѣтъ. Онъ учился въ колледжѣ въ родномъ городѣ и обнаружилъ раннюю зрѣлость ума и духа. По многимъ предметамъ онъ былъ блестящимъ ученикомъ, прекрасно писалъ латинскіе стихи, и очень рано началъ писать стихи французскіе. Еще на школьной скамьѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что существующая поэзія не заслуживаетъ никакого вниманія: древніе ни на что не нужны современному человѣку, классики (Корнель, Расинъ) безнадежно устарѣли, Гюго—смѣшенъ, парнасцы—отвратительны. Надо создать новое искусство, и Римбо былъ увѣренъ, что эту задачу исполнить не кто другой, какъ онъ. Можно добавить, что вполнѣ послѣдовательно онъ пришелъ и къ отрицанію всѣхъ принятыхъ условій общежитія.

Въ то же время Римбо съ дѣтства былъ одержимъ настоящей маніей бродяжничества. Въ эпоху франко-прусской войны онъ тайно продалъ свои школьные учебники и, безъ билета, уѣхалъ въ Парижъ. Его задержали на конечномъ вокзалѣ, какъ безбилетнаго, и вернули на родину. Однако, въ февралѣ 1871 года, Римбо вновь оказался въ Парижѣ, и явился прямо на квартиру къ художнику Андре Жиллю, съ которымъ вовсе не былъ знакомъ. Вернувшись домой, Жилль нашелъ у себя на диванѣ, спящимъ, незнакомаго юношу, который рекомендовался поэтомъ, пріѣхавшимъ завоевывать Парижъ. Жилль далъ ему десять франковъ, но посоветовалъ искать иного мѣстожительства. Побродивъ нѣсколько дней по столицѣ, Римбо отправился въ родной городъ, черезъ всю Францію, еще наполненную прусскими отрядами, пѣшкомъ. Спустя два мѣсяца, онъ повторилъ это путешествіе, въ третій разъ явился въ Парижъ, въ дни Коммуны, и хотѣлъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но въ ту пору дни Коммуны уже были сочтены, и Римбо послѣдо-

валъ доброму совѣту, кѣмъ-то ему данному, обратиться во-время на родину.

Изо всѣхъ современныхъ поэтовъ Римбо дѣлалъ нѣкоторое исключеніе для Верлена, „Сатурническія поэмы“ котораго ему нравились. Случайно Римбо съ дѣтства былъ знакомъ съ Эрнестомъ Делаэ, давнимъ другомъ Верлена, и переписывался съ нимъ. Черезъ Делаэ узналъ стихи Римбо и Верленъ. Это подало Римбо мысль написать Верлену лично. Римбо послалъ автору „Милой пѣсенки“ свои причудливыя созданія, нарушавшія всѣ законы поэтики, и попросилъ у него гостепрѣимства въ Парижѣ. Верленъ первоначально былъ заинтересованъ стихами Римбо исключительно какъ художникъ. Онъ написалъ юношѣ, что охотно предлагаетъ ему жить у себя. Римбо не колебался принять приглашеніе, и осенью 1871 г., когда Верленъ возвратился въ Парижъ, появился у него на квартирѣ.

Начались въ своемъ родѣ знаменитые дни пребыванія Римбо въ Парижѣ. Едва ли не на всѣхъ окружающихъ Римбо произвелъ самое непріятное впечатлѣніе. Нечего и говорить о Матильдѣ Верленъ и ея матери, которыхъ самоувѣренная развязность Римбо, его поразительная способность ничѣмъ не стѣсняться, его намѣренно непозволительныя „манеры“ приводили въ настоящій ужасъ. Но даже художники и поэты, вольные члены парижской богемы, были шокированы этимъ безбородымъ юношей, „съ совершенно овальнымъ лицомъ падшаго ангела“, нестройнымъ, нескладнымъ, зачастую грубымъ, который всѣхъ и все въ мірѣ третировалъ съ высоты своей геніальности. Римбо говорилъ мало, ничего дѣйствительно интереснаго, или хотя бы новаго, не высказывалъ, но все осуждалъ, со всѣми готовъ былъ затѣять ссору и ото всѣхъ требовалъ поклоненія себѣ, какъ чуду. Только немногіе могли оцѣнить всю оригинальность и всю тайную художественность его стиховъ, и никто, кажется, не усмотрѣлъ подъ его обманчивой внѣшностью наивность все же дѣтской души, глубокою впечатлительностью поэта и застѣнчивую робость, скрываемую за рѣзкими выходками. *)

*) Патеръ Берришонъ, такъ много сдѣлавшій для реабилитаціи памяти А. Римбо, въ страстной статьѣ, только-что появившейся въ „Mercure de France“ (1911, 1 mars), доказываетъ, что юноша Римбо былъ страдательнымъ лицомъ въ его отношеніяхъ съ парнасцами. Постоянно всѣми унижаемый, принужденный пользоваться подаеніемъ, отъ чего жестоко страдало его самолюбіе, онъ мстилъ рѣзкими выходками и острыми насмѣшками. Почти всегда голодный, потому что „друзья“ не заботились объ томъ, чтобы ему былъ обезпеченъ постоянный столъ,

Сначала Римбо поселили въ квартирѣ г-жи Мотэ, которой тогда не было въ Парижѣ; потомъ пріютили его у себя Банвили (такъ какъ г-жа Верленъ рѣшительно отказалась имѣть такого нахлѣбника); еще послѣ Римбо жилъ поочередно то у одного, то у другого изъ различныхъ художниковъ и писателей, съ которыми Верленъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Устроена была даже особая складчина, чтобы собрать для Римбо деньги на его карманные расходы, и ему выдавалось ежедневно по 3 франка.

Что же касается Верлена, то онъ съ перваго взгляда былъ Римбо какъ бы околдованъ. Онъ привязался къ „чудо-ребенку“ какой-то необъяснимой страстной любовью, готовой все прощать и во всемъ находить прелесть. Верленъ не слушалъ ни доводовъ друзей, ни упрековъ жены, ни убѣжденій матери: онъ считалъ Римбо не только гениемъ, но и своимъ лучшимъ другомъ, и хотѣлъ лишь одного—не разставаться съ нимъ. Семейныя сцены, которыя возникали изъ-за Римбо и грозили миру „домашняго очага“, нисколько не трогали Верлена.

Конечно, Верленъ успѣшилъ представить своего юнаго друга всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Онъ даже повелъ его къ Виктору Гюго, у котораго появлялся иногда, послѣ возвращенія Гюго въ Парижъ. Говорятъ, что Гюго, при этой встрѣчѣ, назвалъ Римбо „маленькимъ Шекспиромъ“; Гюго любилъ такія выходки, не обязывающія ни къ чему. Также настоялъ Верленъ, чтобы художникъ Фантэнъ-Латуръ, писавшій въ то время коллективный портретъ ряда французскихъ писателей (извѣстный теперь подъ названіемъ „Уголокъ стола“), помѣстилъ въ группѣ портретъ Артюра Римбо. Понинѣ эта картина остается лучшимъ портретомъ Римбо. *)

Въ концѣ концовъ, друзья Верлена нашли благовидный предлогъ, чтобы удалить изъ Парижа Римбо. Каждый мѣсяць, сотрудники бывшаго „Современнаго Парнаса“ (пріостановленнаго въ годы войны) имѣли обыкновеніе собираться на товарищескіе обѣды, въ какомъ-нибудь кафэ, носившіе названіе „les diners des Vilains Bonshommes“. Тамъ читались стихи, велись споры о литературѣ, тамъ много и онъ, непривычный къ вину, пьянѣлъ съ первой рюмки. Парнасцы напаявали его, чтобы потѣшиться его экзальтаціей, и потомъ негодовали на высказываемыя имъ сужденія. Замѣчательно, что позднѣе, порвавъ съ Верленомъ, Римбо рѣшительно отказался отъ употребленія алкоголя.

*) Снимокъ съ этой картины помѣщенъ въ біографіи Верлена А. Сешэ и Ж. Берто (см. „Библиографію“).

охотно пили. Меню обѣдовъ нерѣдко рисовали художники, друзья парнасцевъ. На ближайшій изъ такихъ обѣдовъ Верленъ не преминулъ привести и Римбо. Послѣ обѣда, по обыкновенію, началось чтеніе стиховъ. Когда читалъ Жанъ Экаръ, одинъ изъ видныхъ парнасцевъ, Римбо, со свойственной ему откровенностью, постарался выразить свое пренебреженіе къ стихамъ—тѣмъ, что принялся громко разговаривать. Этьенъ Каржа (фотографъ-любитель) попросилъ его замолчать, Римбо отвѣчалъ, что не видитъ въ томъ нужды. Тогда Каржа обозвалъ его „соплякомъ“ (moucheux) и пригрозилъ „выдрать за уши“. Римбо, который былъ достаточно пьянъ, не долго думая, ринулся къ трости Верлена, въ которой былъ вдѣланъ клинокъ, обнажилъ его и съ такой стремительностью атаковалъ обидчика, что успѣлъ ранить его въ руку, раньше, чѣмъ оружіе удалось вырвать изъ рукъ юноши.

Мишель де-Ла-Э, молодой художникъ, увелъ Римбо къ себѣ, чтобы дать ему выспаться, а остальные, послѣ совѣщанія, порѣшили не допускать болѣе на свои собранія Римбо. Верленъ отнесся къ этому исключенію своего друга съ рѣдкой горячностью. Онъ обвинялъ друзей въ томъ, что они наложили эту кару на Римбо не за его проступокъ, но за его отношенія къ нему, Верлену, въ которыхъ усмотрѣли нѣчто предосудительное. Съ этой поры началось явное охлажденіе Верлена къ его бывшимъ друзьямъ, такъ что еще раньше, чѣмъ онъ покинулъ Парижъ на много лѣтъ, онъ уже разошелся съ кругомъ парнасцевъ. Но надо добавить, что приключеніе на обѣдѣ было не первымъ въ этомъ родѣ съ Римбо.

Римбо послѣ происшедшаго скандала покинулъ Парижъ.

Однако, его разлука съ Верленомъ длилась не долго.

Друзья продолжали переписываться и строили планы новой встрѣчи. Отношенія между Верленомъ и его женой все ухудшались. Во время пребыванія Римбо въ Парижѣ чуть ли не ежедневно происходили ссоры изъ-за поздняго возвращенія Верлена домой, изъ-за его возобновившейся привычки къ абсенту. Верленъ, по свидѣтельству его друзей, былъ невыносимъ подъ вліяніемъ алкоголя; онъ становился грубъ, несдержанъ на слова, любилъ и умѣлъ съ особымъ искусствомъ находить оскорбительныя для другихъ выраженія; онъ самъ сознается, въ своей „Исповѣди“, что въ такія минуты ему случалось подымать на жену руку *)... Жена все рѣшительнѣе начинала поговаривать о томъ, что имъ должно разстаться. Всѣ старанія

*) Confession, 2 partie, ch. XV (Œuvre, V, 183).

матери Верлена примирить молодую чету оставались напрасными. Наконецъ, на „семейномъ совѣтѣ“ было рѣшено, что лучше всего Верленамъ разъѣхаться на время. Полагали, что въ разлукѣ многое забудется и что по возвращеніи Верлена можно будетъ ему съ женой начать новую жизнь.

Верленъ ухватился съ радостью за этотъ планъ, который давалъ ему возможность нѣсколько мѣсяцевъ провести съ Артюромъ Римбо, на полной свободѣ. Къ тому же мать Верлена соглашалась дать ему достаточную сумму денегъ для довольно продолжительнаго путешествія. Для постороннихъ выставили тотъ предлогъ отъѣзда Верлена изъ Парижа, что онъ все еще опасался преслѣдованій за свое участіе въ Коммунѣ.

Мечтательному воображенію Римбо, однако, не понравился столь прозаическій планъ, какъ простое путешествіе, съ согласія „старшихъ“. Онъ предложилъ Верлену лучше „бѣжать“ потихоньку. И хотя никто не мѣшалъ Верлену выѣхать вполне открыто, онъ согласился съ доводами друга. Заранѣе запасшись деньгами, онъ покинулъ Парижъ тайно, и вмѣстѣ съ Артюромъ сѣлъ въ поѣздъ, отходившій въ Бельгію. Это было въ іюлѣ 1872 года. Верленъ не подозревалъ, конечно, что онъ уѣзжаетъ не только изъ Парижа и отъ жены, но ото всей своей прежней жизни, что свистокъ паровоза означаетъ для него разлуку со всѣмъ его прошлымъ и начало его новаго существованія, трагическаго и скорбнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавашаго всю его славу и все его величіе.

Путешествіе началось не безъ характернаго приключенія, вполне въ духѣ Римбо.

Друзья, разумѣется, на каждой станціи усердно посѣщали буфеты, и Римбо затѣялъ шутку, имѣвшую цѣлью поугаать другихъ пассажировъ. Друзья нарочно вели между собой такіе разговоры, которые должны были дать поводъ заподозрить въ нихъ бѣжавшихъ преступниковъ. Они такъ хорошо играли свои роли, что въ Брюсселѣ на нихъ, дѣйствительно, было указано жандармамъ и ихъ отправили въ полицію. Здѣсь Верленъ принялъ оскорбленный видъ, показалъ свои бумаги, и, конечно, обнаружилъ нелѣпость ареста. Но при этомъ онъ и его юный спутникъ держали себя столь вызывающе, что все же рѣшено было немедленно выслать ихъ за предѣлы бельгійской территоріи. Друзей, подъ надзоромъ жандарма, вновь отправили на вокзалъ, посадили въ вагонъ и заставили вернуться въ Парижъ.

Подкрѣпившись на парижскомъ вокзалѣ и проклиная бельгійскіе порядки, друзья пересѣли въ слѣдующій поѣздъ, вновь явились

въ негостепрѣимную Фландрію, но, не останавливаясь въ ней, прямо проѣхали въ Лондонъ.

Артюръ Римбо.

Рисунокъ Поля Верлэна.

IV.

Мы не совсѣмъ отчетливо знаемъ, какъ проходила жизнь Верлэна и Римбо въ Лондонѣ. Письма Верлэна того времени наполнены описаніями Лондона, очень тонкими и остроумными, страстными разсужденіями объ его отношеніяхъ съ женой, литературными дѣлами, новесьма мало сообщаютъ о самомъ ходѣ его жизни. Повидимому, друзья усердно посѣщали всякаго рода кафэ и веселыя учрежденія, низшаго разбора, много шатались по улицамъ безъ цѣли, совершали поѣздки въ сосѣдніе городки. Верлэнъ бывалъ у нѣкоторыхъ французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Лондонѣ, часто посѣщаль мастерскую художника Феликса Регамей, который нарисовалъ нѣсколько ин-

тересныхъ его портретовъ *). Что касается Римбо, то тотъ тратилъ время болѣе практично: онъ воспользовался пребываніемъ въ Лондонѣ для того, чтобы изучить англійскій языкъ и завязать сношенія съ нѣкоторыми видными негоціантами, замышляя, повидимому, свои позднѣйшія торговыя предпріятія.

Тѣмъ временемъ въ Парижѣ, въ семьѣ Верлэна, готовился тяжелый для него ударъ. Жена Верлэна, побуждаемая нѣкоторыми друзьями, рѣшила начать дѣло о разводѣ. Какъ главный поводъ развода, выставлялись предосудительныя отношенія Верлэна къ Римбо. Когда это извѣстіе дошло до Верлэна, онъ былъ возмущенъ въ высшей степени. Первое время онъ хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ Парижъ—избить или вызвать на дуэль адвоката жены. Потомъ думалъ устроить „судъ чести“ между собой и женой. Еще послѣ предлагалъ подвергнуться вмѣстѣ съ Римбо медицинскому освидѣтельству... Друзья убѣдили его не становиться въ смѣшныя положенія и предоставить дѣлу его легальный ходъ. Надо добавить, что жена вмѣстѣ съ разводомъ требовала отъ Верлэна ежегоднаго содержанія въ 1200 франковъ.

Среди всѣхъ этихъ огорченій Верлэнъ продолжалъ работать. Въ самомъ началѣ 1873 года онъ писалъ Лепеллетье, что у него готовъ новый сборникъ стиховъ, которому онъ тогда же далъ заглавіе „Романсы безъ словъ“. Повидимому, первоначальная рукопись мало чѣмъ отличалась отъ окончательнаго изданія. Верлэнъ надѣялся издать свою новую книгу въ Лондонѣ, но не могъ найти издателя. Къ Лемерру онъ не хотѣлъ обращаться, послѣ происшедшей ссоры съ парнасцами. Рукопись, наконецъ, была переслана Лепеллетье, но и въ Парижѣ никто не хотѣлъ издавать стихи поэта, о которомъ ходили самыя дурныя слухи. Верлэнъ, по обыкновенію, горько упрекалъ друга за промедленіе **).

Весной 1873 г. Римбо неожиданно покинулъ своего друга. Римбо извлекъ всю пользу, какую могъ, изъ своего пребыванія въ Лондонѣ

*) Среди этихъ рисунковъ-портретовъ Феликса Регамей особенно извѣстенъ одинъ, гдѣ Верлэнъ и Римбо изображены на улицѣ Лондона, въ видѣ двухъ довольно сомнительнаго вида субъектовъ, на которыхъ подозрительно косится полисменъ. Рисунокъ воспроизведенъ въ біографіи А. Сешэ и Ж. Берто и въ брошюрѣ самого Ф. Регамей (о которыхъ см. въ „Библіографіи“).

**) Кстати сказать, первоначально „Романсы безъ словъ“ были посвящены Артуру Римбо. По понятнымъ причинамъ, Лепеллетье убѣдилъ поэта уничтожить это посвященіе (см. письма Верлэна въ книгѣ Лепеллетье, стр. 327—9 и др.).

и, со своимъ обычнымъ эгоизмомъ, не видѣлъ болѣе надобности оставаться въ Англии. Кромѣ того, денежные запасы Верлэна изсякли. Да и склонность къ бродяжничеству влекла Римбо куда-нибудь въ новое мѣсто. Его отъѣздъ глубоко поразилъ Верлэна; нервное разстройство перешло у него въ настоящую болѣзнь. Всегда мнительный, онъ вообразилъ, что умираетъ, и разослалъ отчаянныя телеграммы всѣмъ близкимъ. Мать Верлэна поспѣшила къ сыну въ Лондонъ. Она нашла его въ постели, но черезъ нѣсколько дней онъ, судя по внѣшности, оправился. Разставшись съ матерью и не желая еще возвращаться въ Парижъ, Верлэнъ поѣхалъ погостить къ своей теткѣ, г-жѣ Эваръ, въ Люксембургъ.

Однако, сношенія Верлэна съ Римбо скоро возобновились. Узнавъ, что у Верлэна вновь появились деньги (послѣ его свиданія съ матерью), Римбо склонился на мольбы друга и назначилъ ему свиданіе въ Бельгii. Снова начались усердныя посѣщенія кафэ и другихъ увеселеній. Въ iюнѣ оба друга совершили новую поѣздку въ Англию, и на этотъ разъ Верлэнъ, живя въ Лондонѣ, попытался зарабатывать деньги, давая уроки французскаго языка. Но настоящій миръ уже не возстановливался между ними; въ томъ нервномъ состоянii, въ какомъ тогда находился Верлэнъ, каждая мелочь подавала поводъ къ столкновеніямъ и ссорамъ. Наконецъ, дошло до того, что Верлэнъ, не предупредивъ друга, самъ покинулъ его одного въ Лондонѣ, безъ денегъ, и тайно бѣжалъ на континентъ. Мы не знаемъ точныхъ причинъ этого поступка Верлэна. Вѣроятно, живя въ постоянномъ возбужденii, какъ подъ вліяніемъ извѣстій изъ Парижа, такъ и подъ вліяніемъ алкоголя, онъ не вполне отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ дѣлаетъ.

Рядъ дальнѣйшихъ событій также можетъ быть объясненъ только тѣмъ крайнимъ нервнымъ возбужденіемъ, въ какомъ тогда находился Верлэнъ.

Съ парохода Верлэнъ написалъ письмо Римбо, причемъ сообщалъ ему, что намѣренъ вызвать къ себѣ жену, а если она не пріѣдетъ, то убить себя. Потомъ онъ написалъ матери, умоляя ее пріѣхать. А еще послѣ, получивъ письмо Римбо, телеграфировалъ ему, прося у него прощенія и также призывая къ себѣ. Матильда не поѣхала, но мать и Римбо явились: мать надѣялась спасти сына и вернуть его къ тихой жизни; Римбо хотѣлъ высказать Верлэну все свое негодованіе на него и взять у него нужную сумму денегъ, чтобы навсегда съ нимъ разстаться. Всѣ трое были взволнованы и разстроены до крайности, и малѣйшій толчекъ могъ повести ко

взрыву. Этотъ взрывъ и произошелъ на другой день по прїѣздѣ Римбо, въ полдень.

Верланъ, въ тотъ день уходившій куда-то съ раннего утра, вернулся домой подъ сильнымъ вліяніемъ алкоголя. Онъ показывалъ только-что купленный револьверъ. Между нимъ и Римбо произошло окончательное объясненіе. Римбо настаивалъ на своемъ рѣшеніи уѣхать и просилъ денегъ, такъ какъ у него не было ни су. „Де-негъ! де-негъ!“ повторялъ онъ упрямо. Верланъ, который былъ какъ сумасшедшій, умолялъ его остаться съ нимъ. Мать Верлана, присутствовавшая тутъ же, тщетно старалась успокоить его или убѣдить—отложить объясненіе до слѣдующаго дня.

Что произошло затѣмъ, не вполне ясно. Согласно съ намеками Верлана въ его книгѣ „Мои темницы“, съ рассказомъ матери и съ показаніями передъ судомъ Римбо *),—Верланъ, не помня себя, здѣсь же въ комнатѣ, вынулъ револьверъ и дважды выстрѣлилъ въ Римбо, ранивъ его въ запястье лѣвой руки (рана оказалась легкой, хотя пулю удалось извлечь только на третій день). Послѣ выстрѣла Верланъ опомнился, бросился въ сосѣдную комнату, упалъ на постель, и, въ отчаяньи, протягивая револьверъ Римбо, кричалъ ему: „убей ты меня!“ Мать постаралась успокоить обоихъ; она дала нѣсколько франковъ Римбо, перевязала ему рану и посоветовала ему уѣхать немедленно. Верланъ вызвался проводить его на вокзалъ. Во время этого пути между ними опять возникла ссора. Римбо, видя, что Верланъ вновь опустилъ руку въ карманъ, и думая, что онъ вновь намѣренъ стрѣлять, бросился бѣжать, крича: „Убиваютъ!“ Верланъ погнался за нимъ, дико жестикулируя, угрожая, крича также. Ихъ арестовали, у Верлана нашли револьверъ, а Римбо былъ раненъ.

Такъ ли происходило это событіе или это лишь официальная версія, придуманная для суда **), во всякомъ случаѣ Верланъ былъ арестованъ въ Брюсселѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Его немедленно отправили въ арестный домъ, что носитъ въ Бельгіи ласковое имя „amigo“ (другъ).

Арестъ произвелъ на Верлана впечатлѣніе потрясающее. Онъ

*) Mes Prisons, ch. IV. (Œuvres, IV, p. 402), Lepelletier, 338—347.

**) Есть другой рассказъ объ этомъ событіи, записанный, поэтюмъ Адольфомъ Реттэ будто бы со словъ Верлана. Согласно съ этой версіей, Верланъ стрѣлялъ въ Римбо не въ комнатѣ, но на улицѣ и былъ арестованъ „на мѣстѣ преступленія“. (См. А. Сешэ и Ж. Берто, стр. 96—97).

самъ говоритъ, что первое время былъ „какъ бы пьяный“. *) Власти обошлись съ нимъ крайне грубо, и первоначально, какъ въ „домѣ предварительнаго заключенія“, такъ и въ тюрьмѣ „Petits Carmes“, куда его перевели, онъ помѣщался въ общей камерѣ, вмѣстѣ съ обыкновенными ворами и мошенниками изъ подонковъ общества. Обвиненіе къ нему было предъявлено тяжелое: въ покушеніи на убійство... По счастью, Верлэнъ успѣлъ поручить матери послать нѣсколько писемъ и телеграммъ друзьямъ, съ извѣстіемъ о постигшемъ его бѣдствіи.

Однимъ изъ первымъ откликнулся Викторъ Гюго, къ которому Верлэнъ рѣшилъ обратиться лишь потому, что не зналъ, гдѣ и у кого искать помощи. Гюго написалъ всего три строки, обычнымъ своимъ величественнымъ тономъ: „Мой бѣдный поэтъ! Я поѣду къ вашей прелестной женѣ и буду говорить въ вашу пользу, во имя вашего маленькаго сына. Мужайтесь и возвратитесь на правый путь. Викторъ Гюго“. Несмотря на безсодержательность письма, оно принесло реальную пользу Верлэну. Начальникъ тюрьмы увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ обыкновеннымъ убійцей, и проникся нѣкоторымъ уваженіемъ къ арестанту, у котораго столь знаменитые друзья. Верлена перевели въ отдѣльную камеру, разрѣшили ему прогулки и позволили получать обѣдъ изъ ресторана.

Началось слѣдствіе по дѣлу. Посланы были запросы въ Парижъ. Парижская полиція аттестовала Верлена, какъ поэта и коммунара, — данные, которыя не могли послужить ему на пользу. Выяснилось, что жена Верлена добивается съ нимъ развода, ссылаясь, между прочимъ, на его предосудительныя отношенія съ Артюромъ Римбо: это также только отягчало положеніе обвиняемаго. Показанія мѣстной полиціи были столь же неблагоприятны для Верлена: извѣстно было, что онъ велъ жизнь „дурную“, пьянствовалъ, посѣщалъ разные притоны. Друзья пытались было добиться вмѣшательства французскаго консульства, но тщетно: Франціи не было дѣла до автора какихъ-то, никѣмъ не читаемыхъ сборниковъ стиховъ...

Судъ имѣлъ мѣсто 8 августа 1873 г. Въ сущности, никакого серьезнаго „проступка“ Верлэнъ не совершилъ. Римбо ото всякаго обвиненія отказался, и далъ показанія, вполне благоприятныя для своего друга. Рана Римбо быстро зажила и нельзя было говорить, что она сдѣлала его неспособнымъ къ труду. Единственнымъ прямымъ нарушеніемъ закона было то, что Верлэнъ, безъ установленнаго разрѣ-

*) Mes Prisons, V (Œuvres, IV, 406).

шенія, носилъ при себѣ револьверъ и выстрѣлилъ изъ него во время ссоры... Но противъ Верлена было общественное мнѣніе, утверждавшее, что онъ стрѣлялъ въ своего юнаго друга въ порывѣ „протiwоестественной ревности“. Противъ Верлена были темные слухи о его жизни, будто бы наполненной всѣми формами разврата, терпимаго и противозаконнаго, пьянствомъ и выходками, оскорбляющими мирную жизнь добрыхъ буржуа. И прокуроръ всего рѣшительнѣе настаивалъ именно на „поведеніи“ обвиняемаго. „Пьянство не имѣетъ оправданій!“— повторялъ онъ.

Въ результатѣ получился приговоръ, исключительный по своей суровости. Верлэнъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два года и къ пени въ двѣсти франковъ. Защитникъ Верлена (нѣкто Нэлисъ, ничѣмъ не проявившій своихъ адвокатскихъ талантовъ) настоялъ на томъ, чтобы была подана аппеляція. Она не имѣла ни малѣйшаго успѣха: кассационный судъ, разсмотрѣвъ, 27 августа, жалобу Верлена, приговоръ перваго суда утвердилъ и только возложилъ на Верлена судебные расходы въ 58 франковъ. Но во всякомъ случаѣ приговоръ этого суда, опредѣленно говорящій лишь о „покушеніи на убійство“, должны помнитъ всѣ тѣ, которые до сихъ поръ повторяютъ старую легенду, будто Верлэнъ былъ осужденъ за преступленіе противъ „общественной нравственности“. *)

Верлэнъ, какъ позднѣе Уайльдъ, отбылъ свое наказаніе полностью. Судъ происходилъ въ Брюсселѣ, но мѣстомъ заключенія была выбрана тюрьма въ Монсѣ (главный городъ провинціи Эно), куда Верлэнъ и былъ отправленъ въ тюремномъ вагонѣ, съ окнами въ рѣшеткахъ. Въ стихахъ и въ прозѣ, Верлэнъ подробно описалъ свою тюрьму. Онъ сложилъ къ ней восторженные гимны, и восклицалъ радостно:

То былъ желанный миръ, миръ подлинный, высокій—
Та жесткая кровать, тотъ стулъ мой одинокій!

Онъ рассказалъ, какъ тамъ, за тюремной стѣной, объ немъ

...заботилась Судьба.

Два раза или три на дню служитель строгій
Безмолвно приносилъ воды, обѣдъ убогій
И ужинъ. Было все вокругъ тихо. Лишь часовъ
Былъ слышенъ издали широкій, звучный зовъ.

*) Что касается Римбо, то, послѣ суда, онъ покинулъ Бельгію, а вскорѣ затѣмъ и Европу. Его дальнѣйшая жизнь—похожа на фантастическій романъ.

Надо представить себѣ то постоянно нервное волненіе, въ которомъ жилъ Верлэнъ послѣдніе два года, чтобы понять, почему тишина тюрьмы показалась ему благодѣяніемъ. Послѣ встрѣчи съ Артуромъ Римбо, вся жизнь Верлэна была рядомъ мучительныхъ столкновеній, тяжелой, ему несвойственной борьбой. Онъ разошелся ради Римбо съ прежними друзьями, онъ ради него же разошелся съ женой, которую любилъ, по-своему, но искренно и глубоко, и, наконецъ, онъ потерялъ и самого Римбо, который рѣшительно заявилъ ему, что болѣе не хочетъ имѣть съ нимъ ничего общаго... Къ этому должно прибавить непрерывное возбужденіе отъ алкоголя и бессонныхъ ночей, униженія бѣдности, которыя приходилось переживать Верлэну, оскорбленія самолюбія, мучимаго литературными неуспѣхами и злыми нападками газетъ... Что же удивительнаго, что въ одиночной камерѣ бельгійской тюрьмы Верлэнъ почувствовалъ себя почти счастливымъ: онъ могъ здѣсь одуматься, опомниться, вновь найти себя, свое едва ли не потерянное „я“.

Но тюрьма дала Верлэну больше, чѣмъ можно было ожидать. Въ тюрьмѣ совершилось его „обращеніе“. Верлэнъ, въ раннемъ дѣтствѣ, былъ, подъ вліяніемъ матери, безсознательно набожнымъ. Въ годы юности и молодости, какъ всѣ его сотоварищи, онъ былъ невѣрующимъ, немного вольтерьянцемъ, но тоже болѣе или менѣе поверхностнымъ. Никогда не задумывался онъ болѣе серьезно надъ вопросами философскими и религіозными и наивная, чисто народная вѣра въ благодѣяніе Божію всегда жила въ глубинѣ его души. Когда для него настали черные дни, ему было такъ естественно искать утѣшенія тамъ же, гдѣ обрѣтали его сотни поколѣній до него...

Официальная Бельгія, какъ извѣстно, усердно-религіозна; клерикализмъ по сію пору еще силенъ въ странѣ. Въ каждой тюремной камерѣ на стѣнѣ висѣло Распятіе: Верлэнъ каждый день встрѣчалъ его глазами, такъ же, какъ картинку, изображающую сіяющее и истекающее кровію сердце... Эти изображенія глубоко вліяли на узника Верлэна, напоминая ему забытыя чувства дѣтскихъ лѣтъ. Послѣднимъ толчкомъ къ его обращенію послужило извѣстіе о томъ, что Парижскій судъ утвердилъ разводъ Верлэна съ его женой, котораго такъ добивались ея родственники. Верлэнъ, въ своей камерѣ лелѣявшій мечты о примиреніи съ женой, о возобновленіи прежней

“Онъ велъ обширную торговлю въ центральной Африкѣ, пользовался громаднымъ вліяніемъ среди туземцевъ и нажилъ большое состояніе (см. *La Vie de J.-A. Rimbaud*).

мирной жизни, былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ. „Въ слезахъ, я упалъ,—разсказываетъ онъ,—на свою бѣдную постель...“ Въ тотъ же день онъ попросилъ себѣ Евангеліе; на другой день—духовника...

Въ свое обращеніе Верлэнъ внесъ ту же страстность, съ какой онъ совершалъ все въ жизни. Онъ почувствовалъ себя великимъ грѣшникомъ, онъ пожелалъ отказаться отъ всей прошлой жизни и начать новое существованіе. „Я готовъ былъ идти на мученичество“, вспоминаетъ онъ объ этихъ дняхъ. Онъ сталъ зачитываться Библіей и твореніями святыхъ отцовъ. Тутъ же началъ онъ тотъ рядъ стихотвореній, который долженъ былъ образовать его извѣстнѣйшую и, можетъ быть, лучшую книгу, „Мудрость“... Впослѣдствіи, новыя впечатлѣнія въ значительной степени ослабили въ Верлэнѣ эту ревность новообращеннаго, но уже до конца жизни въ немъ осталась и искренная религіозность и глубокое сознаніе грѣха.

Все это не мѣшало, впрочемъ, Верлэну живо интересоваться книгой стиховъ, написанной имъ еще до заключенія, „Романсами безъ словъ“. О томъ, чтобы найти ей издателя, теперь нечего было и думать: имя Верлена было слишкомъ опозорено для этого. Приходилось печатать ее на счетъ автора.хлопоты по изданію взялъ на себя Лепеллетье, который, едва ли не одинъ среди всѣхъ друзей Верлена, поддерживалъ съ нимъ сношенія, весьма затруднявшіяся тюремной цензурой писемъ. Къ тому же нѣкоторыя обстоятельства личной жизни заставили Лепеллетье въ ту пору переѣхать жить въ провинцію. Въ маленькомъ городкѣ департамента Іонны, Сансѣ, гдѣ онъ сотрудничалъ въ провинціальной газеткѣ, Лепеллетье и напечаталъ первое изданіе „Романсовъ безъ словъ“, въ скромной, плохо обставленной типографіи. Лепеллетье постарался выбрать, насколько можно было, болѣе красивый шрифтъ, купилъ ватмановской бумаги, но это не помѣшало тому, что книга получилась довольно неуклюжая. Она была напечатана всего въ 500 экземплярахъ и не поступила въ продажу. Лепеллетье только разослалъ ее „друзьямъ“ Верлена и по редакціямъ различныхъ изданій. Ни одно изъ нихъ даже не упомянуло объ книгѣ, и, тѣмъ болѣе, не нашло умѣстнымъ ее критиковать... Четвертая (точнѣе пятая) книга Верлена, какъ и предыдущія, прошла совершенно незамѣченной...

Между тѣмъ въ этой книгѣ уже вполне выразилась вся оригинальность Верлена, какъ лирика. То была первая книга чисто-импрессионистической поэзіи. Въ нервныхъ, плѣнительно-музыкальныхъ стихахъ, Верлэнъ рисуетъ въ ней картины своихъ скитаній по Бельгії и Англїи, разсказываетъ свое прошлое, передаетъ свои мечты.

Эти стихотворенія гипнотизируютъ читателя, какъ музыка, открываютъ цѣлые міры утонченныхъ раздумій, уводятъ воображеніе читателя, можетъ быть, дальше, чѣмъ то думалъ самъ поэтъ. Это—книга, у которой не было предшественницъ и которая долго оставалась одинокой въ литературѣ, единственной и неподражаемой...

16 января 1875 года истекъ срокъ заключенія Верлэна... Онъ провель въ тюрьмѣ 18 мѣсяцевъ, но сокращеніе срока заключенія не было милостью: оно истекало изъ закона объ узникахъ, отбывающихъ наказаніе въ одиночной камерѣ. Мать Верлэна ждала сына у дверей его тюрьмы. Подъ эскортомъ двухъ жандармовъ Верлэнъ былъ доставленъ на бельгійскую границу, гдѣ, наконецъ, ему была возвращена свобода. Оттуда онъ тотчасъ проѣхалъ въ Фампу, гдѣ у родственниковъ матери было имѣніе. Здоровье Верлэна было сильно потрясено заключеніемъ, и, какъ говорятъ, въ тюрьмѣ получилъ онъ зачатки той болѣзни, которая впоследствии свела его въ могилу.

V.

Верлэну предстояло создать себѣ новую жизнь. Онъ не могъ безъ ужаса думать о томъ, чтобы вернуться въ кругъ прежнихъ знакомыхъ, презрительно отвернувшихся отъ него въ дни его несчастія. Онъ не видѣлъ возможности зарабатывать себѣ средства литературой. Кромѣ того, его страшилъ самый Парижъ, гдѣ онъ невольно долженъ былъ бы встрѣчаться съ людьми, которые знали его раньше. Съ другой стороны, онъ не хотѣлъ и быть въ тягость своей матери, денежные дѣла которой значительно ухудшились...

Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, Верлэнъ принялъ рѣшеніе—искать себѣ должности скромнаго школьнаго учителя. Онъ зналъ французскій языкъ, зналъ англійскій и латинскій, немного испанскій, немного — рисованіе. Ему казалось, что этого достаточно для какой-нибудь провинціальной школы. Провинція, кромѣ того, привлекала его своей тишиной, возможностью работать въ ней надъ самимъ собой, надъ тѣмъ душевнымъ перерожденіемъ, которое съ нимъ совершилось. Лепеллетье, узнавъ планъ своего друга, могъ только одобрить его.

Счастливый случай помогъ Верлэну найти то, чего онъ искалъ: небольшая англійская школа въ Стикнеѣ, около Бостона, согласилась принять его на скромное жалованье, какъ учителя французскаго

языка... Разумѣется, директоръ училища, г. Эндрюсъ, и не подозрѣвалъ, что новый преподаватель его пансіона — герой скандальной исторіи, отголоски которой долетѣли и въ англійскія газеты. Онъ видѣлъ въ „мистерѣ Верлэнѣ“ очень скромнаго и очень добросовѣстнаго учителя, можетъ быть, не слишкомъ освѣдомленнаго въ своемъ дѣлѣ, но исполнительнаго и чуждаго всякихъ претензій.

Въ Стикнеѣ Верлэнъ провелъ полтора года, и за это время его мѣстопробываніе было извѣстно лишь его матери и Лепеллетье. Лица, знавшія Верлена раньше, привыкали къ мысли, что онъ исчезъ изъ жизни, многіе думали, что онъ умеръ... А въ это время, въ тиши провинціального англійскаго городка, выброшенный изъ жизни поэтъ старался залѣчить глубокія раны своей „слишкомъ чуткой“ души... Писалъ въ Стикнеѣ Верлэнъ мало, но этимъ городомъ помѣчено, между прочимъ, то его стихотвореніе, въ которомъ онъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ, и которое озаглавлено „Писано въ 1875 году“.

Послѣ пансіона Эндрюса, Верлэнъ нѣкоторое время давалъ въ Англій частные уроки, потомъ поступилъ въ другую школу, въ Борнемаусъ, гдѣ директоромъ былъ нѣкто Ремингтонъ. Потомъ, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, гдѣ онъ жилъ крайне уединенно, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться, онъ перешелъ въ третью школу, уже французскую, въ Ретелъ (въ Арденнахъ). Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ Верлэнъ ничѣмъ не отличался отъ обычныхъ учителей, такъ что никому не приходило въ голову, что онъ—поэтъ, бывший членъ Парнаса, авторъ стиховъ, которымъ суждена всемірная извѣстность. Онъ мирно преподавалъ то латынь, то французскую литературу, то англійскій языкъ, то даже давалъ уроки рисованія, коекакъ преодолевая недостаточность своихъ познаній въ этихъ предметахъ, стараясь „честно заработать свой хлѣбъ“. Ему хотѣлось не въ стихахъ только, но и въ жизни показать, что онъ сталъ инымъ, что въ немъ новая душа,—ищущая смиренія и духовной нищеты.

Послѣдній изъ пансіоновъ, гдѣ учительствовалъ Верлэнъ, коллежъ въ Ретелѣ, былъ вполне клерикальнымъ учрежденіемъ. Сотоварищами Верлена были по преимуществу лица духовныя. Верлэнъ сблизился съ ними, бывалъ у нихъ запросто, вступалъ съ ними въ споры по разнымъ теологическимъ и инымъ вопросамъ. Всѣ, не исключая директора, г. Руайэ, находили Верлена хорошимъ учителемъ и добрымъ товарищемъ. Нѣкоторые только жаловались, что онъ слишкомъ замкнутъ въ себѣ. Его частная жизнь была жизнью добраго буржуа, и ничто не предвѣщало тогда въ немъ „второго Вилло-

она*, какимъ ему суждено было стать вскорѣ... Что же касается самого Верлэна, то онъ глубоко наслаждался счастьемъ „быть неизвѣстнымъ“, исчезнуть, раствориться въ людской массѣ...

Это мирное существованіе длилось около пяти лѣтъ. Оно закончилось новымъ взрывомъ страсти, однимъ изъ тѣхъ, какихъ такъ много въ жизни „бѣднаго Леліана“. Чувства, подавленные силой воли, нашли себѣ неожиданный выходъ и вновь зажгли душу поэта „Мудрости“ яркимъ пожаромъ...

✕ Среди учениковъ Верлэна въ пансіонѣ въ Ретелѣ былъ нѣкто Люсіенъ Летинуа, сынъ мѣстнаго фермера. Когда Верлэнъ узналъ его, Люсіену было лѣтъ 18; это былъ высокій, блѣдный юноша, съ наивнымъ выраженіемъ лица, съ какой-то небрежной, качающейся походкой. Верлэнъ былъ охваченъ однимъ изъ тѣхъ порывовъ страстной дружбы, какіе испытывалъ онъ ранѣе къ Люсіену Віотти, къ Дюжардену, къ Артуру Римбо. Люсіенъ Летинуа внезапно сталъ для Верлэна самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ существомъ въ мірѣ. На него онъ перенесъ всю ту жажду любви, которой было полно его сердце, способное къ безумнымъ увлеченіямъ. Когда Люсіенъ вышелъ, окончивъ курсъ, изъ пансіона, Верлэнъ немедленно послѣдовалъ за нимъ. Онъ не хотѣлъ, не могъ жить безъ Люсіена... Самъ Верлэнъ, въ стихахъ, посвященныхъ Летинуа, называетъ его „своимъ сыномъ“, и, можетъ быть, въ этой привязанности было дѣйствительно много любви чисто-отцовской, которую онъ не могъ отдать своему настоящему сыну, у него отнятому...

Люсіенъ Летинуа былъ сынъ фермера, привыкъ къ жизни въ деревнѣ, и Верлэнъ, ради него, рѣшился самъ сдѣлаться земледѣльцемъ. У него уже давно были мечты о жизни „близъ земли“, лицомъ къ лицу съ природой, которую онъ такъ любилъ. Какъ всегда, со страстной стремительностью переходя отъ замысла къ дѣлу, Верлэнъ началъ искать клочекъ земли, по близости отъ деревни, гдѣ жили Летинуа, чтобы купить его и поселиться тамъ навсегда. Случай скоро представился: продавалась небольшая ферма около Жюнивиля, въ округѣ Ретеля. Не колеблясь и не торгуясь, Верлэнъ купилъ эту землю, конечно, при содѣйствіи матери, которая предполагала сначала поселиться вмѣстѣ съ сыномъ. И Верлэнъ, съ легкимъ сердцемъ, смѣнилъ сюртукъ англійскаго учителя, english teacher, на куртку фермера...

Характерно, что покупка была сдѣлана на имя Летинуа-отца. Верлэнъ отговаривался тѣмъ, что иначе его жена могла бы предъявить какія-либо права на его доходы. Но всѣ, знакомые съ обстоя-

тельствами, говорятъ, что сдѣлано это было по настоянію семейства Летинуа. Мать Верлена отказалась жить въ чужомъ домѣ и вернулась въ Парижъ, и на фермѣ Верленъ поселился вдвоемъ съ Люсіеномъ... Первые дни, какъ нашему Онѣгину, „ему казались новы уединенныя поля“, и Верленъ даже писалъ, что еще никогда не вкушаль такого полного мира души. Очень скоро, однако, вила и грабли надоѣли ему, такъ что онъ не давалъ братья за нихъ и Люсіену. Верленъ предпочиталъ бродить съ нимъ по лѣсамъ и полямъ, декламируя стихи и любясь природой. Хозяйство было предоставлено наемнымъ служащимъ и, разумѣется, съ самаго начала пошло изъ рукъ вонъ плохо.

Но, конечно, и преподавая латынь англійскимъ подросткамъ и наблюдая за полевыми работами, Верленъ не могъ забыть, что онъ — поэтъ. Поэзія была его природной стихіей, и сквозь всѣ превратности жизни онъ проносилъ немеркнущимъ пламя своего творчества. За годы своего профессорства и фермерства Верленъ написалъ немного, зато всѣ его стихи того періода какъ-то особенно насыщены поэзіей: видно, что онъ творить для самого себя, мало заботясь о читателяхъ, которые могли появиться, а могли и не прійти вовсе. Въ эту пору, въ полномъ обладаніи своимъ дарованіемъ, въ тиши, вдали отъ всѣхъ литературныхъ кружковъ, всѣми забытый, онъ создавалъ свои лучшія произведенія, давалъ образцы новой, еще никому невѣдомой поэзіи. (Эти стихи вошли въ его книги „Amour“ „Jadis et Naguère“ и др.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ своей деревни, Верленъ продолжалъ хлопотать объ изданіи той книги стиховъ, которую онъ написалъ въ тюрьмѣ въ Монсѣ. Вполнѣ законченная рукопись ея переходила, годъ за годомъ, отъ одного издателя къ другому, пока, наконецъ, ее не согласился принять издатель разныхъ клерикальныхъ брошюръ и назидательныхъ духовно-нравственныхъ сочиненій, Викторъ Пальмэ. Его прельстило, конечно, не художественное значеніе книги, но ея католическій духъ; кромѣ того, она была рекомендована ему нѣсколькими благочестивыми лицами, мнѣнія которыхъ онъ уважалъ. Въ первый разъ въ жизни отважился онъ напечатать сборникъ стиховъ, и, надо сознаться, былъ жестоко разочарованъ. „Мудрость“ Верлена также раздѣлила участь его предыдущихъ книгъ: появленіе этой замѣчательнѣйшей книги, можетъ быть, лучшей книги въ стихахъ за послѣднюю четверть вѣка, прошло не замѣченнымъ. Критика промолчала объ ней, какъ равьше о „Романсахъ безъ словъ“, и только Лепеллетье помѣстилъ „сочувственный“ разборъ въ той га-

зетѣ, гдѣ тогда работалъ, газетѣ узко-политическѣй, читатели которой поэзіей не интересовались ни въ какой степени.

Разсказываютъ, что разгнѣванный издатель, видя, что книга не „идетъ“. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ ея въ свѣтъ; продалъ все изданіе „на вѣсъ“. Въ настоящее время первое изданіе „Мудрости“ составляетъ большую библиографическую рѣдкость, и, еслибы г. Пальмэ догадался припрятать десятка два экземпляровъ, онъ могъ бы вернуть на нихъ съ лихвой всѣ свои расходы...

Между тѣмъ, когда „Мудрость“ появлялась на книжномъ рынкѣ, Верлэна уже не было не только на его фермѣ, но даже во Франціи. Его увлеченіе земледѣліемъ миновало столь же быстро, какъ быстро возникло. Видя, что, вмѣсто ожидавшихся щедрыхъ барышей, онъ лишь долженъ постоянно платить деньги, что земля не только даетъ возможность любоваться красотой природы, но требуетъ напряженнаго труда, Верлэнъ, безъ долгихъ раздумій, рѣшилъ бросить свою ферму. Не предупредивъ никого, онъ, въ какое-то „прекрасное“ утро, заперъ дверь своего дома и исчезъ со своимъ юнымъ другомъ изъ окрестностей Жюневила. Верлэнъ направился въ Лондонъ, вѣроятно, въ надеждѣ повторить еще разъ незабвенные часы, когда-то пережитые тамъ съ Артюромъ Римбо.

Мы очень мало знаемъ объ этомъ новомъ пребываніи Верлэна въ Лондонѣ. Можемъ только догадываться, что оно во многихъ отношеніяхъ не было похоже на жизнь въ столицѣ Англій съ Римбо. Новый спутникъ Верлэна слишкомъ отличался отъ его перваго сотоварища. Люсіенъ Летинуа былъ юноша очень скромный, крайне благочестивый, добродѣтельный, чувствовавшій себя не на своемъ мѣстѣ въ кафѣ и въ притонахъ. Верлэнъ, повидимому, дѣлалъ попытки вовлечь его въ міръ ночныхъ веселій, но тщетно. Кромѣ того, ихъ денежныя средства были весьма ограничены. Осенью 1881 года они оба оказались въ Парижѣ, гдѣ жила и мать Верлэна, готовая все простить своему Полю и вновь служить ему, чѣмъ только могла и умѣла.

Верлэнъ явился въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться къ литературѣ и „жить своимъ перомъ“. Онъ считалъ, что годы испытанія, которые онъ самъ себя поставилъ, прошли, что достаточный промежутокъ времени отдѣляетъ настоящее отъ его печальнаго прошлаго, что онъ безъ смущенія можетъ встрѣтить друзей своей юности. Неуспѣхъ всѣхъ его книгъ, которыхъ всего насчитывалось уже шесть, нисколько не ослабилъ въ немъ вѣры въ себя, какъ въ поэта и писателя. Только съ годами онъ сталъ трезвѣе смотрѣть

на вещи, понялъ, что стихи мало кому нужны въ нашъ „практическій“ вѣкъ, и согласенъ былъ „унизиться до смиренной прозы“.

Всѣ эти свои соображенія Верлэнъ, конечно, изложилъ, тотчасъ по своемъ появленіи въ Парижѣ, неизмѣнному своему другу и постоянному покровителю—Эдмонду Лепеллетье. „Я — писатель, говорю оному, хорошо знаю всю писательскую „кухню“ и считаю себя способнымъ не хуже другихъ поставлять матеріалъ, пригодный для современныхъ читателей“. По словамъ Лепеллетье, который самъ былъ писателемъ-профессионаломъ (не брезговавшимъ даже переложеніемъ въ романы имѣвшихъ успѣхъ драмъ), онъ ободрилъ Верлэна въ его рѣшеніи и пообѣщаль найти ему литературную работу. Въсѣтъ съ тѣмъ онъ взялъ на себя вновь ввести его въ литературные круги, съ которыми Верлэнъ за десять почти лѣтъ, проведенныхъ внѣ Франціи или въ провинціи, потерялъ почти всѣ связи.

Въ это время Лепеллетье входилъ въ составъ редакціи новой-только-что основанной большой газеты, „le Réveil“, которую предполагалось издавать по совершенно новому типу: въ ней широкое мѣсто было предоставлено литературѣ. Этотъ видъ газеты, гдѣ политика отодвинута на второй планъ и гдѣ „руководящія“ статьи уступаютъ мѣсто легкой хроникѣ, долженъ былъ въ послѣдствіи получить широчайшее распространеніе (какъ мы это видимъ на примѣрѣ „Matin“, „Echo de Paris“, „Journal“), но въ то время былъ положительно новостью. Лепеллетье и предложилъ своему другу попробовать свои силы въ отдѣлѣ хроники, гдѣ, подъ общей рубрикой „Живой Парижъ“ („Paris-Vivant“), предполагалось помѣщать статьи разныхъ авторовъ, однако, подъ двумя только псевдонимами: „Jean qui pleure“ и „Jean qui rit“.

Лепеллетье рассказываетъ о первомъ появленіи Верлэна въ редакціи „Réveil“. Когда показался въ чинныхъ комнатахъ редакціи странный господинъ, никому неизвѣстный, съ растрепанной бородой, плоховато одѣтый, съ обликомъ странствующаго жида, всѣ были до нѣкоторой степени смущены и даже нѣсколько скандализованы. Изумленіе еще увеличилось, когда услышали, что пришедшій, въ живой и остроумной рѣчи, говоритъ о литературѣ, исторіи, философіи, высказывая обо всемъ мнѣнія рѣзкія и оригинальныя, что онъ цитируетъ забытыя имена и книги, Петрюса Бореля, Барбей д'Оревилли, что о Леконтѣ де Лиль, о Эредіа, о самомъ Викторѣ Гюго онъ говоритъ какъ о личныхъ знакомыхъ. Одинъ изъ присутствующихъ, Анри Бауэръ, талантливый поэтъ, спросилъ тихонько у Ле-

пеллетье, кто ихъ посѣтитель. „Это—Верлэнъ, отвѣчалъ Лепеллетье, великій поэтъ“. Имя Верлена ничего не сказало спрашивающему. *)

Верлэнъ началъ работать въ „le Réveil“. Одни его фельетоны „проходили“, другіе нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ получилъ нѣкоторый заработокъ.**) Въ то же время Верлэнъ сталъ появляться въ маленькихъ кафѣ, гдѣ собиралась литературная молодежь тѣхъ дней. Онъ возобновилъ нѣкоторыя старыя знакомства, въ томъ числѣ съ Фр. Коппэ и съ Маллармэ, и завязалъ новыя. Для большинства онъ былъ какъ бы выходцемъ съ того свѣта. Даже тѣ, кто зналъ и цѣнилъ стихи Верлена, считали ихъ автора давно умершимъ или исчезнувшимъ вмѣстѣ съ таинственнымъ Римбо.

Въ самомъ началѣ парижской жизни Верлена его ждалъ тяжелый ударъ: Люсіенъ Летинуа, который былъ для него въ ту пору самымъ близкимъ и самымъ дорогимъ человѣкомъ въ мірѣ, внезапно скончался. Онъ неожиданно захворалъ тифомъ, былъ перевезенъ въ больницу Pitié и умеръ тамъ въ нѣсколько дней, на рукахъ у Верлена, не приходя въ сознание. Отчаянье Верлена было безпредѣльно. Длинный рядъ стихотвореній, посвященныхъ имъ Люсіену, лучше всякихъ свидѣтельствъ говоритъ намъ объ искренности его чувства къ этому крестьянскому юношѣ. Большая часть этихъ стиховъ собрана въ сборникъ, озаглавленномъ именно въ память этого чувства „Любовь“. „Я охваченъ безуміемъ любви! — восклицаетъ тамъ Верлэнъ, — мое слабое сердце безумно!“ И въ другой книгѣ Верлена, „Счастье“, появившейся десять лѣтъ спустя, еще есть живые отголоски этой, послѣдней въ жизни Верлена, истинной любви...

Добавимъ здѣсь же, что, тотчасъ по смерти Люсіена, его отецъ почелъ себя въ правѣ, какъ бы наслѣдуя послѣ сына, продать имѣніе Верлена, купленное на имя Летинуа, и присвоить себѣ его стоимость.

Но на этотъ разъ въ Парижѣ ждали Верлена не одни только разочарованія. То была знаменательная эпоха начала 80-хъ годовъ, когда зарождалось то теченіе въ поэзіи, которое позднѣе получило

*) Въ тотъ же день Лепеллетье далъ Бауэру „Романсы безъ словъ“. Возвращая на другой день книгу, Бауэръ сказалъ Лепеллетье: „Вы правы: Верлэнъ — великій поэтъ.“ Съ тѣхъ поръ Анри Бауэръ сдѣлался ревностнымъ поклонникомъ и проповѣдникомъ поэзіи Верлена.

**) Подробнѣе о сотрудничествѣ Верлена въ „le Réveil“ и о его фельетонахъ, тамъ напечатанныхъ, см. наше предисловіе къ русскому переводу „Записокъ вдовца“ Верлена (книгоизд. „Альціона“, М., 1911).

названія „декадентства“ и „символизма“. Сильное потрясеніе, вызванное войной и послѣдующими событіями, разбудило дремавшія силы націи; на всѣхъ поприщахъ во Франціи выступали отважные искатели новаго, пролагатели новыхъ путей. Литературная молодежь того времени была уже далека отъ спокойнаго, холоднаго идеала парнасцевъ. Въ то время, какъ видные дѣятели „Парнаса“ дѣлались всеобще извѣстными поэтами, какъ отдѣльные члены его уже начинали проникать въ Академію, какъ стихи Леконта де Лиль, бывшаго литературнымъ „революціонеромъ“ въ 60-хъ годахъ, становились классическими и уже входили въ школьныя хрестоматіи,—новое поколѣніе переставало удовлетворяться идеалами этой школы. Ея строгія, выработанныя правила казались стѣсненіемъ для свободныхъ исканій поэтическаго духа, проповѣдь объективности въ поэзій шла въ разрѣзъ съ индивидуалистическими стремленіями новаго времени. Смутные отголоски ученія Рескина и прерафаэлитовъ и первые отрывки изъ заповѣдей Заратустры, доходившіе до французскихъ читателей, довершали общее броженіе, подготавливая почву для новыхъ всходовъ.

Какъ и молодежь 60-хъ годовъ, новые протестанты собирались въ разныхъ кафэ, играющихъ такую большую роль въ общественной жизни Франціи. Въ современномъ Парижѣ кафэ прежде всего—клубы, гдѣ формируются партіи, все равно политическія или литературныя... Въ 80-хъ годахъ число литературныхъ группъ молодежи, собиравшихся въ кафэ Латинскаго квартала, особенно увеличилось. Изъ нихъ выдѣлялись три: общество, называвшее себя „гидропатами“, другое, подъ именемъ „les hirsutes“ и третье „les zutistes“. Во главѣ перваго, наиболѣе вліятельнаго, стоялъ Гудо, не лишенный таланта поэтъ, обладавшій большимъ даромъ организациі, во второмъ бывали поэты, уже болѣе или менѣе зарекомендовавшіе себя, въ томъ числѣ Маллармэ; въ третьемъ царилъ Шарль Кро, бывшій посѣтитель вечеровъ Нины де Калліа, человекъ въ высшей степени оригинальный, богато одаренный, всегда шедшій своими исключительными путями и растратившій свои дарованія, не сдѣлавъ ничего истинно выдающагося. *) Всѣ эти общества сходились

*) Шарль Кро (1842—1888), изобрѣтшій фонографъ до Эдиссона, и цвѣтную фотографію въ 1869 году, заслуживалъ бы особаго очерка. Авторъ интереснаго сборника стиховъ „Le Coffret de Santal“, онъ особенно извѣстенъ своимъ шушутливымъ, но глубоко серьезнымъ стихотвореніемъ о „сушеной селедкѣ“. (См. объ немъ, напр., Anthologie des Poètes de Montmatre. Ollendorf éd. P. 1908.)

въ одномъ: въ протестѣ противъ торжествовавшаго тогда Парнаса, въ стремленіи создать новую поэзію, болѣе живую, болѣе индивидуальную, болѣе отвѣчающую духу современности. *)

Верлэнъ прежде всего появился на собраніяхъ общества „les hirsutes“, гдѣ бывалъ кое-кто изъ его старыхъ друзей. Когда здѣсь, за стаканами абсента, онъ высказалъ о поэзіи все то, что передумалъ въ одиночествѣ тюремной камеры, въ уединеніи провинціальныхъ коллежей и въ тиши своей фермы, его рѣчь явилась цѣлымъ откровеніемъ. Молодымъ поэтамъ показалось, что всѣ ихъ смутныя мечты внезапно воплотились въ опредѣленныя формулы, что все, неясно тревожившее ихъ, вдругъ стало яснымъ и получило опредѣленныя очертанія, а бывшіе „друзья“ Верлена съ изумленіемъ узнали, какъ неожиданно выросъ и духовно возмужалъ, подъ влияніемъ тяжелыхъ испытаній жизни, ихъ прежній соратникъ, когда-то скромный посѣтитель салона Рикаровъ, на котораго они привыкли смотрѣть нѣсколько свысока. Появленіе Верлена среди молодежи было его первымъ литературнымъ триумфомъ: почти сразу она признала въ немъ своего вождя.

Одно маленькое событіе подало поводъ Верлену ближе сойтись съ кружками молодежи. Въ небольшомъ журналѣ, „Paris Moderne“, гдѣ писали многіе изъ бывшихъ сотоварищей Верлена по „Парнасу“, ему удалось помѣстить тѣ свои стихи (написанные въ тюрьмѣ, въ Монсѣ), въ которыхъ онъ излагалъ свою новую поэтику: „L'Art Poétique“. Стихи вызвали рѣзкую критику другого журнальчика, руководимаго молодежью, „La Nouvelle Rive Gauche“, критику злую и несправедливую. Ея авторомъ былъ Шарль Морисъ, тогда юный, начинающій поэтъ. „Кто этотъ господинъ Верлэнъ,—спрашивалъ критикъ,—кто такой этотъ Верлэнъ, нападающій на риему, словно она не есть великая гармонія стиха?.. Я надѣюсь, что у его теоріи не найдется учениковъ“... Характерно, что, — какъ это видно по его словамъ,—самое имя Верлена было вполне неизвѣстно Морису. Однако, этотъ несправедливый критическій разборъ повелъ къ тому, что Верлэнъ познакомился съ Морисомъ лично. Очень скоро Шарль Морисъ сталъ ревностнымъ поклонникомъ поэзіи Верлена и его другомъ, а впоследствии сдѣлался его первымъ біографомъ и неутомимымъ проповѣдникомъ его славы. А самъ журналъ „La Nouvelle Rive Gauche“, переименованный затѣмъ „La Lutèce“, широко раскрылъ свои стра-

*) О всѣхъ этихъ литературныхъ группировкахъ 80-хъ годовъ см. статью Ренэ Гиля въ „Вѣсахъ“ 1909 г. № 5.

ницы Верлэну, какъ мастеру и учителю. Вслѣдъ за тѣмъ тамъ же приняли Верлэна и другіе органы „новаторовъ“.

На страницахъ „Lutèce“, кромѣ ряда стихотвореній, Верлэнъ напечаталъ нѣсколько критическихъ очерковъ, которые затѣмъ объединилъ подъ заглавіемъ „Отверженные поэты“. Первые три очерка были посвящены Тристану Корбьеру, Артуру Римбо и Стефану Маллармэ. Изъ этихъ именъ только два первыхъ были сколько-нибудь знакомы литературной молодежи 80-хъ годовъ. Но и то Маллармэ знали больше, какъ преподавателя англійскаго языка въ одномъ лицее, и какъ парнасца, автора нѣсколькихъ „безупречныхъ“ поэмъ, чѣмъ какъ поэта-новатора, стремящагося найти совершенно новые пути въ искусствѣ (Маллармэ долгое время не хотѣлъ печатать свои новые стихи). Что же касается Римбо, то объ немъ хранились лишь смутныя преданія, такъ какъ всѣ экземпляры своей единственной книги, напечатанной имъ въ Брюсселѣ, въ 1873 году, онъ самъ истребилъ. Верлэнъ своимъ очеркомъ, переполненнымъ цитатами, открылъ молодымъ поэтамъ какъ бы новый міръ — всю своеобразную поэзію Римбо, искупивъ тѣмъ свое преступленіе передъ другомъ, на котораго поднялъ руку, и доказавъ, что онъ не таилъ никакого злого чувства къ человѣку, изъ-за котораго былъ долженъ выстрадать такъ много.*)

Всѣ эти литературныя выступленія создали Верлэну нѣкоторую извѣстность среди литературной молодежи Латинскаго квартала. Въ то время, какъ Маллармэ начиналъ свои приемы по четвергамъ, на которыхъ онъ, во вдохновенныхъ импровизаціяхъ, развивалъ свои идеи передъ восхищенными слушателями, въ то время, какъ юный Мореасъ, недавно только переселившійся въ Парижъ изъ Греціи (его родина), вербовалъ сторонниковъ той школы, которая позднѣе приняла отвѣтственное имя „символической“, — вокругъ Верлэна начинала группироваться кучка молодежи, признавшая своимъ вождемъ этого непризнаннаго автора „Романсовъ безъ словъ“ и „Мудрости“. Имя Верлэна начинало проникать во всѣ литературные круги, его произведенія, въ то время трудно доступныя, такъ какъ изданія его книгъ гнили на складахъ у издателей, возбуждали оживленные споры и обсужденія. „Новая поэзія“ была еще, такъ сказать, „подземнымъ“

*) Предварительныя свѣдѣнія о Корбьерѣ и Маллармэ (съ библиографическими указателями) читатели могутъ найти въ прекрасной антологіи: A. van Bever et P. Léautéaud. Poètes d'Aujourd'hui. Ed. du „Mercure de France“. P. 1908. Тамъ же см. и о Римбо, о которомъ мы говорили выше.

теченіемъ, но чувствовалось, что скоро она пробьется на свѣтъ. И болѣе чуткія души, какъ, напр., Анри де Ренье или Вьелэ-Гриффинъ, бывшіе тогда совсѣмъ юными, начинающими поэтами, уже открыто именовали Верлана вождемъ этой новой поэзіи...

Однако, Верлану предстояло пережить еще одно испытаніе, прежде чѣмъ вступить въ послѣдній фазисъ своей жизни, въ ту пору, когда, наконецъ,—увы! слишкомъ поздно,—осѣнила его „слава“.

Дѣло въ томъ, что того заработка, который Верлэнъ имѣлъ въ газетѣ, руководимой Эдм. Лепеллетье, было все же недостаточно, чтобы существовать сколько-нибудь безбѣдно. Попытки Верлана вернуться на службу въ городскую думу кончились неуспѣхомъ: туда дошли смутные и искаженные слухи о приключеніи въ Брюсселѣ, и заправила магистратуры не считали возможнымъ принять въ свое учрежденіе лицо, въ такой мѣрѣ запятнанное. Столь же безуспѣшны были и попытки Верлана найти издателя для своихъ новыхъ книгъ.

Тогда Верлану пришла въ голову несчастная мысль вернуться къ занятіямъ земледѣліемъ. У него оставались какіе-то счеты съ Летинуа-отцомъ, который продалъ въ свою пользу землю, купленную Верланомъ на его имя. Чтобы покрыть свой долгъ, Летинуа согласился уступить г-жѣ Верлэнъ небольшой клочекъ земли, по близости отъ прежняго владѣнія Верлана. И Верлэнъ, съ той неожиданностью, которая, вообще, была характерна для всѣхъ его поступковъ, не предупредивъ своихъ друзей ни словомъ, внезапно исчезъ изъ Парижа, и оказался въ Арденнахъ. Лепеллетье и кое-кто изъ другихъ близкихъ Верлану лицъ только изъ его писемъ узнали, что онъ вновь сдѣлался фермеромъ. Впрочемъ, на этотъ разъ Верлэнъ не порывалъ съ Парижемъ окончательно и довольно часто появлялся въ немъ, навѣщалъ знакомыхъ, продолжалъ поиски „издателя“ и не забывалъ посѣтить кафэ, гдѣ можно было получить въ свой часъ стаканъ абсента.

Это вторичное фермерство Верлана кончилось еще стремительнѣе, нежели первое, и такимъ прискорбнымъ событіемъ, что биографу поэта хотѣлось бы вычеркнуть эту страницу изъ его жизнеописанія. Прежде всего, имѣніе, разумѣется, не принесло Верлану никакого дохода. Неисправимый мечтатель, онъ, несмотря на первый горестный опытъ, опять увѣрилъ себя, что сельское хозяйство дастъ ему богатство. Вмѣсто того, потребовались снова безконечные расходы, доплаты и приплаты. Но хуже было то, что очень скоро между Верланомъ и его матерью начались совершенно неумѣстныя ссоры. Г-жа Верлэнъ жаловалась, что сынъ возвра-

щается изъ Парижа нетрезвымъ и ведетъ себя неподобающимъ образомъ. Верлэнъ жаловался на то, что мать не хочетъ помочь ему своими деньгами. Мать упрекала сына и предостерегала его противъ новыхъ увлеченій. Сынъ требовалъ денегъ и обвинялъ мать въ скупости.

Въ ихъ отношенія вмѣшалось третье лицо: ихъ сосѣдь по имѣнiю, нѣкто г. Данъ, который скоро приобрѣлъ большое влiяніе на г-жу Верлэнъ. Г. Данъ настойчиво совѣтовалъ матери Верлена не уступать безсмысленнымъ требованіямъ сына, которыя должны были разорить ихъ обоихъ. Верлена это вмѣшательство въ ихъ семейныя дѣла выводило изъ себя. Однажды вечеромъ, прiѣхавъ изъ Парижа къ себѣ въ имѣніе, Верлэнъ не нашелъ матери дома: она была у г. Дана, повидимому, не желая встрѣтиться съ сыномъ, въ его возбужденномъ состояніи. Верлэнъ немедленно отправился въ домъ Дана, силой выломалъ дверь, такъ какъ его не хотѣли впустить, и тутъ между нимъ и матерью произошло страстное объясненіе... Мы не знаемъ въ точности, какъ далеко зашелъ Верлэнъ въ своей горячности. Данъ утверждаетъ, что Верлэнъ поднялъ руку на мать. Самъ Верлэнъ рѣшительно отрицаетъ это. Мать, позднѣе, дала уклончивое показаніе, что „ея сынъ всегда держался пристойно по отношенію къ ней“.

Какъ бы то ни было, Данъ пригласилъ полицію и Верлэнъ былъ арестованъ. Дѣло было доведено до суда. Данъ показывалъ на немъ, будто Верлэнъ даже угрожалъ матери ножомъ. Верлэнъ, выражая свое сожалѣніе по поводу происшедшаго, объяснялъ его состояніемъ опьяненія, но настаивалъ, что вся вина ограничивалась рѣзкими словами и словесными угрозами... Для мѣстныхъ арденнскихъ судей Верлэнъ не былъ ни авторомъ „Мудрости“, ни восходящей звѣздой французской литературы: они видѣли въ немъ просто буйнаго пришлеца въ ихъ страну, который въ нетрезвомъ видѣ затѣиваетъ ссоры съ матерью. Судъ приговорилъ Верлена къ мѣсячному тюремному заключенію.

Приговоръ суда помѣченъ 24 марта 1885 года. Второе тюремное заключеніе Верлена длилось съ 12 апрѣля по 13 мая.

Вполнѣ понятно, что у Верлена не могло остаться охоты жить въ Арденнахъ послѣ всего происшедшаго. Да и склонность къ сельской жизни такъ же быстро покинула его, какъ быстро появилась. Наскоро продавъ свое имѣніе, за полицiны, Верлэнъ вернулся въ Парижъ. „Меня оципали, но у меня осталось мое перо“, говорилъ онъ, намекая на свое твердое рѣшеніе жить литературой. Съ этихъ

поръ ояъ становится окончательно „сыномъ города“, тѣмъ Верленомъ улицъ, кафѣ и трущобъ, какимъ его всего болѣе знаютъ. Начинается новый и послѣдній періодъ его жизни, самый знаменитый и самый несчастный изъ всѣхъ, пережитыхъ „бѣднымъ Леліаномъ“.

VI.

1885 годъ былъ знаменательнымъ годомъ въ исторіи „новой поэзи“, во Франціи, по крайней мѣрѣ. Въ этомъ году едва-ли не впервые на нее было обращено вниманіе „большой публики“. Журналистъ Поль Бурдъ опубликовалъ въ газетѣ „Le Temps“ небольшую статью о „поэтахъ декадентахъ“. Жанъ Мореасъ отвѣчалъ ему въ газетѣ „XIX siècle“. Спустя нѣсколько дней, тому же Мореасу удалось помѣстить въ „Le Figaro“ свой „манифестъ символизма“. Появленіе этихъ трехъ статей подало поводъ къ шумной газетной полемикѣ. Вдругъ всѣ заговорили о символистахъ и декадентахъ и, такъ сказать, официально было установлено, что въ литературѣ имѣется „новая школа“, противопоставляющая себя натуралистамъ и парнасцамъ. *)

Началась эпоха „первыхъ битвъ“. Критики стараго типа жестоко нападали на молодежь и осмѣивали новаторовъ въ своихъ фельетонахъ. „Молодые“ съ задоромъ, свойственнымъ молодости, разрушали, на страницахъ своихъ журнальчиковъ все старое и провозглашали новые принципы, въ довольно сбивчивыхъ терминахъ. При этомъ среди самой новаторствующей молодежи постоянно происходили раздоры и нелады. То, что со стороны представлялось аморфной, но единой массой, оказывалось, при ближайшемъ разсмотрѣніи, длиннымъ рядомъ враждебныхъ другъ другу „школъ“ и „ученій“. Въ каждой „школѣ“ были свои „вожди“ и, можетъ быть, именно жадой стоять во главѣ „школы“, быть „chef d'école“, и объясняется все разнообразіе возникшихъ тогда подраздѣленій единаго, въ сущности, литературнаго движенія.

Если мы обратимся къ литературнымъ памфлетамъ того времени, мы найдемъ, что современники насчитывали слѣдующія главныя „школы“: „декаденты“, къ которымъ причисляли Верлена, Рим-

*) См. брошюру: Les Premières Armes du Symbolisme. Léon Vautier éd. P. 1889.

бо, Лафорга, Мерриля, Рейно, де Плесси и еще около двадцати поэтовъ; „символистовъ“, во главѣ которыхъ называли Маллармэ, Мореаса, Кана, Шарля Мориса, Поля Адана и къ которымъ относили А. де-Ренье, Вьелэ-Гриффина, Ив. Жилкэна, Ж. Экхуда и еще до двадцати лицъ; „инструменталистовъ“, единственнымъ убѣжденнымъ представителемъ которыхъ былъ Ренэ Гиль, но въ рядахъ которыхъ временно стояли Верхарнъ, А. Мокель, А. Реттэ, Иваноэ Ранбоссонъ и др.; „магиковъ“, которыми руководилъ Ж. Пеладанъ и которые называли своими; Сенъ Поль Ру, Л. де Кардонеля, Е. Синьорэ, М. Доннэ и др.; „анархистовъ“, у которыхъ не было опредѣленнаго „вождя“ и изъ числа которыхъ сколько-нибудь выдѣлились въ послѣдствіи лишь Андрэ Жидъ и Зо д'Акса; затѣмъ „литературныхъ социалистовъ“, „нео-декадентовъ“, „эгоистовъ“ и еще многихъ другихъ. Немного позже къ этимъ школамъ присоединилась „романская“ школа, основанная Мореасомъ, который порвалъ съ символистами ради новаго идеала искусства. *)

Шумъ, поднявшійся вокругъ „новаго движенія“, имѣлъ одну положительную сторону: онъ обратилъ вниманіе на молодыхъ поэтовъ. Явился спросъ на ихъ книги, первоначально какъ на литературные курьезы. Тогда, естественно, нашлись и издатели, которые рѣшились вложить свои деньги въ такое невѣрное дѣло, какъ изданіе новыхъ стиховъ. Среди этихъ дальновидныхъ предпринимателей первое мѣсто должно быть дано Леону Ванье, который, самъ, будучи не чуждъ писательства, еще въ началѣ 80-хъ годовъ основалъ маленькое издательство, сначала именовавшееся „издательство декадентовъ“, потомъ „издательство библиопола Ванье“, наконецъ, просто „издательство Леона Ванье“. Начатое очень скромно, печатавшее первоначально книги совершенно бесплатно, оно весьма скоро сдѣлалось не безвыгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, разрослось въ большое „дѣло“ и, въ концѣ концовъ, обогатило своего собственника, конечно, при томъ условіи, что этотъ Ванье оказался человѣкомъ весьма ловкимъ, умѣвшимъ „не упускать своего“ и не стѣснявшимся довольно жестоко эксплуатировать иныхъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Верлена.

Верленъ вернулся въ Парижъ въ самый разгаръ „первыхъ битвъ“. Всѣ новыя „школы“ наперерывъ желали залучить его въ свои ряды. Но онъ отнесся довольно равнодушно ко всѣмъ этимъ „зазываніямъ“.

*) См. брошюры А. Бажю и др., указанныя въ „Библиографіи“. О Жанѣ Мореасѣ и „романской“ школѣ см. въ нашей книгѣ „Французскіе лирики“ и нашъ некрологъ Мореаса въ „Русской Мысли“ 1910 г. (№ 5).

Его мало интересовали отвлеченные вопросы искусства. Впослѣдствіи онъ даже любилъ подсмѣиваться надъ крайностями новаго движенія и „символистовъ“ иронически обзывалъ „цимбалистами“. Впрочемъ, нѣкоторому вліянію новыхъ идей онъ поддавался, и у него, въ позднѣйшихъ книгахъ, есть стихи, явно написанные подъ впечатлѣніемъ тѣхъ или другихъ созданій молодыхъ новаторовъ. *) Во всякомъ случаѣ онъ гораздо болѣе думалъ о томъ, чтобы обмѣнять свои рукописи на кредитные билеты, чѣмъ объ организаціи какой-либо „школы“. Съ Леономъ Ванье онъ былъ уже знакомъ, такъ какъ именно Ванье издавалъ „Paris Moderne“, журналъ, въ которомъ Верлэнъ сотрудничалъ. Верлэнъ предложилъ Ванье цѣлую серію книгъ: отдѣльное изданіе „Отверженныхъ поэтовъ“, изданіе книгой фельетоновъ изъ „Le Réveil“, сборникъ разсказовъ, новый сборникъ стиховъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Ванье рѣшилъ попытать счастье съ книгами Верлэна.

Съ этого времени существованіе Верлэна принимаетъ однообразный характеръ, отливаясь въ застывшія формы, которымъ уже не суждено было измѣниться.

Прежде всего медленно, но неуклонно подходитъ слава. Первой книгой Верлэна, имѣвшей успѣхъ, были его „Отверженные поэты“, черезъ четыре года уже потребовавшая новаго изданія. Затѣмъ нашли, наконецъ, своихъ читателей переизданные Ванье „Романы безъ словъ“. За ними слѣдовало переизданіе „Мудрости“ и трехъ первыхъ сборниковъ Верлэна. Начиная съ 90-хъ годовъ, издатель могъ быть увѣренъ, что каждой новой книгѣ Верлэна обеспеченъ опредѣленный кругъ читателей и покупателей. Одно изданіе слѣдовало за другимъ и Верлэнъ оказался заваленнымъ корректурами своихъ книгъ, то новыхъ, то переиздающихся старыхъ. Въ то же время сотрудничества Верлэна стали искать „журналы съ большимъ тиражемъ“, и его стихи, замѣтки и статьи стали проникать всюду, вплоть до бульварныхъ газетъ.

Если бы Верлэнъ обладалъ инымъ темпераментомъ, если бы онъ былъ способенъ „остепениться“, повести ту жизнь, которая считается обязательной для лицъ, стоящихъ „на виду“, онъ могъ бы легко добиться и всеобщаго почета и обеспеченнаго матеріальнаго положенія. Кто знаетъ,—можетъ быть, онъ могъ бы тогда достичь академическаго кресла... Но Верлэнъ уже не въ силахъ былъ измѣ-

*) См., напр., въ этой книгѣ примѣчаніе къ стихотв. „Въ манерѣ Поля Верлэна“ (стр. 179—180).

нить той жизни, которая какъ-то сама собой сложилась для него. Въ 1886 году скончалась его мать,—последнее существо, которое такъ или иначе удерживало его въ условіяхъ „общепризнанной“ жизни. Съ ея смертью у Верлэна уже не осталось своего угла; онъ перешелъ жить въ мелкія меблированныя комнаты, и быстро опустидся до характернаго представителя парижской богемы. Полка книгъ, связка рукописей, да самыя необходимыя принадлежности костюма,—вотъ что составляло въ ту пору все его имущество. Съ этимъ жалкимъ скарбомъ, безъ лишнихъ раздумій, переѣзжалъ онъ изъ одного отеля въ другой, а, когда безденежье окончательно лишило его крова, шелъ въ одну изъ городскихъ больницъ, доступъ въ которыя былъ ему всегда открытъ, благодаря хлопотамъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ покровителей.

Деньги, и не особенно маленькія, которыя выручалъ Верлэнъ отъ своихъ книгъ и статей, онъ, по обыкновенію, тратилъ съ легкомысліемъ ребенка. Давнее пристрастіе къ абсенту обратилось у него въ пагубную страсть, можно сказать, въ болѣзнь, которая разрушала и его здоровье и его талантъ. Гонораръ, полученный отъ издателя, въ одинъ или два вечера исчезалъ въ кассахъ того или другого кафэ, въ которыхъ Верлэнъ охотно угощалъ своихъ новыхъ пріятелей, и „бѣдный Леліанъ“ вновь оказывался нищимъ, и вновь долженъ былъ принимать подачки богатыхъ покровителей, которымъ льстило—выпить стаканъ за однимъ столикомъ съ Верлэномъ. Доходило до того, что его приглашали на иные роскошныя банкеты почти какъ шута, чтобы позабавить общество выходками „новаго Виллона“.

Въ эту эпоху Верлэнъ очень опредѣленно разошелся съ большинствомъ изъ своихъ прежнихъ друзей. Даже съ Лепеллетье его отношенія стали гораздо болѣе холодными. Лепеллетье откровенно признается, что у него просто не было времени слѣдовать за Верлэномъ въ его безконечныхъ ночныхъ прогулкахъ по кафэ „Буль-Миша“ и улицы Вожираръ. Кромѣ того, старыхъ друзей отталкивали тѣ женщины, съ которыми въ ту пору сблизился Верлэнъ. Молва называетъ три имени, которыя были особенно близки Верлэну: Филоману, Эсэирь и Евгенію. Филомана, какъ кажется, была искренно расположена къ поэту и часто ухаживала за нимъ, какъ сестра. Эсэирь Будэнъ была грузная, нескладная крестьянка изъ Арденнъ появлявшаяся лишь въ тѣ дни, когда у Верлэна были деньги въ карманѣ; когда денежные запасы изсякали, она исчезала. Тѣснѣе всѣхъ была связана съ Верлэномъ Евгенія Кранцъ. Она даже мечтала, что Верлэнъ женится на ней. Между прочимъ она умѣла принуждать

Верлена къ работѣ, хорошо зная, что исписанные листки бумаги можно обращать въ золотыя монеты. *)

Отношеніями съ этими жалкими любовницами, ихъ ссорами между собой, нерѣдко доходившими до потасовокъ, заполнены послѣдніе годы жизни Верлена. Но Верлэнъ и не могъ бы претендовать на болѣе изысканное женское общество. Нужно было много отваги, чтобы сносить взрывы его безпричиннаго гнѣва, его ярость ко всему на свѣтѣ, развивавшуюся въ немъ, когда онъ былъ подъ вліяніемъ алкоголя, и чтобы дѣлится съ нимъ его прискорбныя радости, которыя онъ почерпалъ въ абсентѣ... Очень у многихъ лицъ, которыя встрѣчались съ Верленомъ только въ эти послѣдніе годы его жизни, осталось объ немъ лишь тяжелое впечатлѣніе, какъ о грубомъ и неопрятномъ человѣкѣ, способномъ на чудовищныя выходки въ минуту опьяненія или гнѣва. Такъ, рассказываютъ, что ему случалось серьезно грозить, что онъ убьетъ Мореаса или Гиля, своихъ литературныхъ противниковъ, и столь же серьезно угрожать издателю Ванье обнаженнымъ клинкомъ...**)

Естественно, что такой образъ жизни долженъ былъ губительно повліять на талантъ Верлена.

Книги, изданныя имъ въ 80-хъ годахъ, въ большей своей части, составлены изъ произведеній болѣе ранней, болѣе счастливой поры. Таковъ сборникъ стиховъ „Когда-то и Недавно“, въ который вошли стихотворенія, забракованныя Верленомъ при составленіи предыдущихъ книгъ; такова книга стиховъ „Любовь“, которую образовали пьесы, посвященныя Люсіену Летинуа, и другія современныя имъ; такова другая книга стиховъ „Параллельно“, въ которой Верлэнъ напечаталъ свои „грѣшныя“ созданія, шедшія въ его творчествѣ параллельно съ созданіями, вызванными пережитымъ имъ душевнымъ переворотомъ; таковы и первыя три книги прозы Верлена: „Луиза Леклеркъ“, сборникъ рассказовъ, „Записки вдовца“ собраніе фельетоновъ изъ „Le Réveil“, и „Отверженные поэты“. Даже въ книгѣ „Счастіе“, появившейся въ 1891 г., многіе стихи принадлежатъ болѣе раннему времени. Напротивъ, во всемъ, что писалъ Верлэнъ послѣ 1890 года, ясно видна печать утомленія; поэту измѣняется и вдохновеніе и самый стихъ; онъ путается въ скучныхъ рассужде-

*) Подробности объ этихъ любовныхъ отношеніяхъ Верлена послѣднихъ лѣтъ его жизни и безчисленные анекдоты изъ этой эпохи читатель найдетъ въ не разъ цитированной книгѣ Доно.

**.) Последнее слышано лично мною отъ очевидца.

ніяхъ, недостатокъ чувства пытается замѣнить затѣйливой игрой словъ и пикантной манерой выраженія. *)

Между тѣмъ, именно въ эту эпоху паденія таланта Верлэнъ привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе. Молодежь совершала цѣлыя паломничества въ больницы, гдѣ отдыхалъ поэтъ, чтобы только посмотреть на „учителя“, услышать слово изъ его устъ. Въ честь Верлэна устраивались банкеты (18 апрѣля 1891 и 13 апрѣля 1893 г.). Одно литературное общество, съ цѣлью оказать Верлэну денежную поддержку, устроило (21 мая 1891 г.) въ его пользау спектакль, на которомъ была поставлена комедійка Верлэна „Одни и другіе“. Впрочемъ, спектакль принесъ бѣдному поэту гораздо больше „чести“, чѣмъ денегъ, такъ какъ расходы по постановкѣ поглотили всѣ доходы... Произведенія Верлэна стали появляться въ переводахъ на разные иностранныя языки, не исключая русскаго. **) Вышелъ рядъ книгъ и брошюръ, разбирающихъ, объясняющихъ его творчество; объ немъ читались публичныя лекціи... Но высшій триумфъ ждалъ Верлэна въ 1894 году. Въ этомъ году скончался Леконтъ де Лиль, и журналъ „La Plume“ предложилъ всѣмъ поэтамъ голосованіемъ избрать ему „преемника“, какъ бы „короля поэтовъ“. Изъ 189 поданныхъ голосовъ, большинство, 77, получилъ Поль Верлэнъ. (Слѣдовалъ за Верлэномъ Эредіа, получившій всего 38 голосовъ). Этимъ избраніемъ молодежь,—такъ какъ голосовали преимущественно „молодые“, — доказала свое преклоненіе передъ недавно „отверженнымъ“ поэтомъ.

Былъ ли счастливъ самъ Верлэнъ въ эти годы такъ поздно пришедшей славы?.. Кажется, что нѣтъ. У него уже не было ни силъ, ни воодушевленія, чтобы насладиться этимъ рѣдкимъ даромъ судьбы. Въ немъ не было крѣпости и неистощимой жизнерадостности Беклина или Вагнера, которые сумѣли до дна выпить запоздавшій бокалъ міровой извѣстности. Кромѣ того, Верлэнъ, повидимому, вполне сознавалъ паденіе своего таланта. Въ одномъ желчномъ стихотвореніи, вошедшемъ въ его посмертную книгу „Поношенія“ (напечатанную вопреки протестамъ друзей поэта), онъ съ горечью спрашиваетъ своихъ „милыхъ товарищей-писателей“:

*) О послѣднихъ книгахъ Верлэна см. въ нашихъ „Примѣчаніяхъ“.

**) Переводъ „Романсовъ безъ словъ“, изданный авторомъ этихъ строкъ, былъ своевременно посланъ Верлэну; нѣкоторые французскія изданія 90-хъ годовъ отмѣтили появленіе этой русскоѣ книжки (въ томъ числѣ: Paul Verlaine et ses contemporains. P. 1897. I, p. 31).

„Собратья, мои дурные братья, погребавшіе меня когда-то подь своимъ молчаніемъ! — а почему? — Собратья, мои дурные братья, почему было то молчаніе, столько долгихъ лѣтъ, и вдругъ, словно въ гнѣвѣ, всѣ эти клики восторга, какъ бы изумленія, откуда эта пере- мѣна, дурные братья?.. Ахъ, это то, что называется слава!“

Адольфъ Реттэ сохранилъ намъ нѣсколько скорбныхъ разсказовъ о встрѣчахъ съ Верлэномъ въ послѣдніе годы его жизни. Реттэ увѣряетъ, что однажды онъ засталъ Верлена на набережной Сены въ такой позѣ, которая не оставляла сомнѣнія, что старыи поэтъ замышлялъ броситься въ рѣку... Другой разъ Верлэнъ спросилъ Реттэ, какъ тому нравится его послѣдняя книга стиховъ. „Maître,—возразилъ Реттэ, которому не хотѣлось кривить душой,—вы написали достаточно для нашего удовольствія; теперь вы вправѣ писать для своего“. Лицо Верлена омрачилось. „А вы думаете, что мнѣ это доставляетъ удовольствіе?“—горько отвѣтилъ онъ... *)

Самые послѣдніе годы жизни Верлэнъ былъ особенно одинокъ. Его характеръ дѣлался все болѣе и болѣе невыносимымъ. Друзья избѣгали встрѣчъ съ нимъ. Мучимый недугами (онъ страдалъ тяжелой формой артритизма), постоянно нуждаясь и порой доходя до нищеты, онъ влачилъ жалкое существованіе, среди своихъ жалкихъ подругъ, въ неменѣе жалкихъ отеляхъ „лѣваго берега“. Съ цѣлью заработать нѣсколько сотъ франковъ, онъ совершилъ поѣздку въ Голландію, гдѣ прочиталъ рядъ публичныхъ лекцій. Дѣйствительно ему удалось собрать публику, которая пришла посмотреть на знаменитаго старика. Лекторъ Верлэнъ былъ плохой, и публикѣ пришлось почти исключительно довольствоваться разсматриваніемъ его лица... Въ Парижѣ его уже ждала Евгенія Кранцъ, которая успѣшила опустошить все содержимое кошелька Верлена...

Въ 1891 году умеръ Артюръ Римбо. Обогащенный своими предпріятіями въ Африкѣ, онъ собирался начать новую жизнь во Франціи. Но жестокая болѣзнь, полученная имъ въ тропическихъ странахъ, потребовала сначала ампутаціи ноги, потомъ свела его въ могилу. Увѣряютъ, что передъ смертью онъ повторялъ стихи Верлена изъ книги „Мудрость“... Послѣ его смерти, Верлэнъ озаботился изданіемъ его сочиненій. Но эта смерть произвела на него тягостное впечатлѣніе. Цѣлая полоса жизни отходила съ Римбо въ небытіе...

*) A. Retté. Le Symbolisme. Anecdotes et souvenirs. P. 1903.

Вслѣдъ за Римбо, въ 90-хъ годахъ, одинъ за другимъ, рядъ старыхъ друзей покинулъ Верлэна навсегда. Быстро рѣдѣли списки бывшихъ бойцовъ „Парнаса“. И, посвящая еще одинъ сонетъ своему неизмѣнно-вѣрному Лепеллетье, Верлэнъ писалъ ему: „О мой самый старый изъ друзей, единственный пережившій изъ той группы, уже призраковъ, что пляшутъ нынѣ, какъ атомы, въ лучахъ луны, передъ нашими отуманенными глазами...“ Верлэнъ сознавалъ близость конца и часто говорилъ объ этомъ... Его послѣднее стихотвореніе, написанное 31 декабря 1895 г., озаглавлено „Смерть“ ..

Судьба послала Верлэну то маленькое утѣшеніе, котораго онъ страстно желалъ: умереть „у себя“, а не въ больницѣ. Дѣйствительно смерть застигла его въ плохонькой квартиркѣ, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ съ Евгеніей Кранцъ. Будучи очень боленъ, онъ уже не могъ работать и забавлялся тѣмъ, что маленькой кисточкой золотилъ всѣ предметы своего скуднаго домашняго обихода. Онъ писалъ письма къ друзьямъ, прося ихъ навѣститъ его. Но есть основанія думать, что Евгенія нарочно не пересылала ихъ по адресу: ей хотѣлось безъ свидѣтелей завладѣть всѣмъ имуществомъ умирающаго поэта. Въ самомъ дѣлѣ, и Лепеллетье и другіе близкіе Верлэну лица узнали о его безнадежномъ положеніи лишь тогда, когда его уже не было въ живыхъ.

Верлэнъ скончался, въ ночь съ 7 на 8 января 1896 г., на рукахъ Евгеніи, въ присутствіи двухъ-трехъ сосѣдей по дому.

• Похороны Верлэна приняли на свой счетъ министерства Народнаго просвѣщенія и Изыщныхъ искусствъ. На могилѣ были произнесены блестящія рѣчи, въ томъ числѣ М. Барресомъ, Ф. Коппэ, К. Мендесомъ, Ст. Маллармэ, Ж. Мореасомъ, Г. Каномъ. Тогда же былъ организованъ комитетъ по постановкѣ памятника Верлэну, но до сихъ поръ онъ еще не осуществленъ. Журналь „La Plume“ устроилъ новые выборы „короля поэтовъ“, причемъ преемникомъ Верлэна былъ избранъ Ст. Маллармэ, получившій наибольшее число избирательныхъ голосовъ: 27 изъ 169... Затѣмъ Леонъ Ванье предпринялъ изданіе „Полнаго собранія сочиненій“ Поля Верлэна, которое и исполнилъ далеко не совершенно...

Смерть Верлэна не уменьшила интереса къ его поэзіи. Напротивъ, послѣ того, какъ она стала достояніемъ исторіи, само собой отпало то, что было въ ней временнаго, случайнаго, и опредѣленнаго выступило все, что есть въ ней „прекраснаго навсегда“. Быстро забылись послѣднія книги Верлэна, которыя составлялъ бѣдный поэтъ, чтобы поддерживать свое скорбное существованіе, зато вни-

маніе обратилось вновь къ такимъ драгоценностямъ французской литературы, какъ „Романсы безъ словъ“ и „Мудрость“. За пятнадцать лѣтъ, прошедшихъ со дня смерти Верлэна, появился, на всѣхъ языкахъ, длинный рядъ книгъ и статей, объясняющихъ жизнь поэта и комментирующихъ его творчество. Мы получили возможность глубже проникнуть въ поэзію Верлэна, чѣмъ то могли его современники, мы теперь понимаемъ ее полнѣе и разностороннѣе, мы видимъ, наконецъ, ея значеніе и ея мѣсто въ общей исторіи литературы. И мы въ правѣ сказать, что стихи „Романсовъ безъ словъ“ и „Мудрости“ открыли новые пути въ поэзіи, что эти стихи будутъ жить, пока только будутъ чтить искусство, и что каждый новый вѣкъ будетъ находить новое очарованіе и новую глубину въ творествѣ „бѣднаго Леліана“.

Москва 1911.

Валерій Брюсовъ.

ВЕРЛЭНЪ НА СМЕРТНОМЪ ЛОЖѢ.

Рисунокъ Ладисла Леви.

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЬ И ЖАНЪ МОРЕАСЪ.

Афиша «Салона Ста» 1894 года.

ИЗЪ КНИГИ

POÈMES SATURNIENS

(САТУРНИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ)

(1866 г.)

ПОСВЯЩЕНО ЭЖЕНУ К

МЕЛАНХОЛІЯ.

Посвящено Эрнесту Бутье.

1.

РЕЗИНЬЯЦІЯ.

Въ дни юности мечталъ я о Непалѣ,
О славѣ папы иль царя царей,
Сарданапалѣ, Геліогабалѣ...

Межъ золота и дорогихъ камней,
Подъ музыку, въ пьянящемъ ароматѣ,
Мнѣ снился рай ласкающихъ объятій...

Прошли года и стихъ мой буйный пылъ,
Узналъ я жизнь, узналъ ея законы,
Умѣю чтить границы и препоны,
Но прежнихъ грезъ своихъ не разлюбилъ!

Пусть на пути къ величью — Невозможность!
Все жъ малаго не славить мой языкъ!
И мнѣ противны: милый женскій ликъ,
Неточность риѣмъ и друга осторожность!

2.

О В Ъ Т Ъ .

Подруги юности и молодыхъ желаній!
Лазурь лучистыхъ глазъ и золото волосъ!
Объятій аромать, благоуханье косъ,
И дерзость робкая пылающихъ лобзаній!

Но гдѣ же эти дни безпечныхъ ликованій,
Дни искренной любви? Увы, осеннихъ грозъ
Они не вынесли, — и вотъ царить морозъ
Тоски, усталости, и нѣтъ очарованій.

Теперь я одинокъ, угрюмъ и одинокъ.
Такъ старецъ безъ надеждъ свой доживаетъ срокъ,
Сестрой покинутый, такъ сирота тоскуеть.

О женщина, съ душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничѣмъ и кто, порой
Какъ мать, съ улыбкою, васъ тихо въ лобъ цѣлуеть!

3.

УСТАЛОСТЬ.

A batallas de amor campo de pluma.
Gongora.

Немного кротости! Смири свои порывы!
Хотя бы для того, чтобъ насъ развлечь, порой
Должна любовница казаться намъ сестрой.
Немного кротости, и будемъ мы счастливы!

Будь нѣжной, заласкай до сладкихъ сновидѣній!
Какъ стоны страстные твой томный взглядъ хорошъ.
Прекраснѣй трепета, объятій, изступленій
Твой долгій поцѣлуй, хотя бъ и былъ онъ — ложь!

Но ты мнѣ говоришь, что въ сердцѣ съ звонкимъ рогомъ
Идетъ слѣпая страсть по всѣмъ его дорогамъ...
Оставь ее трубить! Мнѣ въ руку руку дай,

Къ челу своимъ челомъ прильни, когда устанешь,
Опять клянись мнѣ въ томъ, въ чемъ завтра же обманешь,
И до зари со мной, дитя мое, рыдай!

4.

ПРИВЫЧНАЯ МЕЧТА.

Мнѣ часто грезится завѣтная мечта—
Безвѣстной женщины, которую люблю я.
Но каждый разъ она и не совсѣмъ не та
И не совсѣмъ одна,—и я томлюсь, тоскуя.

И ею я любимъ; та женщина одна
Умѣетъ разгадать моей души загадки,
И моего чела холодный потъ и складки
Умѣетъ освѣжить, слезами, лишь она.

Она смугла, блѣдна иль рыжая?—Не знаю.
Какъ имя?—Ахъ, оно нѣжнѣй, чѣмъ имена
Всѣхъ тѣхъ, кого я зналъ, когда былъ близокъ раю!

Бъ манящемъ голосѣ она тантъ одна
Всѣ звуки голосовъ, отторгнутыхъ утратой,
И тихій взоръ ея подобенъ взору статуй.

ОФОРТЫ.

Посвящено Франсуа Коппэ.

1.

ПАРИЖСКОЕ КРОКИ.

Луна на стѣны налагала пятна
Угломъ тупымъ.
Какъ цифра пять, согнутая обратно,
Вставалъ надъ острой крышей черный дымъ.

Томился вѣтеръ, словно стонъ фагота.
Былъ небосводъ
Безцвѣтно сѣръ. На крышѣ звалъ кого-то,
Мяуча жалобно, иззябшій котъ.

А я,—я шель, мечтая о Платонѣ;
Въ вечерній часъ,
О Саламинѣ и о Мараѳонѣ...
И синимъ трепетомъ мигалъ мнѣ газъ.

2.

МАРИНА.

Океанъ сурово
Бьетъ глухой волной
Подъ нѣмой луной,—
Бьетъ волною снова.

Въ буряхъ небесахъ,
Злобный и могучій,
Разрѣзаетъ тучи
Молніи зигзагъ.

Каждая волна,
Въ буйствѣ одичаломъ,
Бьетъ по острымъ скаламъ,
Рветъ, встаетъ со дна.

Машетъ въ отдаленіи
Ураганъ крыломъ,
И грохочетъ громъ
Въ грозномъ изступленіи.

В П Е Ч А Т Л Ъ Н І Е Н О Ч И.

Дождь. Сумракъ. Небеса подернуты и хмуры.
Рисуются вдали невѣрныя фигуры
И башенъ и церквей готическихъ. Кругомъ
Равнина. Висѣлицы черный шестъ. На немъ
Качаются тѣла, въ какомъ-то танцѣ дикомъ,
Всѣ скорчены. Имъ грудь клюютъ, съ зловѣщимъ крикомъ,
Вороны. Ноги ихъ—пожива для волковъ.
Терновникъ высохшій да нѣсколько кустовъ
Позоръ своей листвы, унылой и корявой,
На фонѣ сумрачномъ вздымаютъ слѣва, справа.
И трехъ колодниковъ, поникшихъ головой,
Босыхъ, измученныхъ, ведетъ сквозь дождь конвой,
И тусклый блескъ горитъ на сабляхъ обнаженныхъ,
На перекоръ струямъ небеснымъ наклоненныхъ.

ГРУСТНЫЕ ПЕЙЗАЖИ.

Посвящено Катюлю Мендесу.

1.

ЗАКАТЪ.

Вечерняя даль
Румянцемъ объята,
На поле печаль
Струится заката.
Струится печаль
О бывшемъ когда-то...
Кого-то мнѣ жаль
Подъ пѣсною заката.
И движется рядъ
Багряныхъ видѣній,
Встаютъ и скользятъ
Ихъ странныя тѣни,
Встаютъ и скользятъ,
Въ причудливой смѣнѣ,
И въ алый закатъ
Уходятъ ихъ тѣни.

2.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

На западъ гасли закатныя чары,
И вѣтеръ качаль на водѣ неньюфары;
Большіе цвѣты, у глухихъ береговъ,
Печально бѣлѣли среди тростниковъ.
Я шель одиноко, въ тоскѣ, молчаливый,
Вдоль пруда, гдѣ гнулись надъ водами ивы,
Вставая, качался неясный туманъ,
Какъ призракъ молочный, фантомъ-великанъ,
И гдѣ-то кричалъ коростель, и въ безсильи
По воздуху хлопали слабыя крылья...
Я шель одиноко вдоль сумрачныхъ ивъ,
И, саваномъ плотнымъ всѣ дали закрывъ,
Туманъ поглотилъ и закатныя чары,
И зыби пруда, и въ водѣ неньюфары,
Большіе цвѣты у глухихъ береговъ,
Бѣлѣвшіе грустно среди тростниковъ.

3.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Долгія пени
Скрипки осенней,
Зовъ неотвязный,
Сердце мнѣ ранять,
Думы туманять,
Однообразно.

Сплю, холодѣю,
Вздогнувъ, блѣднѣю
Съ боемъ полночи.
Вспомнится что-то.
Все безъ отчета
Выплачуть очи.

Выйду я въ поле.
Вѣтеръ на волѣ
Мечется, смѣлый.
Схватить онъ, бросить,
Словно уносить
Листъ пожелтѣлый.

4.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧАСЪ.

Луна ала на темныхъ небесахъ;
Качается туманъ; лугъ холодѣтъ
И спитъ въ дыму; въ зеленыхъ тростникахъ
Лягушка квакаетъ; прохлада рѣтъ.

Закрылись чаши лилій водяныхъ;
Рядъ тополей въ нѣмой дали туманень;
Прямыхъ и стройныхъ, —призраковъ ночныхъ;
Блескъ свѣтляковъ, надъ ивняками, странень.

Проснулись совы; то впередъ, то прочь,
На тяжкихъ крыльяхъ, летъ безшумный, мѣрный
Свершаютъ; у. зенита свѣтъ невѣрный,
И, бѣлая, Венера всходитъ: ночи!

КАПРИЗЫ.

Посвящено Анри Винтеру.

1.

ЖЕНЩИНА И КОШКА.

Она играла съ кошкой. Странно,
Въ тѣни, сгущавшейся вокругъ,
Вдругъ очеркъ выступалъ неожиданно
То бѣлыхъ лапъ, то бѣлыхъ рукъ.

Одна изъ нихъ, сердясь украдкой,
Ласкалась къ госпожѣ своей,
Тая подъ шелковой перчаткой
Агать безжалостныхъ когтей.

Другая тоже злость таила,
И звѣрю улыбалась мило...
Но Дьяволъ здѣсь былъ, ихъ храня.

И въ спальнѣ темной, на постели,
Подъ звонкій женскій смѣхъ, горѣли
Четыре фосфорныхъ огня.

2.

Л Ъ В И Ц А .

Она изъ тѣхъ, предъ кѣмъ святыя согрѣшата,
Кто стараго судью смутитъ при первой встрѣчѣ.
Вотъ говорить (—зубовъ сверкаетъ бѣлый рядъ—)
И русскій выговоръ есть въ итальянской рѣчи!

Въ ея глазахъ лазурь оправлена въ эмаль,
Какъ бриллиантъ они, и твердый и холодный,
Огонь ея грудей, ланить ея хрусталь,
И кожи блескъ—ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ не сходны!

И Клеопатра-рысь, и кошечка Нинонъ
Предъ красотой ея торжественной—лишь тѣни.
Надменный „свѣтъ“ давно ея призналъ законъ.

И надобно одно: иль, преклонивъ колѣни,
Молиться передъ ней, въ восторгѣ неземномъ,
Иль прямо по лицу ея хлестнуть бичомъ!

3.

ГЕОРГИНЪ.

Владычица толпы, чьи взоры съ поволокой
Обходятъ медленно свой кругъ, какъ у вола;
Твой полный станъ блеститъ, какъ твердая скала.

Ты—пышный, сочный цвѣтъ, не пахнущій, высокій,
И тѣла твоего проникнуты черты
Непогрѣшимостью спокойной красоты.

Пусть тѣла запахомъ другія насъ пьянятъ!
Гдѣ ты, тамъ никакой не вѣетъ аромать.
Ты царствуешь, Кумиръ, не слыша омиама.

Такъ георгинъ,—король, одѣтый въ багрянецъ,
Среди жасминныхъ купъ, вздымаетъ свой вѣнецъ,
Благоуханій чуждъ, безъ гордости, но прямо.

ИЗЪ КНИГИ

FÊTES GALANTES

(ИЗЫСКАННЫЕ ПРАЗДНЕСТВА)

(1869 г.)

ПОСВЯЩЕНО ФЕЛИСЬЕНУ ШАНСОРУ.

ИЗЫСКАННЫЯ ПРАЗДНЕСТВА.

1.

СІЯНІЕ ЛУНЫ.

Къ вамъ въ душу заглянувъ, сквозь ласковые глазки,
Я увидалъ бы тамъ изысканный пейзажъ,
Гдѣ бродятъ съ лютнями причудливыя маски,
Съ маркизою Пьерро и съ Колумбиной пажъ.

Поютъ они любовь и славятъ сладострастье,
Но на минорный ладъ звучитъ напѣвъ струны,
И, кажется, онѣ не вѣрятъ сами въ счастье,
И пѣсня ихъ слита съ сіяніемъ луны,

Съ сіяніемъ луны, печальнымъ и прекраснымъ,
Въ которомъ, опьяненъ, имъ соловей поетъ,
И плачется струя, въ томленіи напрасномъ,
Блестящая струя, спадая въ водометъ.

Поль Верленъ.

2.

ПАНТОМИМА.

Пьерро ужъ покончилъ съ бутылкой,
Паштетъ уплетаетъ онъ пылко,
И что ему прежній Клитандръ!

Въ аллеѣ, у дальней березы,
О бѣдномъ племянникѣ слезы
Платкомъ отираетъ Кассандръ.

Идея пришла Арлекину,
Похитить свою Коломбину,
И скачетъ онъ весело вновь.

А та въ изумленіи слышитъ,
Что вѣтеръ любовію дышитъ,
Что въ сердцѣ смѣется любовь.

3.

НА ТРАВЪ.

— Аббать, ты мелешь вздорь!—Маркизь,
Ты свой парикъ напялилъ худо!
— Дитя, ты краше всѣхъ актрись,
А кипрское сегодня — чудо!

— Моя любовь... — До, ре, ми, соль...
— Смотри, аббать, не все стерплю я!
— Ахъ, для тебя, дитя, позволь,
Вотъ эту звѣздочку сорву я.

— Когда бъ я былъ собачкой самъ...
— О, мракъ, мечтамъ благопріятствуй,
Позволь обнятьъ любезныхъ дамъ...
— Какъ смѣли вы...—Ба, мѣсяць, здравствуй!

4.

РАКОВИНЫ.

Всѣмъ раковинамъ, украшавшимъ гротъ,
Гдѣ мы съ тобой встрѣчались по условью,
Въ моихъ мечтахъ приходитъ свой чередъ.

Одна изъ нихъ, окрашенная кровью,
Воспроизводитъ пламенный порывъ,
Когда вдвоемъ пьянѣемъ мы любовью.

Другая, розовое съ бѣлымъ сливъ,
Напоминаетъ мнѣ твою усталость,
Когда я насмѣхаюсь, счастье скрывъ.

У третьей есть изящество и малость
Твоихъ ушей; та, словно грудь, блѣдна;
У этой—губъ ласкающая алость.

Но все жъ меня смущала лишь одна.

5.

ВЪ ТИШИ.

Здѣсь, гдѣ сумракъ словно дымъ,
Подъ навѣсомъ изъ вѣтвей, —
Мы молчаньемъ упоимъ
Глубину любви своей.

Наши души и сердца,
И волненье нашихъ сновъ
Мы наполнимъ до конца
Миромъ сосенъ и кустовъ.

Ты смежишь глаза въ тѣни,
Руки сложишь на груди...
Все забудь, все отгони,
Что манило впереди.

Пусть насъ нѣжно убѣдитъ
Легкій вѣтеръ, что порой,
Пролетая, шелеститъ
Порыжѣлою травой.

И когда съ дубовъ нѣмыхъ
Вечеръ, строго, ниспадетъ,
Голосъ всѣхъ скорбей земныхъ,
Соловей намъ запоетъ.

6.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Въ старинномъ паркѣ вѣтеръ выль осенній.

Въ старинномъ паркѣ тихо шли двѣ тѣни.

Ихъ губы скорбны, мертвень блескъ зрачковъ,

Чуть слышенъ лепетъ ихъ печальныхъ словъ.

Въ старинномъ паркѣ вѣтеръ выль осенній.

О прошломъ въ паркѣ лепетали тѣни.

— Ты наше счастье помнишь ли, въ быломъ?

— Зачѣмъ я буду вспоминать объ немъ?

— О, мигъ единственный былъ нами прожить,

Когда въ лобзаньи мы слились.—Быть можетъ.

— На голосъ мой дрожишь ли ты въ отвѣтъ?
Всегда ль меня ты въ грезахъ видишь?—Нѣтъ.

— Цвѣла надежда, было небо сине.
— Надежды нѣтъ, и мы вдвоемъ въ пустынь.

Такъ шли они межъ зыблемыхъ осовъ,
И только ночь внимала звукамъ словъ.

ИЗЪ КНИГИ

LA BONNE CHANSON

(МИЛАЯ ПЪСЕНКА)

(1870 г.)

МИЛАЯ ПЪСЕНКА.

1.

Ахъ! пока, звѣзда денницы,
Въ свѣтъ дневной ты не ушла,
 (Изъ пшеницы
Чу, кричатъ перепела.)

Обрати свой взоръ къ поэту,
Посмотри въ мои глаза!
 (Мчатся къ свѣту
Жаворонки въ небеса.)

Поспѣши: твое сіянье
Быстро меркнетъ въ синевѣ, —
 (Стрекотанье,
Шумъ ликующій въ травѣ!)

И, прочтя, чѣмъ думы полны,
Разгадавъ всѣ тайны грезъ, —
 (Словно волны,
Съ вѣтромъ зыблется овесь.)

Прошепчи о всемъ нѣжнѣе
Тамъ, гдѣ милой снится сонъ...
 (О, скорѣе!
Вотъ ужъ вспыхнулъ небосклонъ!)

2.

И мѣсяць бѣлый
Въ лѣсу горитъ,
И зовъ несмѣлый
Съ вѣтвей летитъ,
Насъ достигая...

О, дорогая!

Тамъ прудъ сверкаетъ
(Зеркальность воды!)
Онъ отражаетъ
Весь хороводъ
Кустовъ прибрежныхъ...

Часъ сказокъ нѣжныхъ.

Глубокій, полный
Покой и миръ
Струить, какъ волны,
Къ землѣ—эфиръ,
Весь огнецвѣтный...

О, мигъ завѣтный!

3.

Отъ лампы свѣтлый кругъ; мерцанье камелька;
Мечтанья скромныя, съ рукою у виска,
Со взоромъ, тонушимъ, любимый взоръ встрѣчая;
Часы закрытыхъ книгъ, дымящагося чая;
Усталость сладкая; сознаніе, что день
Уже пришелъ къ концу, что кротко будетъ тѣнь
До утра сторожить у брачнаго алькова...
Объ этомъ грезилъ я, и сладко грежу снова,
Черезъ отсрочки всѣ несу я пылкій хмѣль,
Сердясь на мѣсяцы, на тихій ходъ недѣль!

4.

Гуль полныхъ кабаковъ; грязь улицы; каштана
Лысъющаго листь, увядшій слишкомъ рано;
Желѣза и людей скрежещущій хаосъ,—
Громадный омнибусъ, межъ четырехъ колесъ
Сидящій плохо, взоръ, то алый, то зеленый,
Вращающій кругомъ; рабочій утомленный,
Городовому въ носъ пускающій свой дымъ
Изъ трубки; съ крышъ капель; невѣрный по сырмъ
Каменьямъ шагъ; асфальтъ испорченный; по краю
Потоки грязные;—и это—путь мой къ раю!

5.

Такъ это будетъ въ лѣтній день. Въ тотъ часъ
Горящій полдень, радуясь со мною,
Межъ шелка и атласа съ кисеею,
Еще прекраснѣй мнѣ покажетъ васъ.

И синій небосводъ, какъ ткань въ палаткахъ,
Надъ нами, поблѣднѣвшими тогда
Отъ счастья, ожиданья и стыда,
Вдругъ задрожитъ въ роскошныхъ, длинныхъ складкахъ.

Настанетъ вечеръ; всѣхъ маня ко сну,
Коснется вѣтеръ свадебной вуали,
И звѣздъ привѣтный взоръ изъ темной дали
Поздравитъ тихо мужа и жену.

6.

Одинъ, дорогою проклятой,
Я шель, не вѣдая куда...
Теперь твой обликъ—мой вожатый!

Разсвѣта вѣстница, звѣзда,
Едва замѣтная, бѣлѣла...
Зарю зажгла ты навсегда!

Мой только шагъ въ равнинѣ цѣлой
Звучалъ, и даль пуста была...
Ты мнѣ сказала: „Дальше, смѣло!“

Я изнывалъ подъ гнетомъ зла
Душой пугливой, сердцемъ темнымъ...
Любовь предстала и слила

Нась въ счастья страшномъ и огромномъ!

ИЗЪ КНИГИ

ROMANCES SANS PAROLES

(РОМАНСЫ БЕЗЪ СЛОВЪ)

(1874 г.)

ЗАБЫТЫЯ АРІЙКИ.

1.

Le vent dans la plaine
Suspend son haleine.
F a v a r t.

Это—экстазь утомленности,
Это—истома влюбленности,
Это—дрожанье лѣсовъ,
Вѣтра подъ ласкою млѣющихъ,
Это—межь вѣтокъ сѣрѣющихъ
Маленькихъ хоръ голосовъ.

Свѣжіе, нѣжные трепеты!
Шопоты, щебеты, лепеты!
Кажется: травы въ тиши
Ропшуть со стономъ томительнымъ,
Или въ потокѣ стремительномъ
Глухо стучать голыши.

Чьи же сердца утомленная
Вылились въ жалобы сонныя?
Это вѣдь наши съ тобой?
Это вѣдь мы съ тобой, милая,
Тихія рѣчи, улылыя,
Шепчемъ въ равнинѣ ночной?

2.

Il pleut doucement sur la ville.
Arthur Rimbaud.

Небо надъ городомъ плачетъ,
Плачетъ и сердце мое.
Что оно, что оно значить,
Это унынье мое?

И по землѣ и по крышамъ
Ласковый лепетъ дождя.
Сердцу печальному слышенъ
Ласковый лепетъ дождя.

Что ты лепечешь, ненастье?
Сердца печаль безъ причинъ...
Да! ни измѣны, ни счастья,—
Сердца печаль безъ причинъ.

Какъ-то особенно больно
Плакать въ тиши ни о чемъ.
Плачу, но плачу невольно,
Плачу, не зная о чемъ.

3.

Son joyeux, importun d'un clavecin sonore.
Pétrus Borel.

Цѣлуетъ клавиши прелестная рука;
И въ сѣромъ сумракѣ, немного розоватомъ,
Онѣ блестятъ; напѣвъ, на крыльяхъ мотылька,
(О, пѣсня милая, любимая когда-то!)
Плыветъ застѣнчиво, испуганно слегка,—
И все полно ея пьянящимъ ароматомъ.

И вотъ я чувствую, какъ будто колыбель
Баюкаетъ мой духъ, усталый и скорбящій.
Что хочешь отъ меня, ты, пѣсни нѣжный хмѣль?
И ты, ея припѣвъ, неясный и манящій,
Ты, замирающій, какъ дальняя свирѣль,
Въ окнѣ, растворенномъ на садъ вечерній, спящій?

4.

Тянеця безмёрно
Луговинь тоска.
Блещеть снѣгъ невѣрно,
Какъ пласты песка.

Небеса безъ свѣта,
Тверды, словно мѣдь.
Мѣсяць глянуль гдѣ-то,
Вновь чтобъ умереть.

Зыблется, какъ тучи,
Дальній, сѣрый боръ,
Тамъ, гдѣ паръ летучій
Кроеть кругозоръ.

Небеса безъ свѣта,
Тверды, словно мѣдь.
Мѣсяць глянуль гдѣ-то,
Вновь чтобъ умереть.

Воронъ, съ хриплымъ крикомъ,
Старый волкъ худой,
Вамъ въ просторѣ дикомъ
Хорошо зимой!

Тянется безмѣрно
Луговинъ тоска.
Блещетъ снѣгъ невѣрно,
Какъ пласты песка.

5.

Соловью, который съ высоты вѣтки
глядится въ рѣку, кажется, что онъ
упалъ туда. Сидя на вершинѣ дуба, онъ
боится утонуть.

С и р а н о д е Б е р ж е р а к ъ .

Деревьевъ тѣнь въ водѣ, подѣ сумракомъ сѣдымъ,
Расходится какъ дымъ.

Тогда какъ въ высотѣ, съ дѣйствительныхъ вѣтвей,
Рыдаеть соловей.

И путникъ, заглянувъ къ деревьямъ блѣднымъ,—тамъ
Блѣднѣеть странно самъ,

А утонувшія надежды и мечты
Рыдають съ высоты.

БЕЛЬГИЙСКІЕ ПЕЙЗАЖИ.

«Conquestes du Roy».
Старинныя эстампы.

1.

ВАЛЬКУРЪ.

Кирпичъ, черепица,
О, потаенныхъ
Уголковъ вереница
Для сердецъ влюбленныхъ!

Виноградъ и хмѣли,
Цвѣты и вѣтки,
Уюты веселій,
Живыя бесѣдки!

Кабачковъ услады,
Шумъ и пиво,
Лукавые взгляды
Служанки красивой.

Близость вокзала
И дорогъ безконечныхъ...
Иль этого мало
Для Агасеровъ безпечныхъ!

2.

ШАРЛЕРУА.

Кобольдовъ прячетъ
Зеленый дрокъ.
Чу! вѣтерокъ
Какъ будто плачетъ.

Чѣмъ вдругъ запахло?
Шумить овесъ,
И кустъ до слезъ
Бьетъ вѣткой чахлой.

Глядитъ чуланомъ
Здѣсь каждый домъ;
И все кругомъ
Въ дыму багряномъ.

Вокзаловъ скрежетъ
Со всѣхъ сторонъ.
Взоръ изумлень:
Весь городъ гдѣ же?

Пронесся быстро
Упорный стукъ,
Какъ будто звукъ
Большого систра.

Притонъ работы,
Твой обликъ дикъ!
Металла крикъ
И запахъ пота!

Кобольдовъ прячетъ
Зеленый дрокъ.
Чу, вѣтерокъ
Какъ будто плачетъ.

3.

БРЮССЕЛЬ.

(Простая фреска).

Зеленовато-красны
Холмы и склоны эти.
Въ вечернемъ полусвѣтѣ
Всѣ контуры неясны.

Вотъ золото стремнины
Все болѣе багрится;
На вязѣ безъ вершины
Чуть слышно свищетъ птица.

Осенній день тускнѣетъ,
Мечты мои безсвязны,
И грусть мою лелѣетъ
Напѣвъ однообразный...

АКВАРЕЛИ.

1

ГРЕНН. (ЗЕЛЕНЬ).

Вотъ ранніе плоды, вотъ вѣточки съ цвѣтами,
И сердце вотъ мое, что бьется лишь для васъ.
Не рвите же его лилейными руками,
Склоните на меня сіянье кроткихъ глазъ.

Я прихожу еще обрызганный росой,
Что вѣтеръ утренній оледенилъ на лбу.
Простите, что опять я предаюсь покою
У вашихъ ногъ, въ мечтахъ благодаря судьбу.

Еще звенящую послѣднимъ поцѣлуемъ,
Я голову свою вамъ уроню на грудь.
Пусть буря замолчитъ, которой я волнуемъ,
А вы, закрывъ глаза, позвольте мнѣ уснуть!

2.

SPLEEN. (СПЛИНЪ).

Всѣ розы были ярко красны,
Плющи—неумолимо черны...

Твои движенія опасны,
Мои унынія упорны.

Все небо было слишкомъ нѣжнымъ,
Зеленымъ море, воздухъ яснымъ...

Я знаю: я—предъ неизбѣжнымъ,
Предъ чѣмъ-то горькимъ и ужаснымъ.

Терновникомъ съ листвою лощеной,
И буксомъ съ блестящей листвою.

Я утомлень, и отдаленной
Равниной, всѣмъ, лишь не тобою!

3.

STREETS. (улицы).

I.

Спляшемъ жигу!

Ахъ, я любилъ ея глаза,
Свѣтлѣй, чѣмъ въ звѣздахъ небеса,
Тѣ, не лукавые глаза!

Спляшемъ жигу!

Она умѣла безъ конца
Терзать поклонниковъ сердца,
Съ улыбкой милого лица!

Спляшемъ жигу!

Но мнѣ еще, еще милѣй
Ея уста,—цвѣтки лилей,—
Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ ней!

Спляшемъ жигу!

Я не забылъ, я не забылъ,
Какъ быть любимъ, какъ самъ любить,
И тѣмъ живу, какъ прежде жилъ!

Спляшемъ жигу!

II.

На улицѣ, въ оправѣ тѣсной,
Рѣка, возникшая чудесно
За пятифутовой стѣной!
Въ предмѣстьи мирномъ, ты не быстро,
Безъ шума протекаешь—чистой,
Но не прозрачною струей.

Шоссе широко, и, безмолвны,
Желты, какъ мертвый обликъ, волны
Одинъ туманъ лишь отразятъ,
Въ тотъ даже часъ, когда, вставая;
Заря сіяетъ, зажигая
Котеджей черно-желтый рядъ.

4.

CHILD WIFE. (ЖЕНА-РЕБЕНОКЪ).

Нѣтъ, простоты моей вы не могли понять,
Не то вамъ было надо!
И вы, наморщивъ лобъ, спѣшили убѣжать,
Съ упрямствомъ и досадой.

И взоръ, который могъ лишь нѣжность отражать,
Быть зеркаломъ лазури,
Вдругъ, гнѣвомъ омрачась,—мнѣ больно вспоминать,—
Горѣлъ, какъ небо въ бурѣ.

И маленькой рукой грозили гнѣвно вы,
Какъ богатырь могучій,
И крики злобные сжимали грудь,—увы!—
Вамъ, слитой изъ созвучій!

Но какъ боялись вы сердечныхъ бурь и грозъ,
Въ душѣ еще ребенокъ!
И съ вашей матерью роптали вы межъ слезъ,
Какъ блеющий ягненокъ.

Нѣтъ, вы не поняли любви и честь и свѣтъ,
Любви простой и милой,
Спокойной въ радостяхъ, веселой въ пору бѣдъ,
И юной до могилы!

5.

В В А М С. (СІЯНІЕ).

Хотѣлось ей пойти въ средину волнъ морскихъ,
А такъ какъ вѣтерокъ привѣтливо утихъ,
Къ ея безумію мы отнеслись не строго,
И вотъ мы всѣ идемъ соленою дорогой.

Недвиженъ солнца шаръ на ясныхъ небесахъ,
И золотомъ лучи мелькаютъ въ волосахъ,
Когда она скользитъ нѣжнѣе, чѣмъ извивы
Развернутой волны... скользитъ,—о мигъ счастливый!

Бѣлѣютъ паруса, вдали склоняясь ницъ,
И носятся вокругъ станицы бѣлыхъ птицъ;
Широкій, скользкій шагъ по временамъ колеблемъ
Протянутымъ съ листомъ, цѣпляющимся стеблемъ.

Она взглянула къ намъ, смущенная чуть-чуть,
Не зная, какъ любовь переносила путь,
Но видя, что мы всѣ идемъ въ восторгѣ рядомъ,
Опять пошла впередъ, не подаривши взглядомъ.

Дувръ-Остенде,
на палубѣ «Comtesse-de-Flandre»,
4 апрѣля, 1873.

ИЗЪ КНИГИ

SAGESSE

(МУДРОСТЪ)

(1881 г.)

ПОСВЯЩЕНО ПАМЯТИ МАТЕРИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Мнѣ встрѣтился рыцарь Несчастье, что скачетъ и ночью и днемъ,
Въ молчаньи, подъ тяжкимъ забраломъ: онъ сердце пронзилъ мнѣ
копьемъ.

Мгновенно изъ ветхаго сердца кровь брызнула алой струей,
Цвѣты оросила, и, съ солнцемъ, потомъ испарилась росой.

Но мракъ отуманилъ мнѣ очи, но стонъ мой до устъ не достигъ,
И умерло ветхое сердце во мнѣ, въ тотъ мучительный мигъ.

Таинственный рыцарь Несчастье спрыгнулъ съ вороного коня,
Рукою въ желѣзной перчаткѣ онъ властно коснулся меня.

Я чувствовалъ твердые пальцы, проникшіе въ рану мою,
А голось, суровый и строгій, меня призывалъ къ бытію.

И вотъ, подъ холоднымъ давленьемъ руки, облеченной въ металлъ,
Въ груди моей сердце воскресло, и трепеть по мнѣ пробѣжалъ.

Да! юное, чистое сердце, блестя неземной бѣлизной,
Забилось свободно и гордо для жизни безвѣстной, иной.

Еще я дрожаль, опьяненный, еще я повѣрить не могъ,
Какъ всякій, кто видитъ видѣнье, съ кѣмъ явно бесѣдуетъ Богъ.

А рыцарь съ закрытымъ забраломъ, поспѣшно вспрыгнулъ на коня,
И сдѣлалъ мнѣ знакъ, удаляясь, мгновенье глядѣлъ на меня.

И крикнулъ мнѣ голосомъ страшнымъ (я слышу еще этотъ громъ):
„Мой первый завѣтъ: повинуйся! что дальше, узнаешь потомъ!“

2.

— Что скажешь, путникъ, ты про страны и вокзалы?
Собралъ ли скуку ты (она давно зрѣла),
Плохой сигары дымъ пускающей, усталый,
Ты, чья нелѣпо тѣнь на стѣну налегла?

Ахъ, послѣ всѣхъ дорогъ, твой взоръ все также мраченъ,
Твоя усмѣшка та жъ, та жъ грусть въ лицѣ твоёмъ:
Такъ мѣсяцъ, между мачтъ, попрежнѣму прозраченъ,
Такъ море старое все то же, съ новымъ днемъ.

Такъ кладбище все то жъ, хотя могилы новы!
Но Расскажи намъ то, что видно и безъ словъ:
Разочарованность твоей души; суровый
И горькій приговоръ мечтамъ былыхъ годовъ!

И ужасъ не забудь дней, сердце истомившихъ:
Зла—всюду, и Уродствъ—вездѣ, на всѣхъ путяхъ;
Политики позоръ, и стыдъ Любви, залившихъ
Потоками чернилъ кровь на своихъ рукахъ.

И не забудь себя: какъ грузъ своихъ безсилій,
 Всей слабости своей, всей простоты своей
 Ты влекъ на поле битвъ, гдѣ бились, гдѣ любили,
 Безумнѣй—что ни день, и что ни день—грустнѣй!

Вполнѣ ль наказанъ ты за глупую наивность?
 Что скажешь?—Люди злы.—А женщины? О, кто жъ
 Пилъ влагу слезъ твоихъ? Съ кѣмъ зналъ ты неразрывность
 Судьбы? И ласка чья не оказалась ложь?

Какъ ты довѣрчивъ былъ! какъ грубой лести вѣрилъ!
 Ты помнишь ли, какъ ты мечталъ когда-то самъ
 О смерти сладостной?—Теперь ты скорбь измѣрилъ.
 О, ангель, падшій ницъ, конецъ твоимъ мечтамъ!

Куда жъ теперь пойдешь? скажи о новыхъ планахъ?
 Иль, столько плакавши, ты весь душой размякъ?
 По твердости коры мы судимъ о каштанахъ,
 А какъ унылъ твой видъ, какъ твой невѣренъ шагъ!

Такъ чѣмъ же будешь ты? идиликкомъ усталымъ,
 На небо глупое глядящимъ сквозь окно
 Глазами демона и взоромъ одичалымъ?
 Не это значить ли—совсѣмъ упасть на дно?

Довольно ли съ тебя такой простой развязки
 Романа? Кто другой (смышленѣй, можетъ быть),
 За скрипки заплативъ, хотѣлъ бы видѣть пляски,
 И не боялся бы прохожихъ раздражить.

Поройся въ уголкахъ своей души. Нельзя ли
Оттуда выхватить блистательный порокъ,
Красивый, дерзностный, какъ саблю доброй стали,
И въ небо устремить сверкающій клинокъ?

Быть можетъ, не одинъ, а нѣсколько? Отлично!
Иди же на войну, и безъ разбора всѣхъ
Рази! личиной скрывъ безопасности приличной
Неутоленный гнѣвъ и безнадежный смѣхъ!

Не надо быть глупцомъ въ сей жизни пустозвонной,
Гдѣ въ счастья ничего плѣнительнаго нѣтъ,
Безъ грезъ порочности, немного извращенной!
И зломъ за зло платить,—да будетъ твой завѣтъ!

— Людская мудрость? ахъ! мечты инымъ согрѣты!
Въ томъ прошломъ, что сейчасъ ты мнѣ изобразилъ,
Давая горькіе и строгіе совѣты,—
Я помню лишь то зло, что самъ я совершилъ!

Изъ всѣхъ случайностей моей бродячей жизни,
Изъ всѣхъ жестокихъ „бѣдъ“, изъ всѣхъ моихъ дорогъ,
Изъ голосовъ вражды и злобной укоризны,
Я помню лишь одно—какъ милосердъ былъ Богъ!

Мои мученія всѣ были справедливы,
Никто не виновать, что лиль я много слезъ,
Но, можетъ быть, и я познаю въ день счастливый
Прощеніе и миръ, что всѣмъ даетъ Христось!

Да, жалко быть глупцомъ въ сей жизни преходящей,
Но лучше въ вѣчности вѣнецъ свой заслужить,
И намъ гласить законъ единый, настоящій:
Не зломъ за зло платить, но всѣхъ и все любить!

Мудрость.

3.

- Обманчивые дни весь день, весь день горѣли;
Заката на мѣди теперь они дрожатъ.
Закрой глаза, душа, довольно мы смотрѣли!
- О, искушенія!—они насъ сторожатъ.

Весь день, весь день они горѣли безпощадно,
Сжигая виноградъ на склонахъ, подъ горой
Хлѣба созрѣвшіе, и опаляя жадно
Небесную лазурь, что пѣла надъ тобой.

О, поблѣднѣй, душа, иди, ломая руки.
Ужели тѣ „вчера“ святому „завтра“ вновь
Грозятъ? Безумія ужели живы муки?

Воспоминанія убей, убей, Любовь!
О, грозный приступъ зла! послѣдній, безъ сомнѣнья?
· Иди, душа, молись! молись до изступленья!

4.

Жизнь скромная, съ ея нетрудными трудами!
Въ ней цѣлый подвигъ есть,—служеніе любви!
Веселымъ быть, слѣдя все тѣ же дни за днями,
Быть сильнымъ, чувствуя, что гаснетъ жаръ въ крови!

Знать, слышать въ городахъ, межъ всѣми голосами,
О Боже! лишь одно: колокола твои,
И, повинуюсь самъ велѣнію: „живи!“
Свой голосъ смѣшивать съ гудящими волнами.

Съ желаньемъ каяться—межъ грѣшниками жить.
Любить молчаніе—и бесконечно длить
Терпѣнія часы, здѣсь, въ жизненной пустынь,

Сомнѣнья дѣтскія раскаяній живыхъ,
И тщетныя мечты о радостяхъ святыхъ...
— „Прочь!“ ангель говоритъ, „все доводы гордыни!“

5.

Прислушайтесь къ пѣсенкѣ нѣжной,
Что плачетъ, чтобъ быть вамъ желанной!
Она и легка и небрежна:
По мху ручеекъ неустанный.

Вамъ голосъ знакомъ (и немного
По сердцу?), но онъ подъ вуалью:
Вдова, что томится печалью,
Но держится гордо и строго

И въ складкахъ печальной одежды,
Дрожащей подъ лаской осенней,
Мелькаетъ (звѣзда среди тѣней)
Лучъ Истины, отблескъ Надежды!

Вновь узанный голосъ внушаетъ,
Что жить можно лишь Добротою,
Что, волей свершенное злою,
Лишь явится смерть, пропадаетъ.

Поль Верланъ.

Еще говорить онъ о славѣ:
О радости быть неизвѣстнымъ,
О счастья великомъ, чудесномъ—
Жить въ мирѣ, не мысля о славѣ.

Прислушайтесь къ пѣснѣ, твердящей
Упорно—наивныя грезы:
Что можетъ быть лучше и слаще,
Какъ чьи-нибудь высушить слезы!

Какъ ангель она свѣтлокудрый,
Страдая, молчить про упреки...
И какъ ея просты уроки!
Прислушайтесь къ пѣсенкѣ мудрой!

6.

О Гордость! Мощный крикъ, валторны зовъ глухой,
Огни кровавыхъ звѣздъ на бронѣ золотой...
Шатаешься, огнемъ и дымомъ опьяненный...
О Гордость! Мощный крикъ, валторны зовъ глухой!

О Ненависть! О звонъ надъ моремъ, заглушенный
Въ снѣгу. Такъ холодно. Безсильный, утомленный,
Пугаешься, бѣжишь на пристань. Въ тишинѣ
Тамъ молкнетъ колоколъ, далекій, заглушенный.

О Страсть! О странный шумъ, неясный, какъ во снѣ.
Всѣ пьяны. Кажется, имъ весело вполнѣ.
Глаза, и имена, и бредъ духовъ банальныхъ,
Въ которомъ гаснетъ шумъ, неясный, какъ во снѣ.

О Зависть! Рядъ тѣней—въ туманѣ. Рядъ вѣнчальныхъ
Кортежей. Тысячи—препятствій. Кругъ печальныхъ
Трудовъ: весь пышный циркъ движеній мировыхъ!
Подъ тихій скрипокъ звукъ, подъ гулъ пировъ вѣнчальныхъ.

О Гнѣвъ! Угрюмый стонъ! О Скорбь о дняхъ бы-
лыхъ!

О Искушеніе!—Быль долженъ слышать ихъ

И я, для глухоты молчанья неземного!

Гнѣвъ, Искушеніе и Скорбь о дняхъ былыхъ!

Умрите, Голоса, чтобъ не воскреснуть снова!

Вы—смертны! Вы—мечта! вы—звукъ пустой! вы—слово!

Реторика грѣха! метафоры безъ крыль!

Умрите, Голоса, чтобъ не воскреснуть снова!

Я болѣе не тотъ, какимъ когда-то былъ.

Умрите же во мнѣ, въ нѣмой тиши могиль,

Подъ тайныя мольбы души перерожденной!

Я сердцемъ, я душой не тотъ, какимъ я былъ.

Умрите въ голосахъ молитвы умиленной!

Она у райскихъ вратъ стоитъ, какъ стражъ безсонный,

И скажетъ въ страшный день: „умри!“ или „живи!“

Умрите въ голосахъ молитвы умиленной

И въ страшныхъ голосахъ ликующей Любви!

7.

Врагъ принимаетъ обликъ Скуки,
И говоритъ: „Къ чему, мой другъ?“
Но я смѣюсь, сжимая руки.
Врагъ принимаетъ обликъ Тѣла,
И шепчетъ: „Посмотри вокругъ,
Вотъ женщина!“ Молчу я смѣло.

Врагъ принимаетъ обликъ новый,
Онъ — ангелъ свѣта, шепчетъ вновь: -
„Что твой порывъ, твой постъ суровый,
Предъ тѣмъ, что сердце должно Богу!
Какъ смерть сильна ль твоя любовь?“
Твержу: „Иду я понемногу!“

Онъ — логикъ отъ начала свѣта,
Я долженъ обуздать свой умъ,
И не искать ему отвѣта,
Кто это, зная безъ сомнѣнья!
Пусть жизни раздастся шумъ,
Молиться буду о смиреньи!

8.

Духъ древности былъ пустъ и грубъ.
Онъ видѣлъ въ таинствѣ страданья
Лишь ужасъ—бездыханный трупъ,
Иль изумленье безъ сознанья.

Искусство, что всего полнѣй
Весь міръ античный отразило,
Въ двухъ образахъ, двухъ матерей,
Предѣлы скорби воплотило.

Вотъ Троя гибнетъ, въ страшный часъ,
И видитъ смерть дѣтей Гекуба...
Что жъ? факель мысли въ ней погасъ,
Она бѣжитъ и лаетъ грубо.

Бѣжитъ по берегу, слюной
Обрызгивая пѣну моря,
Мохнатой, яростной, слѣпой,
Собакой ставшая отъ горя!

Мудрость.

Вотъ стрѣлы мечеть Аполлонъ,
И дѣти никнуть, каменья...
Сдавивъ въ устахъ послѣдній стонъ,
Глядитъ безсильно Ниобея.

Глядитъ, вперивъ недвижный взоръ,
Съ безумнымъ жестомъ каменѣть...
И межъ камней она, съ тѣхъ поръ,
Обломкомъ мраморнымъ коснѣть.

Духъ христіанства—онъ великъ:
Страдая, онъ страдаетъ строго,
Онъ мыслить, подавляя крикъ,
И вновь идетъ своей дорогой.

Онъ на Голгоѣ могъ стоять,
Въ слезахъ, но безъ тоски звѣриной,
Равно и тамъ стояла Мать,
Но что за Мать! какого Сына!

Причастница Его страстей
И жертвы, цѣлый міръ спасавшей,
Она смягчала ихъ Своей
Душой, безмѣрно сострадавшей.

И такъ какъ дѣти Ей—всѣ мы,
То изъ груди Ея пронзенной
На этотъ міръ скорбей и тьмы
Любви струится токъ безсонный.

И въ день, что небо въ 'высотѣ
Разверзнетъ съ края и до края,—
Кто вѣрить смѣлъ и могъ, всѣ тѣ,
(Всѣ—одного лишь исключая),

Къ блаженной жизни въ небесахъ,
Къ Сіону, въ горнія селенья,
Взнесутся тихо на крылахъ
Ея блаженнаго Успенья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

О Боже, Ты меня любовью ранилъ,
И эта рана вся еще дрожитъ!
О Боже, Ты меня любовью ранилъ.

О Боже, Ты меня постигнулъ страхомъ,
И слѣдъ ожога—какъ гремящій громъ!
О Боже, Ты меня постигнулъ страхомъ.

О Боже, я позналъ, что все ничтожно,
И слава Божія вошла въ меня!
О Боже, я позналъ, что все ничтожно.

О пусть мой духъ въ Твоемъ винѣ утонетъ,
Пусть будетъ жизнь—хлѣбъ Твоего стола!
О пусть мой духъ въ Твоемъ винѣ утонетъ.

Вотъ кровь моя, что я еще не пролилъ,
Вотъ плоть моя, что недостойна мукъ!
Вотъ кровь моя, что я еще не пролилъ.

Полю Верланю.

Вотъ лобъ, что долженъ былъ краснѣть всечасно,
Пусть будетъ онъ ступеню ногъ Твоихъ!
Вотъ лобъ, что долженъ былъ краснѣть всечасно.

Вотъ руки, что работать не умѣли,
Пусть ѳиміамъ и угли въ нихъ горятъ!
Вотъ руки, что работать не умѣли.

Вотъ сердце то, что билось понапрасну,
Пусть предъ Голговою и оно дрожитъ!
Вотъ сердце то, что билось понапрасну.

Вотъ ноги, путь свершавшія ненужный,
Пусть поспѣшатъ на благостный Твой зовъ!
Вотъ ноги, путь свершавшія ненужный.

Вотъ голосъ, звукъ неправедный и лживый,
Пусть горькіе упреки онъ твердитъ!
Вотъ голосъ, звукъ неправедный и лживый.

Вотъ взоръ, вперявшійся на заблужденья,
Пусть слѣпнетъ онъ въ молитвенныхъ слезахъ!
Вотъ взоръ, вперявшійся на заблужденья.

О Господи! Богъ жертвы и прощенья!
Нѣтъ мѣръ неблагодарности моей!
О Господи! Богъ жертвы и прощенья!

М у д р о с т ь .

О Господи, Богъ святости и страха,
Бездонны пропасти моихъ грѣховъ!
О Господи, Богъ святости и страха.

· О Господи, Богъ радости и мира,
Мое невѣдѣнье, мой страхъ—томятъ!
· О Господи, Богъ радости и мира.

Все это знаешь Ты, все это знаешь,
И то, что я бѣднѣе всѣхъ другихъ!
Все это знаешь Ты, все это знаешь.

Но, что могу, все отдаю Тебѣ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1.

Надежда чуть блеститъ, какъ подь окномъ солома.
Не бойся: пролетѣлъ полетомъ пьяный шмель,
Закатные лучи стремятся пылью въ щель.
На руки голову склони, и спи. Ты дома.

О бѣдный, бѣдный другъ, испей воды хотя
Холодной. Послѣ спи. Я здѣсь, взгляни; мы двое.
Баюкать буду я, а ты мечтай въ покоѣ
И тихо подпѣвай, какъ малое дитя.

Бьетъ полдень. Онъ уснулъ. Изъ жалости уйдите.
Какъ женскіе шаги томительны въ мозгу
Отверженцевъ больныхъ, что грезять о защитѣ!

Бьетъ полдень. О усни! Давно не нужны слезы.
Надежда чуть блеститъ, какъ камень на лугу...
Когда сентябрьскія опять воскреснуть розы!

2.

Гаспаръ Гауверъ поетъ:

Пришелъ я, скромный сирота,
Богатъ однимъ лишь взоромъ темнымъ,
Туда, гдѣ править суета...
Меня признали слишкомъ скромнымъ!

Когда же, въ двадцать лѣтъ, я вновь
Охваченъ былъ инымъ порывомъ,
И женщинамъ принесъ любовь:
Тѣ не нашли меня красивымъ.

Я былъ чужой въ своей странѣ,
Я не былъ храбръ,—и все же смѣло
Искалъ я смерти на войнѣ...
И смерть меня не захотѣла!

Родился слишкомъ рано я,
Иль опоздалъ, какой-то чарой?
О глубока тоска моя!
Всѣ, всѣ—молитесь за Гаспара!

3.

Огромный, черный сонъ
Смежилъ мнѣ, тяжело вѣжды.
Замри, ненужный стонъ,
Усните, всѣ надежды!

Кругомъ слѣпая мгла.
Теряю я сознание,
Гдѣ грань добра и зла...
О, грустное преданье!

Я—словно колыбель.
Ее въ глубокой нишѣ
Качаетъ темный хмѣль:
О тише, тише, тише!

4.

Небосводъ надъ этой крышей
Такъ высокъ, такъ чистъ!
Стройный вязъ надъ этой крышей
Наклоняетъ листь.

Въ небѣ синемъ и высокомъ
Колокольный звонъ.
Чу! на деревѣ высокомъ
Птицы тихій стонъ.

Боже! Боже! все такъ мирно,
Просто предо мной!
Еле слышенъ, тихій, мирный,
Ропоть городской.

— „Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Много, много дней,
Что жъ ты сдѣлалъ, ты, что плачешь,
Съ юностью твоей?“

5.

Законы, числа, краски, ароматы!..
Слова бѣгутъ въ испугъ, какъ цыплята.
Рыдая, Тѣло никнетъ на крестъ.

Нога, ты топчешь грезы, а не травы!
И зовъ толпы, прельстительно-лукавый,
Звучить вокругъ, въ немолчной суетѣ.

О небо, гдѣ плывутъ надежды наши!
Цвѣты, что никогда не будутъ чаши!
Вино, и вдругъ—жестъ проскользнувшей твоей!
Грудь женщины съ ласкающей игрой!

Ночей лѣнивыхъ ложа голубья!..
— Что этотъ бредъ плѣнительныхъ усладъ?
Что этихъ пытокъ безконечный рядъ?
И что—мы, грѣшники, и вы, святые?

6.

Охотничій рожокъ рыдаетъ у лѣска,
Печальной жалобой, какъ будто сиротливой.
И молкнетъ этотъ звукъ надъ опустѣлой нивой,
Сливаясь съ лаемъ псовъ и свистомъ вѣтерка.

Но вскорѣ новый стонъ звучитъ издалека...
Не волчья ли душа въ немъ плачется тоскливо?
А солнце за холмомъ, какъ будто бы лѣнливо
Скрывается; кругомъ—и сладость и тоска!

И, чтобъ усилить мигъ подавленной печали,
Вуалью бѣлой скрывъ огни багряной дали,
Какъ нити корпѣи, снѣгъ рѣетъ на поля;

И воздухъ—словно вздохъ осенній, утомленный...
Но кротокъ безъ конца весь вечеръ монотонный,
Въ которомъ нѣжится усталая земля!

7.

О чело́вчества безмѣрность,
Былые дни, благой Отецъ,
И вѣрныхъ доблестная вѣрность!—
Путь обрѣтенный, наконецъ!

Здѣсь все громаднѣй и могучѣй,
Чѣмъ однодневка-человѣкъ,
И черны, какъ завѣсы, тучи,
Закрывшія идущій вѣкъ.

Вожатаю сей жизни грѣшной
Повиновенью,—духъ предай!
О, въ полѣ, вспаханномъ успѣшно,
Единой Церкви урожай!

8.

Прекраснѣ море,
Чѣмъ наши соборы,
На вольномъ просторѣ
Немолчные хоры,
Могучей стихіи—
Гимнъ Дѣвѣ Маріи!

То яростный громъ,
То нѣжный напѣвъ,
Сливаются въ немъ—
Прощенье и гнѣвъ.
Въ безмѣрности водъ
Ни думъ, ни заботъ.

О! ты терпѣливо
И въ бурѣ мятежной!
Поешь ты призывы
Такъ вкрадчиво-нѣжно:
„Кто чуждъ упованій,
Умри безъ страданій!“

Средь пѣсенъ земныхъ
Нѣтъ пѣсни милѣй
Стальныхъ, голубыхъ,
Зеленыхъ зыбей.
Твое торжество —
Прекраснѣй всего!

9.

То—празднество хлѣбовъ, то—свѣтлый праздникъ хлѣба,
Въ моей родной странѣ, что вновь я увидалъ!
Природа, люди, шумъ, въ потокахъ свѣта съ неба,
Столь ярко-бѣлаго, что тѣни отсвѣтъ—алъ!

Колосевъ золото подъ взмахомъ косъ ложится,
И отражаетъ блескъ мелькающая сталь.
Людьми покрытая, спѣшитъ перемѣниться
И новый ликъ принять ликующая даль.

Все—впопыхахъ, все вокругъ—усилье и движенье,
Подъ солнцемъ, что палитъ сноповъ встающій рядъ,
И, неустанное, на склонахъ, въ отдаленьи,
Вливаетъ сладкій сокъ въ зеленый виноградъ.

Трудись, о солнце, лей на гроздя и на нивы
Свой свѣтъ! людей пои ты молокомъ земли,
И въ чашахъ имъ давай забвенья мигъ счастливый!
Жнецы! работники! вы счастье обрѣли!

Не 'явно ль съ вами Богъ, въ трудѣ большомъ и мѣрномъ,
И въ виноградникѣ, и на поляхъ съ серпомъ?
Сбираетъ Онъ, Онъ жнетъ, распредѣляя вѣрнымъ
И Плоть и Кровь Свою, въ причастіи святомъ!

ИЗЪ КНИГИ

JADIS ET NAGUÈRE

(КОГДА-ТО И НЕДАВНО)

(1884 г.)

КОГДА-ТО.

1.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Посв. Жермэну Нуво.

На узкой улицѣ, въ томъ городѣ Мечты,
То будеть—словно сонъ, ужъ снившійся однажды.
И будеть смутно все, но четокъ образъ каждый...
О солнце алое въ туманѣ, это—ты!

Въ лѣсу призывный крикъ! надъ моремъ о спасеньи
Вопль! и невѣдомо—откуда онъ и чей.
И будеть все инымъ, чѣмъ было въ жизни всей.
Быль рядъ метампсихозъ: настало пробужденье.

На узкой улицѣ, въ томъ городѣ Мечты,
Шарманки будутъ пѣть несдержанныя пляски,
Толпами побѣгутъ, бренча на лютяхъ, маски,
Въ кафе, на столикахъ, усядутся коты.

Все будеть роковымъ, какъ въ часъ послѣдній—смерти.
И будешь плакать ты потокомъ горькихъ слезъ,
И будешь хохотать подъ грохоты колесъ,—
И будутъ прыгать вкругъ насмѣшливые черти.

О старья слова,—букеты розъ былыхъ!
А, въ шумѣ празднества и уличнаго бала,
Старухи страшныя появятся, устало
Влача черезъ толпу своихъ дѣтей больныхъ.

И встануть старики, лохмотьями одѣты,
Болячки бѣлыя осеребрятъ имъ бровь...
Но, въ запахѣ мочи, болтая про любовь,
Всѣ будутъ танцовать, пуская въ высь ракеты!

Все будетъ словно сонъ, что только-что прошелъ,
Какъ пробужденіе, какъ сонъ ужасный снова,—
Все межъ однихъ кулись, какъ жажда сна, иного:
Травы, лѣсныхъ полянъ, жужожанья пьяныхъ пчель!

2.

ХРОМОЙ СОНЕТЪ.

Посв. Эрнесту Делаз.

О нѣтъ! во-истину, все это слишкомъ больно!
 Несчастнымъ можно ль быть, какъ я, какъ я теперь?
 Здѣсь умираю я, какъ бѣдный, жалкій звѣрь,
 А зрители кругомъ безпечны и довольны!

О городъ Библіи! О Лондонъ! Дымъ, шумъ, адъ,
 И газъ мерцающій, и вывѣсокъ сверканье!
 И стиснуты дома: какъ будто засѣданье
 Упрямыхъ стариковъ,—чудовищный сенатъ!

Все прошлое кричить, мяучить, скачетъ
 Въ туманѣ розовомъ и грязномъ, гдѣ соhos
 Царить, и вмѣстѣ съ нимъ: indeeds, all rights, hâos!

О нѣтъ, во-истину все это слишкомъ грустно,
 И силы нѣтъ терпѣть тѣ пытки безъ надеждъ...
 О городъ Библіи! о, гдѣ жъ огонь съ небесъ!

3.

АЛЛЕГОРІЯ.

Посв. Жюлю Валадону..

Слѣпое, тяжкое, властительное лѣто!
 Какъ дѣспоть праздный ты, слѣдящій пытокъ рядъ,
 Съ своимъ сообщникомъ, потокомъ яркимъ свѣта!
 Уставъ, зѣваешь ты. А люди грузно спятъ,

Покинувъ всѣ труды. И жаворонокъ звонкій
 Не пѣлъ. Ни вѣтерка, ни облачка, все спитъ.
 Натянута лазурь, какъ нѣкій завѣсъ тонкій,
 И въ неподвижности молчаніе скользитъ.

Кузнечики въ травѣ молчатъ въ изнеможеньи.
 По пестрымъ камешкамъ не скачутъ ручейки,
 Полуизсохшіе, и не поятъ рѣки.

Лишь неустанное и яркое вращенье
 Муара движется, въ обманчивой дали,
 И, черно-желтые, проносятся шмели.

4.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ.

Посв. Шарлю Морису.

О музыкѣ на первомъ мѣстѣ!
Предпочитай размѣръ такой,
Что зыбокъ, растворимъ, и вмѣстѣ
Не давить строгой полнотой.

Цѣня слова какъ можно строже,
Люби въ нихъ странныя черты.
Ахъ, пѣсни пьяной что дороже,
Гдѣ точность съ зыбкостью слиты!

То—взоръ прекрасный за вуалью,
То—въ полдень задрожавшій свѣтъ,
То—осенью, надъ синей далью,
Вечерній, ясный блескъ планетъ.

Одни оттѣнки насъ плѣняютъ,
Не краски: цвѣтъ ихъ слишкомъ строгъ!
Ахъ, лишь оттѣнки сочетаютъ
Мечту съ мечтой, и съ флейтой рогъ.

Страшисъ насмѣшекъ, смертныхъ фурий,
И слишкомъ остроумныхъ словъ,
(Отъ нихъ слеза въ глазахъ Лазури!)
И всѣхъ приправъ плохихъ столовъ!

Риторикѣ сломай ты шею!
Не очень риѳмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведетъ, скажи!

О, кто расскажетъ риѳмы лживость?
Кто, пьяный негръ, иль кто, глухой,
Намъ далъ грошевую красотость
Игрушки хриплой и пустой!

О музыкѣ всегда и снова!
Стихи крылатые твои
Пусть ищутъ, за чертой земного,
Иныхъ небесъ, иной любви!

Пусть въ часъ, когда все небо хмуро,
Твой стихъ несется вдоль полянъ,
И мятою и тминомъ пьянъ...
Все прочее—литература!

5.

И С Т О М А .

Посв. Жоржу Куртелину.

Я—одряхлѣвшій Римъ, на рубежѣ паденья.
Смотрю, какъ варваровъ стремится рать впередъ,
А самъ безпечныя пишу стихотворенья,
Гдѣ въ стилѣ золотомъ истома солнца жжетъ.

Но одинокій духъ сгораетъ отъ томленья...
Тамъ гдѣ-то, говорятъ, кровавый бой идетъ...
О! ничего не мочь, въ отвѣтъ на всѣ моленья!
О! ничего не ждать, что скрасить этотъ гнетъ!

Увы! не мочи! не ждать! быть умереть не въ силахъ!
Все выпито! Баюль, не смѣйся надо мной!
Все выпито. И что сказать въ стихахъ унылыхъ?

Ахъ, лишь послѣдній рабъ, всегда насмѣшникъ злой,
Ахъ, лишь наивный гимнъ, что надо бросить въ пламя,
Да грусть, что надъ душой свое воздвигло знамя!

6.

ГОСТИННИЦА.

Подъ кровлей красною гостинница! отрада
Для всѣхъ, кто долго шелъ по пыли въ знойный день:
Гостинница „Восторгъ“; изъ ближнихъ деревень
Вино, и мягкій хлѣбъ, и паспорта не надо!

Здѣсь курятъ, здѣсь поютъ, здѣсь можно ночевать.
Хозяинъ—старыхъ дней солдатъ; но молодая
Хозяйка про любовь болтаетъ, поспѣвая
Пятокъ своихъ ребятъ поить, кормить, чесать.

Со стѣнъ бревенчатыхъ „Малекъ Адель“ и „Маги“
Привѣтствуютъ гостей, исполнены отваги,
И въ комнатѣ стоитъ пріятный запахъ шей.

Чу! слышишь мѣрный шумъ? то голосомъ гудящимъ
Завторилъ котелокъ съ плиты—часамъ хрипящимъ...
Въ открытое окно глядитъ просторъ полей.

НЕДАВНО.

1.

ПРОЛОГЪ.

Все это—сумрака созданья,
Видѣнья ночи предъ концомъ.
О Истина, твое сіянье
Лишь первымъ свѣтитъ имъ лучомъ!

Въ нихъ все такъ блѣдно, все такъ хило,
Что взорамъ кажется скорѣй:
Ихъ не луна ли сотворила
Подъ зыбкимъ ужасомъ вѣтвей.

Иль эти сумрачныя тѣни,
Вдругъ обликъ воспріавъ живой,
Смѣшаются съ семьей твореній
На свѣтлой сценѣ міровой,

И будутъ громко славить Бога
Въ напѣвахъ чистыхъ и простыхъ,
Подъ яркимъ солнцемъ, до порога
Небесъ нетлѣнно-голубыхъ!

2.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

Посв. гр. Вилье де Лиль-Аданъ.

Въ роскошномъ замкѣ, въ древней Экбатанѣ,
Гдѣ золото блестѣло изъ шелковъ,
Подъ музыку, въ дыму благоуханій,
Справлялся праздникъ въ честь Семи Грѣховъ.

Желанья, какъ огни, горѣли въ залахъ,
Надъ сонмомъ демоновъ и ихъ подругъ;
И Аппетиты, въ блещущихъ кристаллахъ,
Носили вина, вмѣсто быстрыхъ слугъ.

Подъ сладостный напѣвъ эпиталамы,
Неспѣшно плыли танцы безъ конца,
И съ голосомъ мужчинъ сливали дамы
Звонящій хоръ, врачующій сердца.

И, уклонясь отъ губельной заразы,
Добро во мглѣ роняло капли слезъ,
И ночь подъ нимъ разсыпала алмазы,
И лугъ кругомъ струилъ дыханье розъ.

Прекраснѣйшій изъ демоновъ—веселья
Какъ будто не искалъ. Въ живомъ вѣнцѣ,
И руки сжавъ на яркомъ ожерельѣ,
Мечтаетъ онъ. Унынье на лицѣ.

Шестнадцать лѣтъ ему едва ли.
Напрасно праздникъ шуменъ вокругъ него,
Напрасно, братья, ободряя, звали,
И сестры ждали друга своего.

Онъ головой качалъ на ихъ призывы,
И черной бабочкой къ его челу,
Гдѣ жемчугъ оплеталъ стеблей извивы,
Приникла грусть и отгѣнила мглу.

Онъ имъ сказалъ: „Мнѣ надо быть въ покоѣ!“
Поцѣловалъ ихъ, нѣжно трепеща,
И ускользнулъ, какъ облако ночное,
Въ рукахъ у нихъ оставивъ часть плаща.

Вотъ онъ на башнѣ, выше всѣхъ стоящей,
(Изъ мрамора изваянный герой!)
Онъ поднялъ факель, радостно горящій,
И снизу сходенъ съ раннею зарей.

Что голосомъ и нѣжнымъ и глубокимъ,
Съ которымъ такъ согласна тишина,
Онъ говоритъ въ просторѣ одинокомъ,
И отъ чего безумна такъ луна?

— „Я буду тѣмъ, кѣмъ Богъ когда-то будетъ!
Устали мы въ борьбѣ добра и зла!
Пускай же вѣчность этотъ споръ забудеть:
Вражда людей и демоновъ—прошла!

О, вы всѣ, грѣшники, и вы, святые!
Зачѣмъ намъ длить упорный этотъ бой?
О, почему не слить намъ роковыя
Усилья—въ добродѣтели одной?

Борьбы довольно, слишкомъ, слишкомъ равной!
Отвѣтите всѣ на мой немудрый зовъ,
Пора соединить любовью явной
Три добродѣтели и семь грѣховъ!

Въ отвѣтъ Христу, кто тѣло на-смерть бросить
И утвердить сей поединокъ вновь
Во мнѣ здѣсь Адъ возмездіе приносить:
Прими мой даръ, всемірная Любовь!“

И факель выпалъ изъ руки незримой,
И взвылъ пожаръ, рванувшись изъ границъ.
Великій бой, гдѣ въ черныхъ клубахъ дыма
Мяутся легіоны красныхъ птицъ.

Потокомъ медленнымъ струится золото,
Трещать громады мраморныхъ опоръ,
И вспыхиваетъ черный шелкъ, какъ вата,—
Сверкающій и пышашій костеръ!

И демоны, въ огнѣ жестокомъ, пѣли,
Величіе мгновенья оцѣня,
И съ голосомъ мужчинъ опять звенѣли
Напѣвы женъ—надъ бѣшенствомъ огня.

А въ вышинѣ, надъ этой шумной битвой,
Горящій взоръ вперяя въ небеса,
Онъ говорилъ чуть слышно родъ молитвы,
Но голось покрывали голоса.

Онъ родъ молитвы говорилъ чуть слышно,
Вперяя въ небеса горящій взоръ...
Въ послѣдній разъ рванулось пламя пышно,
И, все покрывъ, рассыпался костеръ.

Но кто-то Сильный, вѣчно Справедливый
Не принялъ жертвы въ этотъ часъ ночной.
Онъ разгадалъ, что отреченья лживы,
Онъ понялъ гордость въ хитрости земной.

И нѣтъ слѣдовъ отъ замка въ Экбатанѣ,
Нѣтъ тѣни прошлаго на мѣстѣ томъ,
Чтобъ посреди таинственныхъ преданій
И это стало только смутнымъ сномъ.

И снова ночь, вся въ звѣздахъ, голубая,
И Виелеемская равнина спить,
Сурово грустная, спокойная, святая...
Но каждый листъ отъ радости дрожить.

Бѣгутъ ручьи беззвучно по камнямъ,
Тяжелыхъ совъ чуть слышна череда,
И все полно и тайной и молениемъ;
Порой плеснувшая сверкнетъ вода.

Вдали по склону тѣни такъ несмѣлы,
Какъ вздохъ любви, какъ дѣтская свирѣль,
Изъ выбоинъ туманъ восходитъ бѣлый,
Какъ будто ищетъ неземную цѣль.

Во всемъ одна душа, одна тревога,
Одна любовь:—устами безъ числа
Весь мѣръ поетъ, зоветъ и славить Бога,
Кто милосердъ и охранитъ отъ зла.

ИЗЪ КНИГИ

AMOUR

(ЛЮБОВЬ)

(1888 г.)

ЛЮБОВЬ.

1.

П И С А Н О В Ъ 1875 г.

Посв. Эдмонду Лепеллетье.

Мнѣ не забыть, какъ жилъ я въ лучшемъ изъ дворцовъ,
Въ плѣнительной странѣ потоковъ и холмовъ;
Онъ съ четырехъ сторонъ былъ башнями украшенъ,
И жилъ я много дней въ одной изъ этихъ башень.
Снаружи сложенъ былъ дворецъ изъ кирпича,
И ало онъ горѣлъ подъ ласкою луча,
Но известъ (бѣлая, какъ первый свѣтъ восхода)
Внутри смягчала видъ и стѣнъ и арки входа.
О утро нашихъ глаза! душѣ живой привѣтъ!
О пробужденъе чувствъ усталыхъ! бѣлый цвѣтъ!
Ты—слава старости! ты—гордость вѣтокъ майскихъ!
Ты—цвѣтъ невинности! ты—цвѣтъ покрововъ райскихъ!
Межъ лѣстницъ вьющихся, и мѣдныхъ и стальныхъ,
Съ убогой роскошью, ужъ стершейся на нихъ,
Тотъ сине-бѣлый цвѣтъ, любовный, умиленный,
И черной полосой отъ пола отдѣленный,—
Весь день мой наполнялъ молчаньемъ, чистотой,
Чтобъ ночь шептала сны о тверди голубой!

Дверь подъ замкомъ всегда, столъ, стулъ и небольшая
Кровать, гдѣ можно спать, весь мѣръ позабывая,

Достаточно свѣтло, достаточный просторъ:
 Вотъ много мѣсяцевъ, что зналъ мой скорбный взоръ.
 Но эта комната во вѣкъ не услышала бѣ
 На дни и на затворъ моихъ унылыхъ жалобъ!
 Напротивъ, вновь теперъ мѣръ видя предъ собой,
 Жалѣю горько я два года въ башнѣ той!
 То былъ желанный мѣръ, мѣръ подлинный, высокій,
 Та жесткая кровать, тотъ стулъ мой одинокій!
 Я сознавалъ вполнѣ, что здѣсь я—самъ съ собой,
 И полюбилъ я лучъ, ослабленный, нѣмой,
 Входившій медленно, какъ другъ, товарищъ давній,
 И замѣнявшій мнѣ сіяніе сквозь ставни.
 На что намъ радостей унынье и тщета,
 Когда лобзало насъ страданіе въ уста!
 (О, много цѣннаго въ себѣ таитъ страданье!)
 И почему мы такъ страшимся наказанья
 Быть въ одиночествѣ, быть безъ другихъ? Ужель
 Общеніе людей столь дорогая цѣль?
 Я счастливъ въ башнѣ былъ, хотъ былъ для всѣхъ бѣднягой,
 И никого мое не соблазняло благо!
 (О, счастье чувствовать, что ты бѣднѣй другихъ,
 Что зависти къ себѣ не возбуждаешь въ нихъ!)

Дни одиночества дѣлилъ я равномерно
 Между молитвою и книгами. Навѣрно
 Святые жили такъ! Я чувствовалъ вполнѣ,
 Что неба уголокъ доступенъ сталъ и мнѣ!
 Я не былъ болѣе въ толпѣ, въ людскомъ порокѣ,
 Гдѣ даромъ тратишь пыль, гдѣ, какъ голышъ въ потокѣ,
 Невольно катишься! Я былъ среди сердець,
 Покорныхъ, что въ тиши къ Себѣ зоветъ Отець.
 Я духомъ возросталъ, былъ добрымъ, скромнымъ, вѣрнымъ,

Все выше восходилъ усилиемъ размѣрнымъ:
Такъ зрѣютъ на поляхъ съ неспѣшностью хлѣба.
И тихо обо мнѣ заботилась Судьба.
Два раза или три на дню служитель строгій
Безмолвно приносилъ воды, обѣдъ убогій
И ужинъ. Было вокругъ все тихо. Лишь часовъ
Быль слышенъ издали широкой, звучный зовъ.
Я жилъ свободой тамъ, единственной, не мнимой!
Я жилъ съ достоинствомъ, ото всего хранимый!

Приютъ, который я, чуть бросивъ, пожалѣлъ!
Дворецъ магическій, въ тебѣ мой духъ созрѣлъ!
Въ тебѣ утихъ порывъ моихъ страстей безумныхъ,
Вращавшихся въ душѣ въ какихъ-то буряхъ шумныхъ!
Дворецъ, алѣющій, подъ яркимъ солнцемъ, днемъ,
И, бѣлый, дремлющій въ безмолвіи ночномъ!
Какъ добраго плода, еще твой вкусъ мнѣ сладокъ,
И утоляетъ жаръ случайныхъ лихорадокъ!
О будь благословенъ! ты далъ мнѣ новыхъ силъ,
Ты Вѣрой съ Кротостью меня вооружилъ,
Ты далъ мнѣ хлѣбъ и соль, и плащъ—на путь пустынный,
Такой томительный, и, безъ сомнѣнья, длинный!

Стиквей. (Англія).

2.

ОТРЫВОКЪ.

Посв. Ж.-К. Гюисмансу.

Такъ просто, какъ въ огонь льютъ нарды дорогіе,
И какъ за родину мы проливаемъ кровь,
Хотѣлъ бы я излить всю душу, всю любовь
Въ одинъ прекрасный гимнъ, въ тропарь Святой Маріи!

Но—бѣдный грѣшникъ я! и грубый голосъ мой
Межъ ясныхъ голосовъ мѣшалъ бы, слишкомъ странный!
Виномъ земной лозы еще позорно пьяный,
Онъ могъ бы оскорбить слухъ чуткій и святой...

Нѣтъ! будь душой—какъ ключъ нагорный; какъ эмблему,
Дитя, одѣтое въ ленъ легкій, избери;
Ягненку, въ кроткій взоръ, безъ трепета смотри;
Невинности прими безъ страха діадему;—

Тогда посмѣй взнестись въ восторженной хвалѣ
Къ Маріи Матери, къ Маріи непорочной,
Витающей межъ силъ, во области заочной,
Ногами чистыми стоящей на землѣ!.....

3.

НА СМЕРТЬ ЛЮСЕНА ЛЕТИНУА.

И думаль я, идя за траурнымъ кортежомъ:

„Такъ. Богъ тебя призвалъ, когда невиннымъ, свѣжимъ,
И радующимъ взоръ ты въ жизни былъ цвѣткомъ!
Позднѣ женщина взяла бъ тебя. Съ огнемъ
Въ душѣ страдающей, ты къ ней бы устремился,
И горько бы въ ея объятяхъ жадныхъ бился...
Но скоро бъ испыталъ ты благородный страхъ,
И вновь вернулся бы, съ молитвой на устахъ,
Ты къ Добродѣтели и къ Простотѣ; ты снова
Расцвѣлъ бы лиліей, что подъ грозой суровой
Страстей склонилась ницъ, но поднялась опять,
Чтобъ тише, чтобъ свѣтлѣй, чтобъ радостнѣй сіять
Во славу Вѣчнаго...“

Такъ думаль я, и было
Такъ странно—это все мнѣ думать надъ могилой!

4.

ЛЮДОВИКУ II БАВАРСКОМУ.

Король! единственный король въ сей вѣкъ неправый!
Ты умерь съ гордостью, чтобъ разуму отмстить
За все: за темный клубъ политики лукавой,
За знанье, что пришло въ насъ вѣру погубить!

Да, вѣру погубить! и наши пѣснопѣнья,
И вѣчный голосъ музъ, любимый міромъ встарь!
Ты съ гордой простотой за все нашель отмщенье...
Король, привѣтъ тебѣ! о, bravo, государь!

Ты былъ поэтъ, солдатъ, и истинный король
(Какихъ, въ нашъ вѣкъ толпы, мы знаемъ такъ немного!)
И былъ ты мученикъ за вѣру и за Бога!

Мнѣ твой апоѳеозъ возславить здѣсь позволь!
И да влекутъ твой духъ въ страну святой разлуки
Напѣвовъ Вагнера торжественные звуки!

5.

НА СМЕРТЬ ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНЪ.

И ты отъ насъ ушелъ, какъ солнце сходить въ море
За тяжкой завѣсой пурпуровыхъ огней,
Уставъ одно сѣять въ торжественномъ уборѣ
И надъ нѣмой землей и надъ тоской тѣней.

Да, ты отъ насъ ушелъ, спокойный, примиренный.
Ты зналъ, что въ небесахъ найдешь отчизну вновь:
Для сердца чистаго тамъ праздникъ просвѣтленный,
Тамъ пламенной любви отвѣтствуетъ Любовь!

Мы медлимъ, о тебѣ храня воспоминанье
Здѣсь, на землѣ, въ мечтахъ, нѣмѣющихъ давно.
Какъ сладостный елей для нашихъ душъ оно!

Вилье де Лиль-Аданъ! Мы жаждемъ дня свиданья!
Когда безсмертный свѣтъ зальетъ земную тьму,
Мы воспоемъ хвалу величью твоему!

6.

КЪ СЫНУ.

(Жоржу Верлэну).

Я книгу шлю тебѣ, какъ нѣкогда Овидій
Свои стихи—въ далекій Римъ.
Онъ изгнанъ былъ... а я—томлюсь въ иной обидѣ:
Я съ сыномъ разлученъ моимъ.

Увижу ль я тебя? Какимъ? —Мнѣ неизвѣстно...
Но мой завѣтъ произнеси:
Вѣрь въ Бога, никого не ненавидь, и честно
Ты имя честное носи!

ИЗЪ КНИГИ
PARALLÈLEMENT,
(ПАРАЛЛЕЛЬНО)
(1889 г.)

ПАРАЛЛЕЛЬНО.

1.

НА ТЕРРАСЪ.

Онѣ смотрѣли въ даль, гдѣ ласточки мелькали.
Сливался косъ агать съ кудрями цвѣта льна.
Одна была ала, другая вся блѣдна;
И кружевъ облака ихъ змѣйно оплетали.

Луна всходила въ высь, прозрачна и кругла,
Клонились станы ихъ, какъ стебли асфоделей;
И сладостной тоской влюбленности пьянѣли
Онѣ; и ихъ печаль, какъ ночь, была свѣтла!

.
.
.

.
.
.

2.

САФО.

Съ глазами впавшими и съ поднятою грудью,
Желаніемъ своимъ измучена, она
Волчицей дикою блуждаетъ по безлюдью.

Въ ея мечтахъ Фаонъ. Давно не зная сна,
Напрасно исходя мольбами и слезами,
Она рветъ волосы роскошные клоками.

Ей помнится пора цвѣтушая, когда,
Прославлена мольбой, она свои напѣвы
Слагала въ честь подругъ, чиста и молода,
И пѣснямъ сладостнымъ, стыдась, внимали дѣвы.

И вотъ, закрывъ глаза, на голосъ Мойры, вдругъ
Въ глубь волнь бросается, не въ силахъ снести измѣны.
И море черное горитъ, въ лучахъ Селены,
Богини дѣвственной, что мститъ ей за подругъ.

3.

НА СТАТУЮ ГАНИМЕДА

въ Aix-le-Bains.

Какъ, здѣсь, гдѣ я живу въ усладѣ,
Забывъ тревоги прошлыхъ лѣтъ,
Ты вновь, и спереди и сзади,
Прелестный мальчикъ, Ганимедъ!

Орель, какъ будто бы влюбленный,
Тебя схватилъ среди цвѣтовъ
И вносить, мощно окрыленный,
Къ веселой трапезѣ боговъ.

Туда, за этихъ горъ вершины,
За этотъ сумрачный Реваръ,
На насъ бросая взоръ орлиный,
А на тебя—взоръ, полный чаръ.

О, мальчикъ мой, останься съ нами!
Я такъ, тебя увидя, радъ!
Насъ поцѣлуй, утѣшь словами,
Вѣдь ты—вѣдь ты нашъ младшій братъ!

4.

ПЬЕРРО.

Не Пьерро, въ травѣ зеленой,
Не Пьерро, въ поля влюбленный,
Но Пьерро, Пьерро, Пьерро!
Онъ—мальчишка, парень смѣлый,
Безъ скорлупки плодъ незрѣлый,
Вотъ Пьерро, Пьерро, Пьерро!

Ростомъ онъ не выше метра,
Въ головѣ—гулянье вѣтра,
Но въ глазахъ сверкаетъ сталь!
Какъ на мѣстѣ искра эта
У проказника поэта,
Что не знаетъ про печаль!

Губы—алыя, какъ рана,
Гдѣ развратъ усѣлся рано,
Зубы—бѣлые зубцы;
И лица овалъ античный,
Блѣдный, тонкій и привычный
Созерцать, смѣясь, концы...

Тѣло хило, но не тонко;
Голосъ,—какъ у дѣвы, звонкій;
Тѣло мальчика, а смѣхъ
Головной, какъ ножъ тревожить!
Существо, что сразу можетъ
Опьянить желанья всѣхъ!

Милый братъ, товарищъ старый!
Будь чертенкомъ, дѣлай чары
И въ Парижѣ, и въ мечтахъ,
И въ странѣ, намъ неизвѣстной!
Низкій, гордый, злобный, честный,
Будь душою въ нашихъ снахъ!

Вырастай—на диво міру,
Грусть богатую кубируй,
Утroyай веселость ты!
Искаженья и прикраса,
Символь вѣрный и гримаса
Нашей новой простоты!

ИЗЪ КНИГИ

BONHEUR

(СЧАСТІЕ)

(1891 г.)

Ego postquam te emi a parvulo ut semper tibi
Apud me justa et clemens fuerit servitus,
Scis: feci ex servo ut esses libertus mihi
Propterea quod serviebas liberaliter,
Quod habui summum pretium persolvi tibi.

Terentius.

СЧАСТІЕ.

1.

О будь изъ бронзы! будь изъ мрамора! но все же
Изъ плоти будь!—Цѣни свой гордый духъ дороже
Въ борьбѣ съ случайностью всеневныхъ перемѣнъ,
Чѣмъ волосъ бороды, чѣмъ кровь безсонныхъ венъ;
Но все жъ живи!—живи для мукъ и искупленья!

Покаявшись, опять бросайся въ изступленья

Страстей, и свой стаканъ испей, испей до дна!

Живи въ прискорбный вѣкъ, когда твоя страна,

Когда вся Франція отвергла помощь вѣры...

(За родину свою считай инья сферы,

Гдѣ ждетъ тебя Отецъ божественный—Господь!)

Но все жъ изъ плоти будь! Люби земную плоть,

Которой и Христось себя облекъ когда-то!

Въ ней все таинственно, освящено и свято,

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда Учитель, скорбь тая:

„Ядите, произнесъ, сіе есть плоть Моя!“

.

Та тайна велика. Изъ плоти покаянной

Создай оружіе побѣды неустанной

Надъ гордостью, что намъ, чрезъ ту же плоть, порой

Внушаетъ сатана. Ты гордости иной

Ищи: божественной, единственной на свѣтѣ.

Всѣ цѣли прочія—лишь дьявольскія сѣти!
О, да! изъ бронзы будь! на грудь надѣнь доспѣхъ,
Чтобъ храбро отражать насъ стерегущей грѣхъ:
Смиренья, Кротости, Стыда, Молчанья, Бдѣнья.
И будь изъ мрамора! подъ шлемомъ Убѣжденья,
Глядя увѣренно на блещущую высь,—
Съ благоговѣніемъ на паперти склонись!

2.

— Холодно, какъ въ стужу мнѣ!
Больно, больно, какъ въ огнѣ!

Ноютъ кости, стонетъ тѣло,
Сердце, сердце онѣмѣло!

Брошень я среди снѣговъ,
Какъ добыча для волковъ!

Жгутъ лицо, и грудь, и руки
Торжествующія муки!

Слава гдѣ? гдѣ жизнь моя?
Не въ чистилищѣ ли я?

Или въ безднѣ преисподней,
Гдѣ затмился ликъ Господній?

— „Можетъ, горекъ жребій твой,
Но его хотѣлъ Другой,

Нѣкто Правый, нѣкто Сильный...
Что предъ нимъ твой духъ безсильный?

Ты упалъ въ пучину золь,
Но тебя сюда привель

Тотъ, Чья воля—благо людямъ...
Мы ли съ нею спорить будемъ?

Униженія твои—
Знакъ Божественной любви!

Если, въ скорби неизмѣнной,
Ты чуждаешься вселенной,

Это—съ неба на тебя
Смотрить чей-то взоръ, любя.

Кто твои враги ночные?
Это—ангелы святые;

Ихъ угрозы и ихъ гнѣвъ—
То любви небесной сѣвъ!

Полюби свои распятья;
Это—отчія .объятья!

Язвы тѣла поцѣлуй,
Ницъ пади и возликуй!

Пусть ты въ мукахъ изнемогъ,—
Въ нихъ тебѣ предстанеть—Богъ!

3.

Того, что я писалъ, назадъ я не беру,
Все это думалъ я и было правдой это,
И сохраню я все до дня, когда умру,
Былымъ, нетронутымъ, въ волненьяхъ новыхъ свѣта,

Въ упорной ярости и въ гордости нѣмой!
И, какъ выходитъ сталь изъ сплава рудъ и шлака,
Я выйду, наконецъ, изъ горестнаго мрака,
Я выйду, закаленъ и горемъ и борьбой!

Я выйду—для любви, вполне простой и нѣжной,
Въ которой бы душа таилась безмятежно...
Прочь все „парижское“, и грязь его и гнеть!

Да здравствуетъ нашъ вкусъ французскій! вкусъ Гаскони,
Шампани, Артуа, Аргонны и Бургони,
И сердце,—чертъ возьми!—что сердцу вѣсть даетъ!

4.

Равнину мнѣ рисуютъ грезы,
И посреди большой соборъ.
Рѣка, притокъ какой-то Мезы,
Стремится къ морю, на просторъ.

И чуешь дали Океана,
Вдыхая водорослей іодъ,
И крестъ, блестящій изъ тумана,
Межъ башенъ высокò встаетъ.

Колокола на колокольнѣ
Поютъ напѣвы серебра,
И все скорѣе, все безвольнѣй
Крутятся съ вѣтромъ флюгера.

Процессіи, свѣтло и мѣрно,
Идутъ—изъ юношей и дѣвъ,
Живыя четки, шелкъ и перлы!
Звучитъ молитвенный напѣвъ.

И это все—не сонъ, не бдѣнье,
Не рай, и не земная твердь:
Все то—мое міровозрѣнье,
Моя, въ обличьи миломъ, смерть!

ИЗЪ КНИГИ

CHANSONS POUR ELLE

(ПЪСНИ КЪ 'НЕЙ')

(1891 г.)

ПОСВЯЩЕНО ШАРЛЮ Б

ПѢСНИ КЪ НЕЙ.

1.

Ты не совсѣмъ вѣрна, быть можетъ.
Но я—не очень я ревнивъ.
Намъ это жить вдвоемъ поможетъ:
Счастлива ты—и я счастливъ!

Люби, и славь любовь, кто живъ!

Тебѣ извѣстны и знакомы,
На радость опытныхъ людей,
Такіе хитрые приемы,
Что не придумаешь милѣй!

Дари ихъ прихоти моей!

Я знаю: шутятъ зло иные...
Тебѣ ужъ не шестнадцать лѣтъ...
Но эти плечи наливныя
И твой наполненный корсетъ...

О! О! У дѣвушекъ ихъ нѣтъ!

„Эге!—смѣются злые люди,—
Давно у васъ остыла кровь!“
Но лишь твои увижу груди,
И мой чередъ смѣяться вновь.

Люби, кто живъ, и славь любовь!

2.

Дни осени настали,
Зѣвая, приказали
Про лѣто позабыть.
Дрожь осени такъ кстати
Насъ кутаегъ въ кровати.—
Что жь! въ ней и будемъ жить!

Мнѣ ненавистно лѣто!
Несносно слышать это:
„Какъ жарко! будемъ спать!“
Такъ глупо тратить миги,
Быть скучными, какъ книги!
Вотъ осень, и кровать.

Одинъ въ другомъ, забудемъ
Весь міръ! Какъ угли, будемъ
Другъ друга жечь, колоть!
Да будетъ наше знамя:
Стать яростнѣй, чѣмъ пламя,
Стать пламеннѣй, чѣмъ плоть!

3.

Пропаль бы я безсонной ночью,
Когда бъ не ты со мной воочью
Всѣмъ тѣломъ молодымъ была!
И не, привыкшія къ лобзаньямъ,
Къ притворно хитрымъ восклицаньямъ,
Твои уста—источникъ зла!

Уста, которыя такъ лживы,
Но такъ привѣтливо болтливы,
И о любви твердятъ порой
Мнѣ съ откровенностью великой!
Уста, что словно земляника
Въ поляхъ созрѣвшая весной!

И не пентакль твоихъ желаній,
Не чудеса очарованій,
Многообразныхъ и простыхъ,
Двухъ глазъ твоихъ, двухъ глазъ колдуньи,
То чаровницы, то вѣщуньи...
Богъ мой! пропаль бы я безъ нихъ!

ИЗЪ КНИГИ

LITURGIES INTIMES

(ЗАДУШЕВНЫЯ ОБЪДНИ)

(1892 г.)

ЗАДУШЕВНЫЯ ОБЪДНИ.

1.

ASPERGES ME.

Иссопа ломкій стебель, сжимаемый Творцомъ,
Мнѣ даровавшимъ жизнь, и милость, и прощенье,
Я, если мой порывъ чистъ предъ Его лицомъ,
Другому указать могу пути спасенья!

И, какъ язычникъ могъ, при крайности крестить,
Такъ, недостойный, я, когда, молясь смиренно,
Стремится кто-нибудь томленья облегчить,
Могу ему открыть глаза на міръ нетлѣнный!

По милосердію, избранному Тобой,
О, сжался, Господи, надъ тьмой моихъ страданій,
И сердце, взросшее межъ тяжкихъ испытаній,
Къ Тебѣ влекомое, какъ рану, успокой!

Дай волю мнѣ—итти впередъ, дорогой длинной,
Исполнить свой обѣтъ,—и, обращая въ храмъ
Всю жизнь, я воспою гимнъ Троицѣ Единой,
Гимнъ Богу, въ небесахъ, недостижимыхъ намъ!

Отцу-Создателю, Чьи помыслы глубоки,
Христу-Спасителю, Кто міру—судія,
Святому Духу, Кѣмъ глаголали пророки,
Я, въ комъ кипитъ вся кровь, ничтожный грѣшникъ, я,

Сжимаемый Творцомъ, я, ломкій стебель иссопа!

2.

ПОСЛѢ ВЕЧЕРНИ.

Покинувши Парижъ, приходишь въ Notre-Dame.
Тамъ шумы улицы слились въ аккордъ чуть слышный,
И солнце яркое въ тѣни нѣмѣетъ тамъ,

Пройдя цвѣтныхъ оконъ узоръ чудесно пышный.
Спокойной тишиной исполненъ этотъ домъ:
Въ немъ явно властвуетъ единый царь—Всевышній.

Вечерни отошли; надъ чернымъ алтаремъ
Лишь шесть мерцаетъ свѣчъ; но вѣетъ ароматомъ,
Гдѣ съ ѳиміамомъ слить воскъ, капавшій дождемъ.

Вотъ прочтены часы; во мракъ синеватомъ,
Какъ добрая гроза, звучитъ суровый хоръ:
И своды древніе отвѣтствуютъ кантатамъ.

И полонъ пѣніемъ весь сумрачный соборъ,
Гдѣ день, ослабленный Святыми, Королями,
Колелетъ въ высотѣ свой тѣневой узоръ.

И все здѣсь говорить о мирѣ, о, словами
Святыми прогнанныхъ, ночныхъ страстяхъ; съ колоннъ
Надежда тянется незрими руками.

О неземной восторгы! сіяетъ свѣтомъ онъ
Сосредоточеннымъ въ лучѣ единой Правды!
Да, безконечно правъ экстазъ твой, Симеонъ!

Такъ предадимъ же духъ мы въ руки Бога Правды!

ИЗЪ КНИГИ

CHAIR

(ПЛОТЬ)

(1896 г.)

ПЛОТЬ.

1.

ПРОЛОГЪ.

Любовь, любовь неутомима!
Какъ дьяволъ,—яростью томима,
Мила,—какъ вздохи херувима!

Любовники неутомимы;
Какъ дьяволы, неумолимы,
Настойчивы, какъ херувимы!

Вокругъ неопытныхъ сердецъ,
Бродя, какъ волкъ вокругъ овецъ,
Они ихъ ловятъ, наконецъ.

Любовникъ—онъ всегда хитрецъ!
Наохлившись, какъ голубь, лжецъ
Умѣетъ положить конецъ!

А всѣ любви метаморфозы!
Уста—гранатъ, ланиты—розы,
Смѣхъ грустный, сладостныя слезы!

И все, о чемъ нѣмѣеть греза!
Цѣль и причина, стихъ и проза!
Стоить пiонъ, раскрыта роза!

2.

П Ъ С Н Я К Ъ Н Е Й .

Мнѣ говорятъ, что ты—блондинка,
И что блондинка—невѣрна,
И добавляютъ: „какъ былинка...“
Но мнѣ такая рѣчь смѣшна!
Твой глазъ—яснѣе, чѣмъ росинка,
До губъ твоихъ—душа жадна!

Мнѣ говорятъ, что ты—брюнетка,
Что взоръ брюнетки—какъ костерь,
И что въ огнѣ его нерѣдко
Сгораеть сердце... Что за вздоръ!
Ты цѣловать умѣешь мѣтко,
И по душѣ мнѣ твой задоръ!

Мнѣ говорятъ: „Не будь съ шатенкой:
Она блѣдна, скучна чуть-чуть...“
Смѣюсь надъ дружеской оцѣнкой!
Дай запахъ косъ твоихъ вдохнуть,
Моя царица,—и колѣнкой
Стань, торжествуя, мнѣ на грудь!

ПРИМЪЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Poèmes Saturniens.

„Poèmes Saturniens“—первая книга Верлена, въ которой онъ гораздо менѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ своихъ другихъ книгахъ. Многія стихотворенія носятъ явные слѣды вліянія тѣхъ поэтовъ, которыми Верленъ тогда увлекался, прежде всего Бодлера, затѣмъ Теофиля Готье, Теодора де Банвиля и др. Самое заглавіе, очевидно, заимствовано изъ стиховъ Бодлера:

Lecteur paisible et boucolique,
Sobre et naïf homme de bien,
Jette ce livre saturnien,
Orgiaque et mélancolique!

или (переводъ П. Якубовича-Мельшина):

Другъ мира, неба и людей,
Восторговъ трезвыхъ и печалей,
Брось эту книгу сатурнальнѣй,
Безчинныхъ оргій и скорбей!

Книга открывается стихами „къ мудрецамъ прежнихъ дней“, которые „не были ниже, чѣмъ современные“ и которые полагали, что родившіеся „подъ знакомъ Сатурна“ обладаютъ безпокойнымъ, но безвольнымъ воображеніемъ, подавляющимъ въ нихъ усилія разсудка, кровью, горящей въ ихъ жилахъ, какъ лава, вѣчно напрасно гонятся за своимъ идеаломъ, встрѣчаютъ много горя въ жизни и т. д. Въ книгѣ, въ противоположность другимъ книгамъ Верлена, не мало стиховъ въ эпическомъ родѣ, въ которыхъ поэтъ скрываетъ личныя переживанія подъ какой-либо маской... Но есть въ ней и совершенно верленовскіе стихи, выражающіе характернѣйшія особен-

ности его поэзии: на первомъ мѣстѣ, конечно, „Осенняя жалоба“, далѣе „Впечатлѣніе ночи“, „Парижское кроки“, „Сентиментальная прогулка“ и т. под. Это уже вполне „импрессионистическая поэзія“, создателемъ которой и былъ Верлэнъ. Всего въ книгѣ 39 стихотвореній; изъ нихъ переведено мною 14.

Книга посвящена Эжену Каррьеру, въ послѣдствіи — великому художнику, написавшему замѣчательный портретъ Верлена.

Резиньяція (стр. 3). Переводъ печатается въ первый разъ. Первый стихъ въ подлинникѣ читается:

Tout enfant, j'allais rêvant Ko-Hinnor.

Такъ какъ Ko-Hinnor поставлено здѣсь, повидимому, съ единственной цѣлью украсить стихъ экзотическимъ названіемъ, къ чему питали слабость всѣ „парнасцы“, то я счелъ себя въ правѣ измѣнить это имя, сохранивъ точно въ переводѣ стихъ, риемующійся съ этимъ:

Héliogabale et Sardanapale!

Много толкованій вызвали два заключительныхъ стиха стихотворенія:

Et je hais toujours la femme jolie,
La rime assonante et l'ami prudent!

Я ихъ понимаю такъ. Поэтъ прежде мечталъ о „великомъ“; жизнь заставила его отказаться отъ надежды видѣть это великое воплощеннымъ въ дѣйствительности; но въ мечтахъ, въ идеалѣ онъ все же не признаетъ ничего половиннаго, „малаго“: онъ ненавидитъ, ему противны — „милый женскій ликъ“, т.-е. красоту, а не красота, „неточныя риѣмы“, т.-е. ассонансы вмѣсто риѣмъ безукоризненныхъ, которыхъ добивались „парнасцы“, и другъ „осторожный“, а не „вѣрный“. Согласно съ этимъ пониманіемъ сдѣланъ и переводъ. Такъ же понимаетъ это мѣсто Е. Аничковъ (см. его статью о Верлэнѣ, въ его книгѣ „Предтечи и предшественники“).

Обътъ (стр. 4). Переводъ сдѣланъ мною въ 1894 году и тогда же былъ напечатанъ въ 1 вып. „Русскихъ символистовъ“ (М. 1894).

Усталость (стр. 5). Переводъ печатается въ первый разъ. Стихотвореніе, какъ предыдущее и слѣдующее, характерно для той поры жизни Верлена, показывая, какъ много было въ его душѣ жажды чистоты, и какъ не легко было ему носить маску „бодлѣризма“, которую онъ на себя надѣвалъ.

Привычная мечта (стр. 6). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ моей книгѣ „Французскіе лирики“.

Парижское кроки (стр. 7). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ моей книгѣ „Tertia Vigilia“ (М. 1900 г.):

Луна вдоль улицъ проводила грани,
 Дѣлясь со мракомъ,
 А клубы дыма, прихотливымъ знакомъ
 Надъ крышей вставъ, терялися въ туманъ.

Унылый вѣтеръ былъ однообразно
 Какъ стонъ фагота.
 Озябшій котъ, мяуча, звалъ кого-то,
 И этотъ голосъ гнался неотвязно.

Я шель. Мечта свободная шептала
 О Марафонъ,
 О Фидии, Периклѣ и Платонъ..
 А пламя газовыхъ рожковъ дрожало.

Настоящій, второй, переводъ печатается въ первый разъ.

Марина (стр. 8). Переводъ печатается въ первый разъ.

Впечатлѣніе ноци (стр. 9). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911 г., № 2).

Закатъ (стр. 10). Впервые переводъ былъ напечатанъ тамъ же.

Сентиментальная прогулка (стр. 11). Переводъ печатается въ первый разъ.

Осенняя пѣсня (стр. 12). Такъ какъ стихотвореніе все построено на ассонансахъ, причемъ особое впечатлѣніе придаютъ носовые звуки, которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ, то переводъ можетъ быть только приблизительный. Предлагаемый переводъ печатается въ первый разъ, но, кромѣ него, мною былъ сдѣланъ цѣлый рядъ (около десяти) попытокъ передать это стихотвореніе на русскомъ языкѣ. Привожу еще одну изъ моихъ попытокъ:

Осени стонъ,
 Какъ похоронъ

Звонъ монотонный,
Тамъ, за окномъ,
Все объ одномъ
Плачется сонно.

Съ боемъ часовъ
Вздогну. То зовъ
Воспоминаній.
Много тѣней
Прожитыхъ дней
Жаждетъ рыданій!

Выйду, брожу,
Въ сумракъ гляжу,
Плачетъ онъ, просить...
Я—одинокъ!
Словно листокъ
Вѣтеръ уносить.

Благословенный часъ (стр. 13). Переводъ печатается въ первый разъ. Въ подлинникѣ стихотвореніе озаглавлено „L'Heure du berger“—пастушій часъ, часъ любовнаго свиданія, благопріятный мигъ.

Женщина и кошка (стр. 14). Переводъ печатается въ первый разъ.

Львица (стр. 15). То же. Въ подлинникѣ стихотвореніе озаглавлено „Une grande dame“.

Георгинъ (стр. 16). Переводъ печатается въ первый разъ.

Fêtes galantes.

„Fêtes galantes“, вторая книга Верлена, создавалась, повидному, подъ двумя вліяніями: извѣстной книги Гонкуровъ, посвященной XVIII вѣку, и открытію въ Луврѣ галереи Лаказа, въ которой собранъ рядъ картинъ французскихъ художниковъ той же эпохи. Стихи Верлена какъ бы перенесли въ міръ поэзіи образы Ватто, Бушэ, Ланкрэ, Наттье, Фрагонара... По цѣльности композиціи—это наиболее законченная книга Верлена. По совершенству исполненія, во

всей французской литературѣ съ „Fêtes galantes“ могутъ равняться развѣ только „Emaux et Camées“ Теофиля Готье (замѣчаніе Шарля Мориса), впрочемъ, совершенно отличныя по духу. Для переводчика эта книга Верлена представляетъ почти неодолимыя трудности изысканностью выраженій, строгостью формъ, изяществомъ стиха. Въ маленькой книгѣ всего 22 стихотворенія; изъ нихъ переведено мною 6.

Книга посвящена Фелисьену Шансору (Champsaur)—поэту-парнасцу.

Сіяніе луны (стр. 19). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Словѣ“ (1907 г., 25 дек.), затѣмъ перепечатанъ въ моей книгѣ „Французскіе лирики“.

Пантомима (стр. 20). Переводъ печатается въ первый разъ.

На травѣ (стр. 21). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Раннемъ Утрѣ“ (1907 г., 29 ноября).

Раковины (стр. 22). Переводъ, сдѣланный мною еще въ 1901 г., здѣсь печатается въ первый разъ.

Въ тиши (стр. 23). Переводъ печатается въ первый разъ. Другой вариантъ того же перевода былъ сдѣланъ мною болѣе короткими стихами (трехстопными ямбами):

Гдѣ сумракъ, словно дымъ,
 Подъ старою сосной,
 Желанья упоимъ
 Глубокой тишиной.
 И души и сердца,
 И буйство нашихъ сновъ
 Наполнимъ до конца
 Сномъ сосенъ и дубовъ.
 Смежи глаза въ тѣни.
 И, руки на груди
 Сложивъ, все отгони,
 Что звало впереди.
 Пусть нѣжно убѣдитъ
 Насъ вѣтеръ, что порой,
 Играя, шелеститъ
 Поблекшею травой.
 Когда жъ съ дубовъ нѣмыхъ
 Ночь строго упадетъ,
 Напѣвъ скорбей земныхъ
 Намъ соловей споетъ..

Сентиментальный разговор (стр. 25). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ программѣ „Вечеровъ современной музыки“ (1910 г., 6 апрѣля), гдѣ перепечатаны и нѣкоторые другіе мои переводы изъ Верлена.

Въ гротѣ. Переводъ этого стихотворенія, въ которомъ Верленъ пытался подражать манерѣ поэтовъ XVIII вѣка, мнѣ не удался, и я считаю возможнымъ дать ему мѣсто только въ этихъ примѣчаніяхъ:

ВЪ ГРОТѢ.

Ахъ! мнѣ погибнуть неизбежно!
 Моей печали гдѣ граница?
 И лютая Гирканская тигрица,
 Въ сравненіи съ вами, агнецъ нѣжный!

Да, здѣсь, въ отмщеніе Клименѣ,
 Мой мечъ, не вѣдающій равныхъ,
 Сразившій столько Кировъ, Сципіоновъ славныхъ,
 Меня избавить отъ мученій!

И даже мнѣ меча не надо,
 Чтобъ снизойти къ брегамъ Коцита!
 Стрѣлю развѣ сердце не пробито,
 Стрѣлю пламеннаго взгляда?

Цитера. Переводъ этого стихотворенія, крайне неточный, былъ мною напечатанъ въ I вып. „Русскихъ символистовъ“ (М. 1894 г.); я не нахожу возможнымъ перепечатать его здѣсь.

La Bonne Chanson.

„La Bonne Chanson“, какъ мы имѣли случай упоминать, составлена изъ стихотвореній, написанныхъ Верленомъ въ ту пору, когда онъ, сравнительно долгое время, былъ женихомъ Матильды Мотэ, ставшей его женой. Книга вся наполнена обѣтами, которые поэтъ даетъ себѣ и своей невѣстѣ,—начать новую жизнь, „итти въ жизни кротко, прямымъ путемъ“. Иныя стихотворенія этой книжки должны

мы назвать слишкомъ „прѣсными“, но есть въ ней и перлы Верленовской лирики, прежде всего строфы: „И мѣсяцъ бѣлый...“ Въ книгѣ 21 стихотвореніе; изъ нихъ переведено мною 6. Впослѣдствіи, въ „Исповѣди“ Верленъ напечаталъ еще нѣсколько стихотвореній, относящихся къ той же порѣ и пополняющихъ книгу, но они не вносятъ ничего новаго ни въ его поэзію, ни въ его славу.

А хъ! пока звѣзда денницы (стр. 29). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Листкѣ“ (1903 г., 5 янв.), затѣмъ перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“.

И мѣсяцъ бѣлый (стр. 31). Этотъ переводъ впервые былъ напечатанъ также въ „Русскомъ Листкѣ“ (въ томъ же №) и также перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“. Раньше мною былъ сдѣланъ другой переводъ этого стихотворенія, напечатанный во II вып. „Русскихъ символистовъ“ (М. 1894 г.):

Луной прозрачной
Лѣсъ озарень.
Отъ каждой вѣтки
Исходитъ стонъ,
Чуть долетая.

О дорогая!

Зеркальной гладью
Недвиженъ прудъ;
Ивъ силуэты
Не шелохнуть
Его водою.

Мечтай со мною!

Глубоко-нѣжны
О счастья сны
Какъ будто сходятъ
Изъ вышины,
Гдѣ міръ сіянья!

Вотъ часъ мечтанья!

Онъ лампы свѣтлый кругъ (стр. 33). Переводъ печатается въ первый разъ. Говоря объ „отсрочкахъ“, и „тихомъ ходѣ“

недѣль*, Верленъ имѣетъ въ виду обстоятельства, замедлявшія его свадьбу съ Матильдой Мотэ.

Гуль полныхъ кабаковъ (стр. 34). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911 г., № 2). Вариантъ стиховъ 6—9:

...рабочій, утомленный,
И полицейскому пускающій свой дымъ
Изъ трубки въ носъ; капель; невѣрный по сырымъ
Каменьямъ шагъ...

Въ послѣднемъ стихѣ (10-мъ) Верленъ имѣетъ въ виду свою ежедневную дорогу со службы (онъ служилъ въ городской думѣ) въ домъ къ невѣстѣ.

Такъ это будетъ... (стр. 35). Переводъ, сдѣланный мною еще въ 1899 г., печатается здѣсь въ первый разъ.

Одинъ дорогою проклятой (стр. 36). Переводъ печатается въ первый разъ.

Romances sans paroles.

„Romances sans paroles“—самая извѣстная изъ книгъ Верлена. Въ ней уже въ полной мѣрѣ сказывается оригинальность Верлена. Едва ли не каждое стихотвореніе этой маленькой книжки можно назвать перломъ французской лирики. „Истинное чудо по выраженію ощущеній и соотношеній, абсолютное мастерство въ невѣрныхъ ритмахъ—вотъ что составляетъ два главныхъ достоинства этой книги“, говоритъ Шарль Морисъ. Онъ же добавляетъ: „Просмотрѣть книгу недолго: она коротка; читать ее долго: она велика. Слова въ ней—фразы, строки—страницы“. Содержаніе книги образуютъ картины путешествій Верлена по Англии и Бельгіи, сцены его жизни съ Римбо, воспоминанія о жизни съ женой. Импрессионизмъ въ поэзи здѣсь достигаетъ своего высшаго развитія. Въ книгѣ четыре отдѣла: „Забытыя арійки“, „Бельгійскіе пейзажи“, „Птицы въ ночи“ (связная поэма, въ рядѣ стихотвореній, передающая воспоминанія о жизни съ женой и разрывѣ съ ней) и „Акварели“. Всего въ ней 22 стихотворенія (считая поэму „Птицы въ ночи“ за одно); изъ нихъ переведено 14.

Это—экстазъ утомленности (стр. 39). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ сборникъ моихъ переводовъ изъ Верлена, изданномъ подъ заглавіемъ „Романсы безъ

словъ“ (М. 1894 г.). (См. объ этой книгѣ въ предисловіи „Отъ переводчика“). Настоящій, второй, переводъ печатается въ первый разъ.

Угадать я стараюсь въ роптаньи. Вторая изъ „Забытыхъ аріекъ“ принадлежитъ къ числу музыкальнѣйшихъ созданій Верлена. Шарль Морисъ называетъ ее „стихами очаровательными, единственными, не допускающими никакого комментарія, который былъ бы бесполезенъ для поэтовъ и еще болѣе для не-поэтовъ, все равно не способныхъ понять эти стихи Верлена“. Не будучи вполнѣ удовлетворенъ своимъ переводомъ этихъ трехъ строфъ (впервые напечатанномъ въ сборникъ „Романсы безъ словъ“) я даю ему мѣсто только въ этихъ примѣчаніяхъ:

* * *

Угадать я стараюсь въ роптаньи
Лики тонкіе зововъ печальныхъ,
И въ мерцаньи огней музыкальныхъ
Ликъ Любви—словно Рай въ обѣщаньи!

И душа и мечта въ опьяненьи—
Только взоръ, неподвижный и странный,
Гдѣ дрожать, какъ сквозь облакъ туманный,
Всѣ нагѣвы и всѣ пѣснопѣнья.

Умереть бы, безъ думы, безъ цѣли!
И, бывшее смѣшавъ съ настоящимъ,
О дитя, позабыть о грозящемъ!
Умереть бы подъ эти качели!

Небо надъ городомъ плачетъ (стр. 41). Переводъ впервые былъ напечатанъ въ I вып. „Русскихъ символистовъ“ (М. 1894 г.) и перепечатанъ въ сборникъ „Романсы безъ словъ“.

Цѣлуетъ клавиши прелестная рука (стр. 42). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ сборникъ „Романсы безъ словъ“, но здѣсь перепечатывается со значительными исправленіями.

Печаль, печаль въ душѣ моей... Седьмая изъ „Забытыхъ аріекъ“ также заслуживаетъ величайшаго вниманія. Не будучи удовлетворенъ своимъ переводомъ этихъ съ виду простыхъ, безъискусственныхъ двустишіи, все очарованіе которыхъ таится въ му-

зыкѣ звуковъ (напечатанному впервые въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“), я даю ему мѣсто только въ этихъ примѣчаніяхъ:

* * *

Печаль, печаль въ душѣ моей,—
О ней, о ней, всегда о ней!

Я утѣшенья не обрѣлъ,
Хотя ушелъ, давно ушелъ,

Хотя и сердцемъ и душой
Разстался съ женщиною той.

Я утѣшенья не обрѣлъ,
Хотя ушелъ, давно ушелъ!

И сердце чуткое мое
Твердить: „Что значить это все?

Была ль возможна, ахъ, была ль
Разлуки гордость и печаль?“

Ему душа въ отвѣтъ твердить:
„Я знаю, что намъ Рокъ сулить:

Быть тамъ, откуда мы ушли,
Быть съ ней, хоть отъ нея вдали!“

Тянется безмѣрно... (стр. 43). Это стихотвореніе было переведено мною нѣсколько разъ. Мой первый переводъ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Другой переводъ былъ напечатанъ въ „Словѣ“ (1906 г., 13 марта) и перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“. Привожу его здѣсь:

По тоскѣ безмѣрной,
По равнинѣ снѣжной,

Что блеситъ невѣрно,
Какъ песокъ прибрежный?

Нѣтъ на тверди мѣдной
Ни мерцанья свѣта.
Мѣсяць глянулъ гдѣ-то
И исчезъ безслѣдно.

Какъ сквозь дымъ летучій,
На краю равнины
Видятся вершины
Бора, словно тучи.

Нѣтъ на тверди мѣдной
Ни мерцанья свѣта.
Мѣсяць глянулъ гдѣ-то
И исчезъ безслѣдно.

Чу! кричатъ вороны!
Воетъ волкъ голодный,
Здѣсь, въ степи холодной,
Властелинъ законный!

По тоскѣ безмѣрной,
По равнинѣ снѣжной,
Что блеситъ невѣрно,
Какъ песокъ прибрежный?

Настоящій, третій, переводъ печатается въ первый разъ:

Деревьевъ тѣнь въ водѣ (стр. 45). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Характеренъ эпиграфъ, какъ этого, такъ и другихъ стихотвореній „Романсовъ безъ словъ“. Всѣ они заимствованы изъ книгъ забытыхъ, почти не читавшихся въ ту эпоху, когда вышла книга Верлена, но съ тѣхъ поръ вновь обратившихъ на себя общее вниманіе. Въ подлинникѣ подъ стихотвореніемъ стоитъ дата, относящаяся, вѣроятно, ко всѣмъ „Забытымъ арійкамъ“: „Май—іюнь, 1872.“

Валькуръ (стр. 46). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Насто-

ящій, второй, переводъ впервые былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911 г., № 2). Въ подлинникѣ подъ стихотвореніемъ дата: „Іюль, 1873.“

Шарлеруа (стр. 47). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“, но здѣсь перепечатывается со значительными исправленіями.

Брюссель (стр. 49). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Настоящій, второй, переводъ впервые былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911 г., № 2).

Нѣтъ конца аллеѣ. 2-й отрывокъ, посвященный Брюсселю, принадлежитъ къ числу изящнѣйшихъ созданій Верлана. Не будучи вполне удовлетворенъ своимъ переводомъ этого стихотворенія (впервые напечатанномъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“) даю ему мѣсто только въ этихъ примѣчаніяхъ:

БРЮССЕЛЬ.

2.

Нѣтъ конца аллеѣ.
Небеса блѣднѣе,
Чѣмъ могли бы быть.
Знаешь ли, что было бѣ
Въ этой тѣни мило
Цѣлый міръ забыть!

Вотъ аллеей этой,
Хорошо одѣты,
Старики идутъ,
Съ мудрецами схожи..
Какъ желалъ бы тоже
Быть я съ ними тутъ!

Сзади—замокъ бѣлый.
Къ каменному тѣлу
Солнце ярко льнетъ.
Дальше—лугъ и поле...

Вѣрю, здѣсь на волѣ
Наше счастье ждетъ!

Вотъ ранніе плоды... (стр. 50). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Англійское заглавіе этого стихотворенія, какъ и слѣдующихъ, указываетъ на вліяніе Англии, въ которой Верленъ жилъ въ эпоху созданія этой своей книги.

Сплинъ (стр. 51). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Настоящій, второй, переводъ впервые былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911 г., № 2).

Улицы I (стр. 52). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“. Настоящій, второй, переводъ печатается въ первый разъ.

Улицы II (стр. 54). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“.

Жена-ребенокъ (стр. 55). То же.

Сіянiе (стр. 57). То же.

Другіе переводы, напечатанные въ сборникѣ „Романсы безъ словъ“, я не считаю возможнымъ перепечатать здѣсь.

S a g e s s e .

„Sagesse“—самая замѣчательная, самая оригинальная, самая самостоятельная изъ книгъ Верлена. „Если забыть „Les Exilés“ Теодора де-Банвиля, то безъ колебанія можно сказать, что „Sagesse“—лучшая книга стиховъ послѣ „Les Fleurs du Mal“, говоритъ Шарль Морисъ. И мы даже не знаемъ, нужно ли къ этой характеристикѣ добавить слова „во Франціи“. „Sagesse“ создаетъ какъ бы новый, во всякомъ случаѣ основательно, въ теченіе вѣковъ, забытый, родъ литературы: съ нею воскресаетъ къ истинному, художественному бытію религіозная поэзія, бывшая въ параличѣ съ эпохи Возрожденія. Книга раздѣлена на три части. Первая содержитъ тѣ стихи, въ которыхъ новыя убѣжденія поэта выразились полно и опредѣленно. Вторая—четыре гимна, непосредственно обращенныхъ къ Богу-Отцу, къ Христу-Спасителю, къ Богородице. Среди этихъ гимновъ есть замѣчательный мистическій діалогъ, въ рядѣ совершенныхъ сонетовъ.

товъ, между Богомъ и грѣшникомъ: къ сожалѣнію, я не сумѣлъ (и отчасти не посмѣлъ) передать его на русскомъ языкѣ. Третья часть книги содержитъ стихи, написанные, повидимому, до полного обращенія, въ которыхъ новыя настроенія еще перемѣшаны со старыми. Всего въ книгѣ 48 стихотвореній (считая мистическій діалогъ за одно); изъ нихъ переведено мною 18. Посвященіе „памяти моей матери“ появилось лишь во второмъ изданіи (1888 г.).

Въ отдѣльныхъ изданіяхъ книги было предисловіе Верлена, почему-то пропущенное „Полнымъ собраніемъ“. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ этого предисловія:

„Авторъ этой книги не всегда думалъ такъ, какъ теперь. Онъ долго блуждалъ среди заблужденій современности, участвуя въ ея ошибкахъ и невѣдѣніи. Вполнѣ заслуженныя страданія обратили его къ Богу, и Богъ даровалъ ему милость понять это предостереженіе... Сознаніе своей слабости и воспоминанія о его паденіяхъ руководили авторомъ при созданіи этого труда, являющагося первымъ публичнымъ исповѣданіемъ вѣры послѣ долгаго литературнаго молчанія... Въ ранней молодости, десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, авторъ напечаталъ книги стиховъ скептическихъ и прискорбно легкомысленныхъ. Онъ смѣетъ рассчитывать, что это обстоятельство не оскорбитъ никакимъ диссонансомъ слухъ католическаго читателя: то было бы для него лучшей славой, какъ и остается его самымъ гордымъ упованіемъ.“

(Парижъ, 30 іюля, 1880).

Мнѣ встрѣтился рыцарь Несчастья е... (стр. 62). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русскомъ Листкѣ“ (1903 г., 9 марта), затѣмъ перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“. Размѣръ въ переводѣ измѣненъ (въ подлинникѣ—александрійскіе стихи). Последній стихъ, имѣющій большое значеніе для пониманія настроеній Верлена, въ подлинникѣ читается:

„Au moins, prudence! Car c'est bon pour une fois.“

Я не нашелъ лучшаго перевода для слова „prudence“ (бдительность, осторожность), какъ „повинуйся!“ и мнѣ кажется, что это восклицаніе вѣрно характеризуетъ состояніе души Верлена въ началѣ его обращенія. Во всякомъ случаѣ ничто не мѣшало мнѣ дать переводъ буквальный:

„Мой первый завѣтъ: осторожности! что дальше,
узнаешь потомъ.“

Но я боялся такимъ образомъ, ради буквальности, утратить истинный смыслъ.

Что скажешь, путникъ, ты... (стр. 63). Переводъ печатается въ первый разъ.

Обманчивые дни... (стр. 67). То же.

Жизнь скромная... (стр. 68). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Раннемъ Утрѣ“ (1907 г., 25 дек.) и перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“.

О, мудрость Луи Расина... Два сонета первой части книги (IX и X), очень важные для характеристики Верлена, перевести мнѣ не удалось. Въ первомъ Верленъ говоритъ о „мудрости Луи Расина“ (Л. Расинъ—религіозный поэтъ XVIII вѣка). Верленъ съ восторгомъ мечтаетъ въ этихъ стихахъ о томъ вѣкѣ, когда Мэntenонъ на всю Францію „бросала нѣжную тѣнь и миръ своего льняного чепца“, когда „поэтъ и докторъ, просто, сердечно причащались съ ревностью новообращенныхъ“, „смирненно служили обѣдню и пѣли на службахъ“. Но во второмъ сонетѣ Верленъ самъ возражаетъ себѣ: „Нѣтъ! Этотъ вѣкъ былъ вѣкъ галликанскій и янсенистскій!“ И душа поэта плыветъ „къ Среднимъ Вѣкамъ, безмѣрнымъ и утонченнымъ“, прочь отъ нашихъ дней „плотскаго разума и горестной плоти“. Такъ осудилъ Верленъ свое увлеченіе вѣкомъ пудренныхъ маркизъ, которому посвятилъ свою изумительную книгу „Изысканныя празднества“.

Прислушайтесь къ пѣсенкѣ нѣжной... (стр. 69). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Новой Землѣ“ (1911, № 5).

О Гордость! (стр. 71). Переводъ печатается въ первый разъ.

Врагъ принимаетъ обликъ скуки... (стр. 73). То же.

Духъ древности... (стр. 74). То же.

О Боже, Ты меня любовью ранилъ (стр. 77). То же.

Надежда чуть блеститъ... (стр. 80). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Бесѣдѣ“ (1905 г., мартъ). Я принимаю то толкованіе этого стихотворенія, которое было дано Теодоромъ де Визеа. Согласно съ нимъ, слова стихотворенія произносятся женщиной, въ какомъ-то загородномъ кабачкѣ. Солома, шмель, камень, лугъ, все это—для меня реальные предметы обстановки, а не иносказанія, не символы только душевныхъ переживаній (какъ это предполагаетъ, напр., Е. Аничковъ).

Гаспаръ Гаузеръ поетъ (стр. 81). Переводъ печатается въ первый разъ. Гаспаръ Гаузеръ — таинственное лицо, сильно интриговавшее умы въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ. Въ 1828 г. въ Нюренбергѣ, появился юноша, лѣтъ 16, едва умѣвшій говорить, стоящій на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, одѣтый очень плохо. По его объясненіямъ, съ дѣтства его держали взаперти, и родителей своихъ онъ не зналъ. Въ немъ приняли участіе, онъ оказался любознательнымъ и способнымъ, обладающимъ большимъ природнымъ умомъ. Ему дали нѣкоторое образованіе, но онъ глубоко тосковалъ отъ той тайны, которой была окружена его жизнь. Въ 1829 г. неизвѣстные сдѣлали покушеніе на его жизнь, а въ 1833, заманивъ въ паркъ, подъ предлогомъ—открыть его происхожденіе, убили. Есть нѣсколько монографій, посвященныхъ Гаузеру.

Огромный, черный сонъ... (стр. 82). Переводъ печатается въ первый разъ.

Небосводъ надъ этою крышей... (стр. 83). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ въ „Южномъ Обозрѣніи“ (1899 г., № 818):

Небо надъ этою крышей
 Такъ свѣтло, такъ нѣжно,
 Вѣтви надъ этою крышей
 Дрожатъ безмятежно.

Колоколь въ небѣ далекомъ
 Рыдаетъ такъ нѣжно.
 Птичка на дубѣ высокомъ
 Поетъ безмятежно.

Боже! все свѣтло и нѣжно,
 Лишь издалека
 Слышится ропотъ мятежный...
 Онъ издалека.

— Ты, что здѣсь плачешь мятежно,
 Что же ты сдѣлалъ,
 Съ юностью свѣтлой и нѣжной
 О, что ты сдѣлалъ!

Настоящій, второй, переводъ былъ впервые напечатанъ въ „Словѣ“ (1906 г., 22 мая) и перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“.

Законы, числа, краски, ароматы... (стр. 84). Переводъ печатается въ первый разъ.

Охотничій рожокъ... (стр. 85). Переводъ впервые былъ напечатанъ въ „Раннемъ Утрѣ“ (1907 г., 25 дек.) и перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“.

О, человѣчества безмѣрность! (стр. 86). Переводъ печатается въ первый разъ.

Прекраснѣе море... (стр. 87). Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Женскомъ Дѣлѣ“ (1911 г. 15 февр).

То — празднество хлѣбовъ... (стр. 89). Переводъ печатается въ первый разъ. Стихотвореніе написано въ эпоху, когда Верленъ въ первый разъ предался занятіямъ земледѣліемъ (см. біографическій очеркъ).

Мистическій діалогъ. Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о „Мистическомъ діалогѣ“, одномъ изъ центральнѣйшихъ произведеній Верлена, приводимъ изъ него нѣсколько отрывковъ, въ переводѣ прозой:

„Мой Богъ сказалъ мнѣ: „Сынъ Мой, должно любить Меня. Ты видишь Мое ребро пронзенное, Мое сердце, излучающее свѣтъ и сочащееся кровью, и Мои израненныя ноги, которыя Магдалина омываетъ слезами, и Мои руки, страждущія подъ тяжестью твоихъ грѣховъ, Мои страждущія руки! Ты видишь Крестъ, ты видишь гвозди, укусы, губку, и все это учить тебя — любить, въ семь мірѣ, гдѣ царить плоть, лишь Мое Тѣло, Мою Кровь, Мое Слово, Мой Голосъ. Я Самъ не любилъ ли тебя до смерти, тебя, о Мой братъ въ Отцѣ, Мой сынъ въ Духѣ! Не страдалъ ли Я, какъ о томъ писано? Не изнемогалъ ли Я въ смертельной скорби? Не отеръ ли Я потъ твоихъ ночей, о бѣдный другъ, взыскующій, гдѣ Я?“

Я отвѣтилъ: „Господи, Ты высказалъ всю мою душу! Воистину я ищу Тебя и не нахожу Тебя. Но какъ мнѣ любить Тебя! Ты видишь, какъ я низокъ, Ты, коего любовь вѣчно восходитъ въ высь, какъ пламя. Любить Тебя, источникъ мира, который ищетъ каждый жаждущій, увы! Преклони взоръ на горестную мою борьбу! Осмѣлюсь ли обожать слѣды ногъ Твоихъ, стоя на колѣняхъ, окровавленныхъ на пути, которымъ я ползъ постыдно? И все же я ищу Тебя, неустанно простирая руки, жажду, чтобы хотя тѣнь Твоя покрыла мой стыдъ, но у Тебя нѣтъ тѣни, потому что любовь Твоя вѣчно восходитъ, о

тихий источникъ для всѣхъ, кромѣ возлюбившихъ свое осужденіе, и потому что Ты весь — Сіяніе, для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, кому тяжкій поцѣлуй замкнулъ рѣсеницы вѣкъ!“

— „Должно любить Меня! Я—всемірный поцѣлуй, и тѣ рѣсеницы и тѣ губы, о которыхъ ты говоришь, о немощный бѣднякъ, и Я огненная дрожь, которая тебя зыблетъ, все это — Я. Должно смѣть любить Меня! Да, Моя любовь восходитъ въ высь, туда, куда не можетъ взобраться твоя любовь, подобная бѣдной козочкѣ, и Моя любовь вознесетъ тебя, какъ зайца орелъ, къ пахучимъ травамъ горныхъ вершинъ, орошеннымъ росой съ неба... Люби Меня!“

— „О, Господи! это слишкомъ! Воистину я не смѣю. Любить, кого? Тебя! О нѣтъ. Я трепещу и я не смѣю. Тебя любить, я не смѣю, я не хочу! Я недостойнъ. Тебя, безмѣрную Розу въ чистомъ вѣтрѣ Любви, Тебя, сердца всѣхъ святыхъ, Тебя, Кто былъ ревнителемъ Израиля, Тебя, непорочную пчелу, приникающую лишь къ полураскрытому цвѣтку невинности. Чтобы я, я, посмѣлъ любить Тебя! Это—безуміе!“

Послѣднее выраженіе, которое въ подлинникѣ еще сильнѣй, заимствовано Верланомъ изъ блаженнаго Августина. Діалогъ продолжается въ такомъ же духѣ, все возрастая по силѣ выраженій. Въ католическихъ молитвословіяхъ Верланъ нашелъ богатый выборъ смѣлыхъ образовъ и неожиданныхъ сравненій, которыми и воспользовался съ пламенностью поэта и съ осторожностью художника... Наконецъ, грѣшникъ, уступая страшному Голосу, уже не знаетъ, что съ нимъ. „О, Господи,—воскликаетъ онъ,—что со мной? Вотъ я весь въ слезахъ отъ несказанной радости. Я плачу, я смѣюсь, и это какъ призывъ военнаго рога на сраженіе, гдѣ я вижу на щитахъ сонмъ голубыхъ и бѣлыхъ ангеловъ... Восторгъ и ужасъ испытываю, при мысли, что я избранъ. Я недостойнъ, но знаю Твое милосердіе... Я исполненъ смиренной молитвы, тогда какъ великое смятеніе зыблетъ надежды, пробужденныя во мнѣ Твоимъ призывомъ, и, трепеща, я устремляюсь...“ И Голосъ отвѣчаетъ: „Бѣдная душа, это—именно то!“

Jadis et Nagueère.

„Jadis et Nagueère“, среди всѣхъ другихъ книгъ Верлана, отличается нѣкоторой нестройностью построенія и смѣшанностью содержанія. Въ то время, какъ остальные сборники стиховъ Верлана (кромѣ самаго перваго) объединяють произведенія болѣе или менѣе одно-

родныя по духу и написанныя сравнительно въ короткій промежуткъ времени, въ сборникѣ „Когда-то и Недавно“, какъ показываетъ его заглавіе, соединены стихотворенія разныхъ періодовъ и весьма различныя по настроеніямъ. Послѣ нѣкотораго успѣха, какой имѣла книга Верлена „Отверженные поэты“, послѣ того, какъ къ нему явно обратилось вниманіе молодыхъ поэтовъ, Верленъ, нашедшій, наконецъ, „своего“ издателя, Леона Ванье, успѣшилъ выпустить новый сборникъ стиховъ. Кромѣ небольшого числа стихотвореній, написанныхъ вновь, Верленъ включилъ въ него большую часть того, что по разнымъ причинамъ осталось у него не напечатаннымъ въ предыдущихъ книгахъ. Книга раздѣляется на два большихъ отдѣла: „Когда-то“ и „Недавно“. Первый изъ нихъ подраздѣляется еще на слѣдующіе: „Сонеты и другіе стихи“ (собраніе самыхъ разнообразныхъ стихотвореній, написанныхъ въ весьма различныхъ „манерахъ“, куда входитъ и „Искусство поэзіи“, — попытка Верлена осмыслить свое творчество), „Юношескія стихотворенія“ (изъ которыхъ многія были написаны еще на школьной скамьѣ), „Въ манерѣ нѣкоторыхъ“ (стихи, написанные въ бельгійской тюрьмѣ, откуда они и были посланы авторомъ Эдмонду Лепеллетье) и драматическая пьеса въ стихахъ „Одни и другіе“ (вышедшая также отдѣльнымъ изданіемъ, — одна изъ двухъ попытокъ Верлена писать въ драматической формѣ: вторая — написанная въ прозѣ одноактная пьеска „Госпожа Обанъ“). Въ отдѣлѣ „Недавно“, вслѣдъ за „Прологомъ“ слѣдуютъ пять лирическихъ поэмъ — единственные произведенія Верлена въ этомъ родѣ. Несмотря на пестроту своего содержанія, „Когда-то и Недавно“ — одна изъ интереснѣйшихъ книгъ Верлена, и въ ней много такихъ опытовъ, къ которымъ онъ не возвращался болѣе никогда. „Въ этой книгѣ, — говоритъ Эдмондъ Лепеллетье, — звенятъ, дрожатъ, ропщутъ, вздыхаютъ, лепечутъ и поютъ всѣ семь струнъ лиры“. Всего въ книгѣ 41 стихотвореніе (не считая драмы); изъ нихъ переведено мною 8.

Прологъ. Отдѣлъ „Когда-то“ также открывается „Прологомъ“, не переведеннымъ мною. Верленъ говоритъ въ немъ своимъ прежнимъ стихамъ:

Въ дорогу, жалкая толпа,
Впередъ, потерянные дѣти!

Калейдоскопъ (стр. 93). Изъ отдѣла „Сонеты и другія стихотворенія“. Переводъ печатается въ первый разъ. Жерманъ Нуво—

талантливый поэтъ, одинъ изъ наиболѣе близкихъ и наиболѣе вѣрныхъ друзей Верлена.

Хромой сонетъ (стр. 95). Изъ того же отдѣла. Переводъ печатается въ первый разъ. Судя по содержанію, сонетъ былъ написанъ въ Лондонѣ, вѣроятно, во время вторичнаго пребыванія въ немъ Верлена. Э. Делаэ— другъ Верлена и Артюра Римбо, профессоръ въ колледжѣ, въ Ретелѣ, авторъ книги о Римбо.

Аллегорія (стр. 96). Изъ того же отдѣла. Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Женскомъ Дѣлѣ“ (1911 г., 15 февр.). Судя по манерѣ, сонетъ относится къ раннимъ произведеніямъ Верлена, когда онъ былъ подъ вліяніемъ Парнаса. Жюль Валадонъ — художникъ, написавшій, между прочимъ, портретъ Верлена.

Искусство поэзіи (стр. 97). Изъ того же отдѣла. Первая строфа могла быть переведена только приблизительно. Въ подлинникѣ читаемъ:

De la musique avant toute chose,
Et pour cela préfère l'impair
Plus vague et plus soluble dans l'air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Упомянутое о „нечетѣ“ имѣетъ смѣль только для французскихъ стиховъ и было бы совершенно неумѣстно по-русски, по отношенію къ нашему стихосложенію; поэтому въ переводѣ пришлось всей строфѣ придать характеръ болѣе общій. Варіантъ 5-й строфы (болѣе точный переводъ):

Страшисъ убійственныхъ ироній
И слишкомъ остроумныхъ строкъ,
Чтобъ слезъ на чистомъ небосклонѣ
Не вызвалъ этотъ злой чеснокъ.

Послѣдній стихъ „Искусства поэзіи“ сталъ какъ бы пословицей, поэтому я счелъ нужнымъ передать его какъ можно точнѣе:

Et tout le reste est littérature.

Переводъ печатается въ первый разъ. Шарль Морисъ, сначала бывшій литературнымъ противникомъ Верлена, ближе ознакомившись

съ его стихами, сдѣлался однимъ изъ его самыхъ ревностныхъ почитателей. Морису принадлежитъ первая серьезная книга о Верленѣ, не потерявшая своего значенія и до нашего времени (см. „Библиографію“). Позднѣе Шарль Морисъ, выдающійся и вліятельный писатель, въ своихъ статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ, не разъ возвращался къ объясненію поэзіи Верлена.

И с т о м а (стр. 99). Изъ отдѣла „Въ манерѣ нѣкогорыхъ“. Переводъ печатается въ первый разъ. Можно предположить, что подъ „одряхлѣвшимъ Римомъ“ Верленъ подразумѣвалъ самого себя, сознавая паденіе своего дарованія. Въ воспоминаніяхъ Адольфа Реттэ рассказывается, какъ эта мысль тяготила послѣдніе годы Верлена. Жоржъ Куртелинь, если не ошибаемся,—писатель.

Г о с т и н н и ц а (стр. 100). Изъ отдѣла „Сонеты и другія стихотворенія“. Въ стихотвореніи чувствуется вліяніе стиховъ Артюра Римбо. Впервые переводъ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ (1911, № 2).

П р о л о г ъ (стр. 101). Переводъ печатается въ первый разъ.

П р е с т у п л е н і е л ю б в и (стр. 102). Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стихотвореніе озаглавлено по-латыни: „Crimen amoris“. Это, безспорно, лучшая изъ пяти поэмъ Верлена, собранныхъ въ отдѣлѣ „Недавно“, и самъ Верленъ выбралъ ее для сборника своихъ избранныхъ стихотвореній („Choix de Poésies“, о которомъ см. въ „Библиографіи“). Переводъ, исполненный мною въ 1900 г., и нѣсколько разъ читанный мною на публичныхъ вечерахъ, печатается здѣсь въ первый разъ. Вилье де Лиль-Аданъ былъ еще живъ, когда Верленъ посвятилъ ему эту поэму (объ отношеніи Верлена къ Вилье см. дальше).

А м о у р.

„Amour“, вторая книга „католическихъ“ стиховъ Верлена, отличается гораздо меньшимъ одушевленіемъ, нежели „Sagesse“, и преобладаніемъ риторики и богословія надъ поэзіей. Но въ книгѣ есть нѣсколько прекрасныхъ пьесъ и нѣсколько стихотвореній, очень важныхъ для пониманія жизни и души Верлена. Самъ Верленъ говорилъ объ этой книгѣ въ одномъ письмѣ: „Это въ католическомъ духѣ, не клерикальномъ, но вполне правовѣрномъ“. Значительную часть книги составляетъ отдѣлъ „Люсиенъ Летинуа“,—стихи, посвященные этому юношѣ, съ которымъ Верленъ былъ связанъ такой

нѣжной любовью и который неожиданно скончался, въ ранней молодости (см. „Біографическій очеркъ“). Затѣмъ въ книгу вошелъ рядъ „посвященій“, стихотвореній, написанныхъ какъ къ лицамъ, Верлэну лично близкимъ (Шарлю де Сиври, Фернанду Ланглуа, Леону Валаду, Эрнесту Делаэ, Эмилю Блемону, Шарлю Морису, Морису де Плесси, сыну и др.), такъ и нѣкоторымъ выдающимся современникамъ (Людовику II Баварскому, Виктору Гюго). Всего въ книгѣ 64 стихотворенія; изъ нихъ переведено мною 6.

Писано въ 1875 году (стр. 109). Стихотвореніе нѣсколько растянутое, но чрезвычайно важное въ біографическомъ отношеніи. Всѣ критики Верлэна обращаютъ величайшее вниманіе на этотъ его восторженный гимнъ тюрьмѣ. Въ переводѣ часть стихотворенія, отъ словъ „Дни одиночества...“ кончая словами „ото всего хранимый“, сокращена. Переводъ печатается въ первый разъ. Стихотвореніе посвящено Эдмонду Лепеллетье — вѣрному другу Верлэна, едва ли не единственному, не покинувшему бѣднаго поэта во дни его заключенія въ бельгійской тюрьмѣ; Лепеллетье посвящено много другихъ стихотвореній Верлэна и цѣлая книга „Записки вдовца“.

Отрывокъ (стр. 112). Въ подлинникѣ стихотвореніе озаглавлено „Сказка“ („Un conte“). Оно довольно длинно, и Верлэнъ рассказываетъ въ немъ исторію своего обращенія къ Богу, не щадя красокъ для изображенія глубины своего паденія. „Это былъ, — говоритъ онъ о себѣ, — любовникъ въ полномъ смыслѣ слова, извѣдавшій всѣ формы плоти, постыдной и дѣвственной. Это былъ атеистъ, это былъ человѣкъ грубый, уличный пьяница; пустой парижанинъ, изъ племени театровъ, тротуаровъ, дыма и сточныхъ трубъ. Но, повидимому, гдѣ-то въ потаенномъ и укромномъ уголкѣ его сердца сохранилъ онъ какъ бы воспоминаніе о томъ, что и онъ былъ ребенкомъ, однимъ изъ тѣхъ, кого такъ любилъ Христосъ. И не сохранилъ ли онъ (и, поистинѣ, это болѣе правда, чѣмъ правдоподобно) въ святилищѣ своей души Твое имя, о Марія Дѣва, и Твое пречистое именованіе, подобно дурному іерею, который все же продолжалъ бы украшать свой храмъ!“ — Переводъ отрывка печатается въ первый разъ. Въ эпоху, когда было написано это стихотвореніе, Ж.-К. Гюисмансъ, которому оно посвящено, уже обратился также, переживъ послѣдовательно увлеченія натурализмомъ, „декадентскими“ идеями и мистикой, — къ религіи.

Люсіену Летинуа (стр. 113). Всего въ книгѣ Люсіену Летинуа посвящено 25 стихотвореній. Большая часть, повидимому, написана уже послѣ смерти юноши. Верлэнъ рисуетъ, въ своихъ стихахъ,

его портреты, рассказываетъ подробности ихъ совмѣстной жизни, горько жалуется на судьбу, отнявшую у него сына. Вообще въ стихахъ чувствуется скорѣе отношеніе отца къ сыну, чѣмъ друга къ другу. Переводъ печатается въ первый разъ.

Людовику II Баварскому (стр. 114). Стихотвореніе, говоря строго, не входитъ въ книгу „Amour“, но появилось въ сборникѣ „Dédicases“ (вышедшемъ въ томъ же 1889 г.), гдѣ собранъ длинный рядъ такихъ „посвященій“, — стихотвореній, обращенныхъ Верленомъ къ различнымъ лицамъ (Ст. Маллармэ, Фр. Коппэ, Ж. Морэасу, Ж.-К. Гюисмансу, Лорану Тайаду, Морису Бушору, Шарлю Морису, Ж. Ришпену, Арт. Римбо, Э. Лепеллетье и мн. др., всего болѣе ста посвященій). Такъ какъ, однако, въ сборникѣ „Amour“ тоже есть рядъ посвященій, и стихи къ Вилье де Лиль-Аданъ были написаны въ ту же эпоху, мы нашли возможнымъ дать ихъ вмѣстѣ со стихами „Любви“. Людовикъ II Баварскій (1845—1886) извѣстенъ своей страстной любовью къ искусствамъ. Когда позднѣе обнаружилось психическое разстройство Людовика, онъ былъ отстраненъ отъ трона и кончилъ жизнь самоубійствомъ, бросившись въ озеро. Переводъ печатается въ первый разъ.

Вилье де Лиль Аданъ (стр. 115). Переводъ печатается въ первый разъ. Верленъ очень высоко цѣнилъ дарованіе Вилье де Лиль Аданъ, одного изъ величайшихъ писателей XIX вѣка, посвятилъ ему восторженную статью въ своихъ „Отверженныхъ поэтахъ“ и другую въ серіи „Герои дня“. Вилье де Лиль Аданъ скончался 19 августа 1889 г.

Къ сыну (стр. 116). Послѣ развода Верлена, его сынъ остался у матери. Позднѣе г-жа Верленъ вторично вышла замужъ и имѣла другихъ дѣтей. Жоржъ Верленъ получилъ недостаточное образованіе, одно время поступилъ въ мастерскую часовщика, затѣмъ на службу парижскаго метрополитэна (подземной желѣзной дороги), гдѣ остается и понынѣ. Послѣ разлуки, ни сынъ, ни отецъ не встрѣчались болѣе никогда. Достигнувъ болѣе зрѣлаго возраста, Жоржъ Верленъ, юноша кроткій и меланхолическій, живо заинтересовался отцомъ, писалъ ему. Лишь неожиданная смерть Верлена не позволила имъ сблизиться. Жоржъ Верленъ не могъ, по болѣзни, даже присутствовать на похоронахъ отца. Переводъ стихотворенія печатается въ первый разъ.

Parallèlement.

„Parallèlement“, какъ на то указываетъ самое заглавіе, книга „грѣховныхъ“ стиховъ, написанныхъ „параллельно“ со стихами, въ которыхъ Верлэнъ выражаетъ свои чувства вѣрующаго и добраго католика. Въ критической статьѣ о самомъ себѣ (въ книгѣ „Отверженные поэты“, гдѣ Верлэнъ разбираетъ себя подъ псевдонимомъ „Бѣдный Леліанъ“) есть такія строки: „Его творчество раздѣляется съ 1880 года на двѣ вполнѣ обособленныя части. Проспекты его будущихъ книгъ показываютъ, что у него есть твердое рѣшеніе продолжать эту систему и издавать, если не одновременно, то параллельно сочиненія, совершенно различныя по духу, говоря точнѣе: книги, въ которыхъ развиваетъ свою логику и свои доказательства, свои обольщенія и свои угрозы — католицизмъ, и книги, чисто свѣтскія, полныя гордости жизни и чувственности съ горькой ироніей. Но куда же дѣнется тогда, спросятъ меня, единство господствующей идеи? Но оно остается! Оно есть и въ обще-человѣческомъ смыслѣ и въ смыслѣ католическомъ, что въ нашихъ глазахъ одно и то же. Я вѣрую и я грѣшу, мыслью и дѣломъ; я вѣрую и я раскаиваюсь въ ожиданіи лучшаго. Или иначе: я вѣрую и въ этотъ мигъ я—добрый христіанинъ; я вѣрую и я—дурной христіанинъ минутой спустя.“ Надо, впрочемъ, замѣтить, что такая двойственность не составляетъ чего-либо новаго въ творествѣ Верлэна „съ 1880 года“, — она существовала у него и раньше. Такъ, вслѣдъ за „добрыми намѣреніями“ „Милой пѣсенки“ слѣдовали „Романы безъ словъ“, гдѣ безспорно торжествовалъ „грѣхъ“ во всей его соблазнительности. Въ сборникѣ „Параллельно“ помѣщены самыя „рискованныя“ изъ стихотвореній Верлэна, если не считать тѣхъ его книгъ, которыя были изданы лишь неофициально и образуютъ его „Эротическую трилогію“ (см. объ ней дальше). Сапфическая любовь, любовь продажная, любовь въ духѣ Платона—вотъ темы большинства стихотвореній книги. Одна баллада посвящена маркизу де Саду. Но въ книгѣ много прекрасныхъ стиховъ, и большинство написано очень тонко, съ острой ироніей. По словамъ Лепеллетье, значительная часть ихъ создавалась еще въ бельгійской тюрьмѣ, и первоначально Верлэнъ хотѣлъ напечатать ихъ въ перемежку со стихами, составившими книгу „Мудрость“, въ одной книгѣ. Сборникъ, въ его нынѣшнемъ видѣ, образуютъ нѣсколько отдѣловъ. Послѣ двухъ вступительныхъ стихотвореній слѣдуетъ отдѣлъ „Подруги“, далѣе

„Дѣвки“, еще далѣе стихи, иронически озаглавленные „Référéncé ragler“, наконецъ, „Луны“ и нѣсколько стихотвореній безъ общаго заглавія. Къ сожалѣнію, нѣкоторые мои переводы изъ этой книги не могли быть напечатаны ни въ текстъ, ни въ примѣчаніяхъ. Всего въ книгѣ 45 стихотвореній; изъ нихъ переведено мною для этого изданія 4.

На террасѣ (стр. 119). Изъ отдѣла „Подруги“. Какъ переводъ этого стихотворенія, такъ и всѣхъ другихъ изъ этой книги, печатается въ первый разъ.

Сафо (стр. 120). Изъ того же отдѣла.

На статую Ганимѣда (стр. 121). Изъ послѣдняго отдѣла.

Пьерро (стр. 122). Изъ послѣдняго отдѣла. Въ подлинникѣ стихотвореніе озаглавлено „Pierrot gamin“. Полагаютъ, что подъ Пьерро Верленъ разумѣлъ Артюра Римбо. Согласно съ этимъ, сдѣланъ и переводъ. „Въ странѣ намъ неизвѣстной“, дѣйствительно, былъ Римбо въ ту пору, когда писались эти стихи. (О Римбо подробнѣе см. въ біографическомъ очеркѣ).

Въ манерѣ Поля Верлена. Изъ другихъ стихотвореній книги приводимъ здѣсь, въ прозаическомъ переводѣ, одно стихотвореніе, важное для пониманія отношеній Верлена къ своей поэзіи.

ВЪ МАНЕРѢ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА.

Это свѣтъ луны меня заставляетъ надѣть маску ночную, принять обликъ Сатурна, клонящаго урну, и его лунъ, одной за другой.

Романсы безъ словъ, своимъ строемъ, вмѣстѣ нестройнымъ и свѣжимъ, сердце смутили, намѣренно блеклое. О, ихъ лепетъ, ихъ трепетъ!

Развѣ вамъ не случилось иного прощать, оскорбившаго васъ? и я, я дѣтству прощаю, что снова приходитъ, нарумянено и прелести полно!

Этой лжи я прощаю, во имя, скажу, удовольствій, ахъ! до смѣшного банальныхъ, что навязалъ мнѣ досугъ, увы! жестокой немного

Въ этихъ четырехъ строфахъ чувствуется уже вліяніе нѣкоторыхъ особенностей той школы, которая около того времени выступила въ литературѣ. Верленъ, безъ сомнѣнія, намѣренно затемнялъ смыслъ своего стихотворенія. Написанное прихотливо, съ ужимками, построенное на ассонансахъ, оно требовало и соотвѣтственнаго перевода, хотя бы и въ прозѣ,

Bonheur.

„Bonheur“— послѣдняя изъ большихъ книгъ Верлена, гдѣ собраны стихи религиозные. Если въ „Мудрости“ господствуетъ восторгъ новообращеннаго, если въ „Любви“ слышится голосъ твердой вѣры, есть настоящій молитвенный экстазъ, то въ „Счастіи“ на первомъ мѣстѣ стоятъ отвлеченныя теологическія размышленія. Большинство стихотвореній этого сборника — разсужденія на заданныя темы, въ которыхъ гораздо меньше поэзіи, чѣмъ поученій, заимствованныхъ изъ чужихъ книгъ. По самому стиху „Счастье“ разительнo отличается отъ другихъ сборниковъ Верлена, потому что въ немъ онъ почти отказывается отъ своихъ излюбленныхъ „невѣрныхъ“ размѣровъ, тѣхъ короткихъ стиховъ, построенныхъ на „нечетномъ“ числѣ слоговъ, которые придаютъ такое очарованіе лучшимъ созданіямъ Верлена, и которые онъ самъ рекомендуетъ въ своемъ „Искусствѣ поэзіи“: большинство стихотвореній написано однообразнымъ, правильнымъ и мертвеннымъ александрийскимъ стихомъ. Впрочемъ, въ „Счастіи“ Верленъ ставитъ себѣ еще серьезныя задачи, какъ поэтъ, и иногда разрѣшаетъ ихъ удачно. Лепеллетье называетъ „Счастье“ послѣдней книгой „хорошей эпохи“ творчества Верлена. Книга не раздѣлена на отдѣлы и не посвящена никому. Въ ней 33 стихотворенія; изъ нихъ переведено мною 4.

О будь изъ бронзы... (стр. 127). Одно изъ характерныхъ стихотвореній для той манеры, въ которой написана вся книга. Въ серединѣ стихотворенія, гдѣ это означено точками, нѣсколько стиховъ въ переводѣ пропущено. Переводъ печатается въ первый разъ.

Холодно, какъ въ стужу, мнѣ... (стр. 129). То же.

Того, что я писалъ... (стр. 132.) То же.

Равнину мнѣ рисуютъ грезы... (стр. 133). Мой первый переводъ этого стихотворенія былъ напечатанъ, подъ псевдонимомъ, въ III вып. „Русскихъ символистовъ“ (М. 1895 г.):

Въ мечтахъ раскинулась поляна,
Стремится мимо бѣгъ потока,
И еле слышенъ издалика
Невнятный ропотъ Океана.

Но чуешь области простора
По влажнымъ струямъ аромата,
И какъ-то просто, какъ-то свято
Блеститъ у неба крестъ собора.

И слышишь благовѣсть призывный
Съ покрытыхъ тѣнью колоколенъ,
И флюгеръ вертится, безволенъ,
Подъ вѣтромъ, съ пѣсней непрерывной.

И вотъ огни мелькаютъ въ храмѣ,
Ужъ переполненномъ народомъ,
И вотъ выходятъ крестнымъ ходомъ,
Идутъ съ зажженными свѣчами.

Не жизнь, не сонъ мои видѣнья,
Но имъ, какъ лучшимъ мыслямъ, вѣрьте!
Они—желанный обликъ смерти,
Они—мое міровозрѣнье!

Настоящій, второй, переводъ печатается въ первый разъ.

Снѣжныхъ хлопьевъ вереница... Переводу этого стихотворенія, сдѣланному мною въ 1894 г. и не вполне передающему утонченность оригинала, я считаю возможнымъ дать мѣсто только въ этихъ примѣчаніяхъ:

* * *

Снѣжныхъ хлопьевъ вереницы
Мчатся, вьются подъ луной,

Закрывая пеленой
Крыши сумрачной столицы
Въ часъ служенья всенощной.

Лондонъ медленно дымится.
Передъ каждою плитой
Ужинъ варится простой.
И семья за столъ садится
Въ часъ служенья, въ часъ ночной.

Тамъ, въ Парижъ, смѣхъ блудницы,
Вина пролиты рѣкой.
И смѣшался стонъ глухой
Съ пѣньемъ уличной пѣвицы,
Въ часъ пирушки, въ часъ ночной.

Ждетъ сіянія денницы
Умирающій больнои.
Нѣтъ надежды ни одной
Въ стѣнахъ сумрачной больницы...
А вокругъ лишь мракъ ночной.

Вотъ несется, вотъ струится
Свѣтлый благовѣстъ волной.
Прочь отъ тяготы земной
Онъ зоветъ насъ всѣхъ—молитесь
Въ часъ служенья всенощной!

И вотъ уже въ далекомъ прошломъ... Это стихотвореніе, какъ важное въ біографическомъ отношеніи, приводимъ здѣсь въ прозаическомъ переводѣ:

И вотъ, уже въ далекомъ прошломъ, мечты воспоминаній: нѣжная некромантика еще болѣе жестокаго будущаго!

Дѣвушка, почти ребенокъ, какъ бы картавящая чуть-чуть, которой, мечтаая, увлекались, которую любили въ голубомъ.

Руки, которыя были цѣлуемы такъ часто! Губы также, волосы также! То былъ торжествующій возрастъ, не знающій ни притворства, ни заботъ.

Потомъ оба они были неправы, но она того не хотѣла признать. И, если для одного это—смерть, то для другой—кончина также...

Явись ей, о Боже кротости, хотя бы въ ея послѣдній мигъ, и да оживетъ въ жизни вѣчной ея душа, моя сестра.

Chansons pour elle.

„Chansons pour elle“—сборникъ, начинающій довольно длинный рядъ книгъ Верлена, въ которыхъ все опредѣленноѣе сказывается упадокъ его дарованія. „Въ этихъ мучительныхъ стихотвореніяхъ,—говоритъ Лепеллетье,—слишкомъ часто эллипсы, анаколуэы и неправильное строеніе фразъ соотвѣтствуютъ безсвязности мысли. Болтовня и всякаго рода игра словъ преобладаютъ въ нихъ“. Надо, однако, замѣтить, что далеко не всѣ стихи, вошедшіе въ эти послѣднія книги Верлена, написаны и въ послѣдніе годы его жизни. Въ ту эпоху, когда его произведенія пріобрѣли рыночную цѣну, онъ охотно разыскивалъ въ своихъ старыхъ бумагахъ стихотворенія, раньше имъ забракованныя, и печаталъ ихъ какъ новыя. Это еще болѣе обезцѣнивало его послѣднія изданія, ставя въ нихъ на ряду со старческой болтовней—дѣтски-незрѣлые опыты. Впрочемъ, паденіе таланта шло прогрессивно, и въ „Пѣсняхъ къ ней“, стоящихъ на рубежѣ двухъ эпохъ, еще попадаются стихи милые, непретенціозно-веселые и одобренные истинной ироніей. Всего въ книгѣ 25 стихотвореній; изъ нихъ переведено мною 3.

Всѣ переводы изъ этой книги печатаются въ первый разъ. Въ переводѣ 2-го стихотворенія („Дни осени настали...“) первые стихи сходны съ переводомъ той же пьесы Θ. Сологуба. Такъ какъ мой

переводъ былъ исполненъ раньше, чѣмъ я познакомился съ переводомъ Сологуба, я не нашелъ нужнымъ измѣнять эти стихи.

Какъ бы продолженіе сборника „Chansons pour elle“ составляетъ книга „Odes en son honneur“, совершенно сходная съ первой по характеру и по художественному достоинству вошедшихъ въ нея стихотвореній.

Liturgies intimes.

„Liturgies intimes“—последній изъ сборниковъ католическихъ стиховъ Верлена. Въ книгѣ уже не чувствуется подлиннаго религіознаго одушевленія, большинство стиховъ кажутся надуманными. Верленъ словно заставлялъ себя во что бы то ни стало писать и католическіе стихи рядомъ съ „грѣховными“. Въ маленькой книжкѣ всего 25 стихотвореній.

Книга посвящена Шарлю Бодлэру.

Переводы двухъ стихотвореній, вошедшіе въ этотъ сборникъ, печатаются въ первый разъ.

Chair.

Последними сборниками стиховъ, вышедшими при жизни Верлена, были двѣ книги „интимной“ лирики „Elégies“ и „Dans les limbes“, въ которыхъ Верленъ, въ скучныхъ александрійскихъ стихахъ, рассказываетъ мелочи своей личной жизни, вздорныя ссоры со своими возлюбленными, свои денежные неудачи и т. под., и книга злыхъ „Эпиграммъ“. По смерти Верлена появилось еще двѣ книги: „Chair“ и „Invectives“. Первая вновь напоминаетъ „Пѣсни къ ней“, отличаясь лишь большей „свободой“ выраженій, вторая (противъ изданія которой рѣшительно протестовали друзья Верлена) составлена изъ ожесточенно-бранныхъ стихотвореній, которыя случалось писать Верлену въ часы раздраженія и которымъ, къ сожалѣнію, вполне подходитъ заглавіе сборника — „Поношенія“. Въ сборникѣ „Chair“ всего 16 стихотвореній.

Изъ двухъ переводовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, первый печатается въ первый разъ, второй („Пѣсня къ ней“) впервые былъ напечатанъ въ газетѣ „Клубъ“ (1907 г., 18 дек.) и перепечатанъ во „Французскихъ лирикахъ“.

Изъ стихотворныхъ сборниковъ Верлена намъ остается назвать книги, не поступавшія въ продажу, о которыхъ мы уже упоминали. Еще въ 1867 г. у Пулэ-Маласси (извѣстнаго издателя Бодлера) появился сборникъ Верлена „Les Amies“, „сцены сапфической любви“, книжка изъ 6 сонетовъ, напечатанная въ числѣ 50 экземпляровъ, переизданная въ 1870 г., съ помѣтой „Сеговія“ и полностью вошедшая въ сборникъ „Параллельно“. Въ 1890 г., безъ имени издателя, вышла другая книга Верлена, „Femmes“, переизданная въ 1902 г. По смерти Верлена, былъ изданъ третій сборникъ „Nombres“. Эти три книги вмѣстѣ составили сборникъ, озаглавленный „La Trilogie Érotique de Paul Verlaine“, изданный безъ разрѣшенія лицъ, имѣющихъ право литературной собственности на сочиненія Верлена, и потому являющийся контрфакціей. Сборникъ помѣченъ „Парижъ и Лондонъ, 1907“.

Книги Верлена въ прозѣ.

Первой прозаической книгой Верлена былъ сборникъ критическихъ статей „Les Poètes maudits“ („Отверженные поэты“), вышедшій въ 1884 г. Это не столько критическіе разборы, сколько диэирамбы, испещренные многочисленными и обширными цитатами. Въ первомъ изданіи было только три очерка: о Тристанѣ Корбьерѣ, Артюрѣ Римбо и Стефанѣ Маллармэ. Во второмъ изданіи, которое появилось черезъ четыре года (въ 1888 г.), къ нимъ были присоединены очерки о Марселинѣ Дебордъ-Вальморъ, Вилье де Лиль-Аданъ и о самомъ Верленѣ, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ „Бѣдный Леліанъ“ (Pauvre Lelian — анаграмма имени Paul Verlaine). Книга Верлена имѣла успѣхъ и значеніе, впервые ознакомивъ литературную молодежь съ поэзіей забытыхъ поэтовъ.

Затѣмъ слѣдовали двѣ книги „Louise Leclercq“ („Луиза Леклеркъ“), которую образовали два небольшихъ разсказа и драма въ прозѣ „Госпожа Обанъ“, и „Les Mémoires d'un veuf“ („Записки вдовца“),—рядъ фельетоновъ Верлена, которые онъ печаталъ въ газетѣ, руководимой Эдм. Лепеллетье. Полу-беллетристическіе, полу-злободневные, они написаны подъ явнымъ вліяніемъ „Маленькихъ поэмъ въ прозѣ“ Бодлера. Въ нихъ много остроумнаго и написаны они очень изящно (есть русскій переводъ).

За послѣдніе годы жизни, въ постоянныхъ поискахъ заработка,

Верленъ охотно писалъ прозой. Отдѣльно имъ издано за это время „Mes Hôpitaux“ („Мои больницы“) — замѣтки о пребываніи Верлена въ разныхъ больницахъ; „Mes Prisons“ („Мои темницы“) — воспоминанія о разныхъ заключеніяхъ Верлена, начиная со школьнаго карцера, съ подробнымъ описаніемъ заключенія въ тюрьмѣ въ Монсѣ; „Quinze jours en Hollande“ („Двѣ недѣли въ Голландіи“) — отчетъ о поѣздкѣ Верлена, которую онъ предпринялъ съ цѣлью прочитать рядъ публичныхъ лекцій, и, наконецъ, „Confessions“ („Исповѣдь“) — автобіографія Верлена, къ сожалѣнію, не доведенная до конца, обрывающаяся на первыхъ ссорахъ съ женой.

Кромѣ того, въ серіи критико-біографическихъ статей, которую издавалъ Леонъ Ванье подѣ общимъ заглавіемъ „Les Hommes d'aujourd'hui“ („Герои дня“), Верленъ помѣстилъ 27 очерковъ, въ томъ числѣ о Маллармэ, Римбо, Леконтъ де Лиль, Вилье де Лиль-Аданъ, Ришпенъ, Барбей д'Оревилли, Роллина, Шарль Кро, Ренэ Гилъ, Анатоль Франсъ, Эредіа и о самомъ себѣ. (Послѣдній очеркъ, подписанный псевдонимомъ „Paul et Pierre“, не перепечатанъ въ „Полномъ собраніи сочиненій“ Верлена.)

Всѣ эти книги и статьи написаны характерной Верленовской прозой, намѣренно неправильнымъ, капризнымъ языкомъ, въ которомъ, однако, есть сила и экспрессія. Что касается критическихъ сужденій Верлена, то они крайне сбивчивы и довольно случайны. Можно только сказать, что Верленъ не боялся высказать свое мнѣніе, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ общепринятымъ, и среди его отзыовъ есть весьма смѣлые (о Викторѣ Гюго, напр.) и весьма рѣзкіе (о Роллина, напр.).

По смерти Верлена была издана еще его книга „Voyage en France par un Français“, написанная имъ вскорѣ послѣ заключенія въ тюрьмѣ въ Монсѣ, въ самомъ клерикальномъ духѣ.

Въ 1899—1900 г. было издано „Полное собраніе сочиненій“ Верлена, въ 5 томахъ, къ которымъ, въ 1903 г., былъ присоединенъ 6-й, дополнительный. Составленное очень небрежно, это собраніе содержитъ далеко не все, что было Верленомъ напечатано при жизни. Кромѣ того, значительное число произведеній еще сохраняется друзьями поэта и коллекціонерами въ рукописяхъ.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о книгахъ Верлена, даты, имена издателей и т. под., см. въ прилагаемой далѣе „Библиографіи“.

1.

КНИГИ ВЕРЛЭНА.*

Poèmes saturniens. 1 изд., А. Лемерра, 1886 г., 2 изд., Л. Ванье, 1890 г., 3 изд., его же, 1893 г.

Les Amies. 1 изд., Пулэ-Маласси, Брюсс. 1867 г., 2 изд., безъ имени издателя, Сеговіа 1870 г.

Fêtes galantes. 1 изд., А. Лемерра, 1869 г., 2 изд. Л. Ванье, 1886 г., 3 изд., его же, 1890 г., 4 изд. (съ рис. А. Жирардена), „Société Artistique du Livre ill.“, 1899 г., 5 изд. (съ рис. Робади), „Maison du Livre“, 1903 г.

La Bonne Chanson. 1 изд., А. Лемерра, 1870 г., 2 изд., Л. Ванье, 1899 г.

Romances sans paroles. 1 изд., безъ имени издателя, Сансъ 1874 г., 2 изд. (съ портретомъ Верлэна, раб. А. де Гощона), Л. Ванье, 1887 г., 3 изд. (безъ портрета), Л. Ванье, 1891 г.

Sagesse. 1 изд., Пальма, 1881 г., 2 изд., Л. Ванье, 1889 г., 3 изд., его же, 1892 г., 4 изд., его же, 1896 г.

Les Poètes maudits. 1 изд. Л. Ванье, 1884 г., 2 изд., (съ портретами М. Люка), его же, 1888 г.

Jadis et Naguère. Изд. Л. Ванье, 1884 г.

Louise Leclercq. Изд. Л. Ванье, 1886 г.

Mémoires d'un veuf. Изд. Л. Ванье, 1886 г.

* Нашъ перечень основанъ на работѣ А. ванъ-Бевера, впрочемъ, исправленной и пополненной нами. Преслѣдуя цѣли практическія, мы не указывали число страницъ, форматъ и т. под. Гдѣ городъ не обозначенъ, подразумѣвается—Парижъ.

- Amour. Изд. Л. Ванье, 1888 г.
 Parallèlement. 1 изд., Л. Ванье, 1889 г., 2 изд. (съ литографіями Пьера Боннара), Воллара, 1900 г.
 Dédicaces. 1 изд. (съ рис. Ф.-А. Казальса), журнала „La Plume“ („Bibliothèque artist. et litt.“), 2 изд., Л. Ванье. 1894.
 Femmes. 1 изд., безъ имени издателя, 1890 г., 2 изд., то же, 1902 г.
 Bonheur. Изд. Л. Ванье, 1891 г.
 Chansons pour elle. Изд. Л. Ванье, 1891 г.
 Les uns et les autres. Изд. Л. Ванье, 1891 г.
 Mes Hôpitaux. Изд. Л. Ванье, 1891 г.
 Liturgies intimes. Изд. (съ портретомъ раб. L. Hayet), „Bibliothèque de Saint-Graal“, 1892 г.
 Mes Prisons. Изд. Л. Ванье, 1893 г.
 Élégies. Изд. Л. Ванье, 1893 г.
 Odes en son honneur. Изд. Л. Ванье, 1893 г.
 Quinze jours en Hollande. 1 изд., Блока. Гаага, 2 изд., Л. Ванье, 1895 г.
 Dans les limbes. Изд. Л. Ванье, 1894 г.
 Epigrammes. Изд. (съ фронтисписомъ Ф.-А. Казальса) журнала „La Plume“ („Bibliothèque artist. et litt.“), 1894 г.
 Confession. 1 изд. (съ портретомъ раб. Анкетена), газеты „Fin de Siècle“, 1895 г., 2 изд. журнала „La Plume“ („Bibliothèque artist. et litt.“), 1897 г.
 Chair. Изд. (съ фронтисписомъ Фелисьена Ропса) журнала „La Plume“ („Bibliothèque artist. et litt.“), 1896 г.
 Investives. Изд. Л. Ванье, 1896 г.
 Nombres. Изд. безъ имени издателя, 1904 г.
 Voyage en France par un Français. Изд. А. Месена, 1907 г.

2.

АНТОЛОГИИ И СОБРАНИЯ СОЧИНЕНІЙ.

- Choix de poésies. Изд. (съ воспроизвед. портрета раб. Э. Карьера) Шарпантье, 1891 г., неоднократно повторявшееся.
 Œuvres complètes de Paul Verlaine. Изд., въ

5 томахъ (съ портретомъ Верлена по фотографіи), Л. Ванье (преемникъ: А. Мессень), 1899—1900 г. Къ нему, какъ 6-й томъ:

Ceuvres posthumes. Изд. Л. Ванье (преемникъ: А. Мессень). 1903 г.

La Trilogie Erotique de Paul Verlaine. Изд. (съ офортами Вань-Траузема) безъ имени издателя, Парижъ и Лондонъ, 1907 г.

3.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. ВЕРЛЕНА.

Charles Morice. Paul Verlaine, l'homme et l'oeuvre. L. Vanier éd., 1888. (Первая серьезная работа о Верленѣ, не утратившая своего значенія до сихъ поръ.)

Paul Verlaine et ses contemporains par un témoin impartial. Bibliothèque de l'Association. 1897. (Брошюра—далеко не „безпристрастная“, во многомъ устарѣвшая, но содержащая нѣсколько данныхъ, еще нигдѣ не перепечатанныхъ).

Charles Donos. Verlaine Intime. L. Vanier éd., 1898. (Книга, въ которой собрано много интересныхъ документовъ, писемъ Верлена, анекдотовъ объ немъ, его рисунковъ и т. под., особенно касательно послѣднихъ лѣтъ его жизни, но къ показаніямъ которой надо относиться съ осторожностью.)

Edmont Lepelletier. Paul Verlaine. Sa Vie. Son Œuvre. Ed. du „Mercure de France“. 1907. (Лучшая пока и наиболѣе полная біографія Верлена, въ которой, однако, нѣкоторые періоды его жизни изложены слишкомъ бѣгло. Въ книгѣ приведено много писемъ Верлена.)

Alphonse Siché et Jules Bertaut. Paul Verlaine. Louis Michaud éd. s. d. (Лучшая изъ популярныхъ біографій Верлена, со многими портретами и рисунками.)

Кромѣ этихъ работъ, специально посвященныхъ Верлену, для изученія его жизни, личности и творчества имѣютъ значеніе всѣ тѣ сочиненія, книги, журналы и брошюры, которыя посвящены „новой поэзіи“ во Франціи. Таковы „маленькіе журналы“, издававшіеся въ 80-хъ и 90-хъ годахъ (см. о нихъ анонимную брошюру „Les petites Revues“, préface p. Remy de Gourmont, éd. du „Mercure de France“), таковы литературные памфлеты того же времени (напр., изъ числа бывшихъ въ нашемъ

распоряженіи: A. Baju. L'école décadente. 1887; A. Baju. L'anarchie littéraire. 2 éd. 1904; La vérité sur l'école décadente. s. d.; G. Vantor. L'art symboliste. 1889; etc.), воспоминанія дѣятелей символическаго движенія (и прежде всего: A. Retté. Le Symbolisme. Anecdotes et souvenirs. A. Messin. 1903; G. Kahn. Symbolistes et décadents. L. Vanier, 1902), наконецъ, критическія статьи современниковъ: Реми де Гурмона, Маллармэ, Роденбаха, Лемэтра, Т. де Визева, А. Франса, Б. Лазара и др., большею частью собранныя въ ихъ книгахъ.

Но лучшимъ источникомъ для біографіи и характеристики Верлена служатъ, конечно, его сочиненія, двѣ его критическія статьи о самомъ себѣ (см. выше) и его „Исповѣдь“.

Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній можно найти въ бібліографіи, составленной А. ванъ-Беверомъ для книги „Poètes d'aujourd'hui“. Ed. du „Mercure de France“. 1908.

На русскомъ языкѣ можно указать статью Э. Венгеровой, въ ея книгѣ „Литературныя характеристики“, т. I (уже устарѣвшую), на статью Е. Аничкова, въ его книгѣ „Предтечи и современники“, Спб. 1911 г., и на статьи Ренэ Гиля въ „Вѣсахъ“ 1904—1909 г.

4.

ИКОНОГРАФІЯ П. ВЕРЛЕНА.

Число портретовъ Верлена—огромно. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ: портретъ масляными красками Э. Карьера, недавно поступившій въ Люксембургскій музей и воспроизведенный при сборникѣ „Choix de Poésies“; Фантанъ-Латура, въ его картинѣ „Уголокъ стола“, воспроизведенной въ книгѣ А. Сешэ и Ж. Берто и во мн. др. изданіяхъ; Жюля Валадона, масляными красками; Анкетена, воспроизведенной при первомъ изд. „Исповѣди“ и повторенной въ этой книгѣ; на афишѣ „Салона ста“ 1894 г., считающійся наиболѣе похожимъ и воспроизведенный въ этой книгѣ; фотографіи, воспроизведенныя въ книгѣ Лепеллетье и при „Полномъ собраніи сочиненій“ Верлена; рисунки Ф.-А. Казальса, Э. Коля, Ж. Боннэ, Л. Леви, Ж. Фита и др., воспроизведенныя частью въ книгахъ Ш. Доно и А. Сешэ и Ж. Берто, частью въ № „La Plume“, посвященномъ Верлену (см. дальше)

и др. изд. (Нѣкоторые изъ нихъ воспроизведены въ этой книгѣ. и въ русскомъ изд. „Записокъ вдовца“).

Иконографіи Верлена посвященъ особый очеркъ Леона Майара въ журналѣ „La Plume“ 1 февраля 1896 г. (№ посвященъ почти полностью Верлену и содержитъ весьма много важныхъ и цѣнныхъ документовъ) и брошюра: F.-A. Cazals. Paul Verlaine, ses portraits. 1896.

Кромѣ того, мы имѣемъ цѣлый рядъ автопортретовъ Верлена, который обладалъ твердой и мѣткой рукой въ рисунокѣ. Верлену, какъ рисовальщику, посвящена брошюра: „Verlaine dessinateur, par Félix Régamey“. H. Floury éd., 1896. Многие изъ рисунковъ Верлена воспроизведены какъ въ названной брошюрѣ, такъ въ упомянутомъ выше № журнала „La Plume“ (два рисунка помѣщены въ этой книгѣ).

О нѣкоторыхъ другихъ портретахъ Верлена см. въ примѣчаніяхъ къ „Биографическому очерку“.

5.

ПЕРЕВОДЫ.

Произведенія Верлена переведены, кажется, на всѣ европейскіе языки и на нѣкоторые азіатскіе.

На англійскій языкъ Верлена переводили: Джонъ Грей, Гертруда Галль, Артуръ Саймонсъ, Джорджъ Муръ и др.

На нѣмецкій языкъ: Рихардъ Дэмель, К. Флайшленъ, Стефанъ Георга, Отто Рейтеръ, Рихардъ Шаукаль, П. Виглеръ и мн. др.

На русскомъ языкѣ существуютъ слѣдующія отдѣльныя изданія переводовъ произведеній Верлена:

Поль Верленъ. Романсы безъ словъ. Переводъ Валерія Брюсова. М. 1894 г.

Переводы изъ Верлена Д. Ратгауза. Спб. 1896 г.

Изъ Мюссе и Верлена. Переводы Зинаиды Ц. Спб. 1907 г.

П. Верленъ. Стихи, избранные и переведенные Ѳ. Сологубомъ. К-во „Факелы“. Спб. 1908 г.

П. Верлэнъ. Записки вдовца. Переводъ С. Я. Рубановича. Предисловіе Валерія Брюсова. (Съ портретами Верлэна). К-во „Альціона“. М. 1911 г.

П. Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Переводы Валерія Брюсова. (Съ портретами Верлэна). К-во „Скорпіонъ“ М. 1911 г.

Особые отдѣлы посвящены переводамъ изъ Верлэна въ книгахъ:

Н. Новичъ. Французскіе поэты. Спб. 1900 г.

И. Тхоржевскій. Tristia. Спб. 1906 г.

С. Рафаловичъ. Свѣтлыя пѣсни. Спб. 1905 г.

О. Чюмина. Стихотворенія. Т. III. Спб.

Эллисъ. Иммортели. М. 1904 г.

Французскіе лирики. Переводы въ стихахъ и біо-библіографическія примѣчанія Валерія Брюсова. (Съ портретомъ Верлэна). К-во „Мантеонъ“. Спб. 1909 г.

Кромѣ того, въ журналахъ и въ сборникахъ своихъ стиховъ, Верлэна переводили: И. Анненскій, П. П. Петровскій, В. Мазуркевичъ, В. Эльснеръ, В. Ивановскій, Александръ Аръ и мн. др.

Очень многіе стихи Верлэна были положены на музыку композиторами всѣхъ странъ, въ томъ числѣ: Клодомъ Дебюсси, Габріелемъ Форэ, Шарлемъ Бордомъ, Гюставомъ Шарпантье, Эрнестомъ Шоссономъ, Габріелемъ Фабромъ, Морисомъ Равелемъ, Д. де Северакомъ, Сильвіаномъ Лазарри, Ж. Сандрэ и мн. др.

- Стр. 37. Этьенъ Каржа былъ фотографъ-любитель. Онъ составилъ любопытную галерею изъ фотографій своихъ знаменитыхъ современниковъ. Фотографія Верлена, исполненная Этьеномъ Каржа, воспроизведена въ № „La Plume“, посвященномъ Верлену (см. „Библиографію“).
- Стр. 100. Гостинница. Въ подлинникѣ стихотвореніе посвящено Жану Мореасу.
- Стр. 110. Писано въ 1875 г. Стихъ 7-ой, сверху, должно читать:
То былъ желанный миръ, миръ подлинный, высокій.
- Стр. 113. Заглавіе стихотворенія должно читать: На смерть Люсіена Летинуа.
- Стр. 135. Посвященіе Шарлю Бодлеру ошибочно напечатано при книгѣ „Пѣсни къ ней“, тогда какъ должно относиться къ книгѣ „Задушевныя обѣдни“ (см. „Примѣчанія“, стр. 184).
- Стр. 156, строка 8, снизу, должно читать: „въ его книгѣ Предтечи и современники“.
- Стр. 168, строка 6 и сл., сверху, должно читать: „Первое изданіе книги было посвящено: моей матери; второе и слѣдующее: памяти моей матери.“
- Стр. 175, строка 12, сверху. Въ статьѣ о Леонѣ Ванье, Верленъ говоритъ о Жоржѣ Куртелинѣ (псевдонимъ) какъ о помощникѣ редактора „Paris Moderne“ (см. „Œuvres complètes“, V, 370).

Стр. 186, строка 14, сверху. Верлэнъ пишетъ („Œuvres complètes“, V, 374—5), что подъ псевдонимомъ „Pierre et Paul“ помѣщаль въ „Герояхъ дня“ свои замѣтки ихъ издатель, Леонъ Ванье. Однако, тонъ и стиль біографіи Верлэна, опубликованной въ этой серіи, до такой степени напоминаютъ его сочиненія, что мы считаемъ ее автобіографіей.

Поль Верлэнъ.

Автопортретъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Sommaire.

	Страницы.	
	Текстъ.	Примѣчанія.
Вступительныя статьи. (Préfaces).		
Отъ переводчика. (Avis du traducteur)	5	—
Поль Верленъ. Критико-біографическій очеркъ (Paul Verlaine. Essai biographique)	14	—
Сатурническія поэмы (Poèmes saturniens).		
Меланхолія. (Melancholia).		
1. Резиньяція. (Résignation.)	3	156
2. Обѣтъ. (Vœu).	4	”
3. Усталость. (Lassitude).	5	”
4. Привычная мечта. (Mon rêve familier)	6	157
О ф о р т ы. (Eaux-fortes).		
1. Парижское кроки. (Croquis parisien).	7	”
2. Марина. (Marine).	8	”
3. Впечатлѣніе ночи. (Effet de nuit).	9	”
Грустные пейзажи. (Paysages tristes).		
1. Закатъ. (Soleils couchants).	10	”
2. Сентиментальная прогулка. (Promenade sentimentale).	11	”
3. Осенняя пѣсня. (Chanson d'automne).	12	”
4. Благословенный часъ. (L'heure du berger).	13	158

Капризы. (Caprices)

1. Женщина и кошка. (Femme et chatte)	14	158
2. Львица. (Une grande dame)	15	"
3. Георгинъ. (Un dahlia).	16	"

Изысканныя празднества (Fêtes galantes).

1. Сіяніе луны. (Clair de lune)	19	159
2. Пантомима. (Pantomime).	20	"
3. На травѣ. (Sur l'herbe).	21	"
— Въ гротѣ. (Dans la grotte).		
4. Раковины. (Les coquillages)	22	"
5. Въ тиши. (En sourdine).	23	"
6. Сентиментальный разговоръ. (Colloque senti-
mental).	25	160

Милая пѣсенка. (La Bonne Chanson).

1. Ахъ, пока, звѣзда денницы.. (Avant que tu ne
t'en ailles).	29	161
2. И мѣсяць бѣлый. (La lune blanche).	31	"
3. Отъ лампы свѣтлый кругъ. (Le foyer, la lueur).	32	"
4. Гулъ полныхъ кабаковъ. (Le bruit des cabarets).	34	162
5. Такъ это будетъ въ ясный, лѣтній день (Donc,
se sera pour un clair jour d'été).	35	"
6. Одинъ, дорогою проклятой. (J'allais par des che-
mins perfides).	36	"

Романсы безъ словъ. (Romances sans paroles).

Забытыя арійки. (Ariettes oubliées).

1. Это экстазъ утомленности. (C'est l'extase languou-
reuse).	39	163
— Угадать я стараюсь въ роптаньи. (Je devine, à
travers un murmure).	—	"
2. Небо надъ городомъ плачетъ. (Il pleure dans mon
sœur).	41	"
3. Цѣлуетъ клавиши прелестная рука. (Le piano qui
baise une main frêle).	42	"

	Страницы.	
	Текстъ.	Примѣчанія.
— Печаль, печаль въ душѣ моей. (O triste, triste était mon ame).	—	164
4. Тянется безмѣрно. (Dans l'interminable).	43	"
5. Деревьевъ тѣнь въ водѣ. (L'ombre des arbres...)	45	"
Бельгійскіе пейзажи, (Paysages belges).		
1. Валькуръ. (Walcourt).	46	166
2. Шарлеруа. (Charleroi).	47	"
3. Брюссель. (La fuite est verdâtre et rose).	49	"
— Нѣтъ конца аллеѣ. (L'allée est sans fin)		"
Акварели. (Aquarelles).		
1. Зелень. (Green).	50	167
2. Сплинъ. (Spleen).	51	"
3. Улицы I. (Streets. I).	52	"
" II. (" II).	54	"
4. Жена-ребенокъ. (Child wife).	55	"
5. Сіянія. (Beams).	57	"
Мудрость. (Sagesse).		
Часть первая. (I).		
— Предисловіе. (Préface).		168
1. Мнѣ встрѣтился рыцарь, Несчастье. (Bon che- valier masqué).	61	"
2. Что скажешь, путникъ, ты про страны и вокзалы? (Qu'en dira tu, voyageur, des pays et des gares?)	63	169
3. Обманчивые дни весь день, весь день горѣли. (Les faux beaux jours ont lui tout le jour).	67	"
4. Жизнь скромная, съ ея нетрудными трудами. (La vie humble aux travaux ennuyeux et faciles).	68	"
— О мудрость Луи Расина. (Sagesse d'un Louis Racine).		"
5. Прислушайтесь къ пѣсенкѣ нѣжной. (Ecoutez la chanson bien douce).	69	"
6. О Гордость!.. (Voix de l'Orgueil).	71	"
7. Врагъ принимаетъ обликъ скуки. (L'ennemi se déguise en l'Ennui)	73	"

	Страницы.	
	Текстъ.	Примѣчанія.
8. Духъ древности былъ пустъ и грубъ. (L'âme anti- que était rude et vaine).	74	169

Часть вторая. (II).

1. О Боже, Ты меня любовью ранилъ. (O mon Dieu, vous m'avez blessé d'amour).	77	170
— Мистическій діалогъ. (Mon Dieu m'a dit: Mon fils, il faut m'aimer...)		171

Часть третья. (III).

1. Надежда чуть блеситъ. (L'espoir luit comme un brin de paille...)	80	"
2. Гаспаръ Гаузеръ поетъ. (Je suis venu, calme orphelin).	81	"
3. Огромный, черный сонъ. (Un grand sommeil noir).	82	"
4. Небосводъ надъ этой крышей. (Le ciel est, par des- sus le toit).	83	"
5. Законы, числа, краски, ароматы. (Parfums, couleurs, systèmes, lois!)	84	172
6. Охотничій рожокъ рыдаетъ у лѣска. (Le son du cor s'afflige vers le bois).	85	"
7. О человечества безмѣрность. (L'immensité de l'humanité).	86	"
8. Прекраснѣе море. (La mer est plus belle) . . .	87	"
9. То—празднество хлѣбовъ, то—свѣтлый праздникъ хлѣба. (C'est la fête du blé c'est la fête du pain).	89	"

Когда-то и Недавно. (Jadis et Naguère).

Когда-то. (Jadis).

— Прологъ. (Prologue)	—	173
1. Калейдоскопъ. (Kaléidoscope).	93	174
2. Хромой сонетъ. (Sonnet boiteux).	95	"
3. Аллегорія. (Allégorie).	96	"
4. Искусство поэзи. (Art poétique).	97	"
5. Истома. (Langueur).	99	"
6. Гостинница (L'auberge).	100	175

Страницы.
Текстъ. Примѣчанія.

Недавно. (Naguère).

1. Прологъ. (Prologue).	101	175
2. Преступленіе любви. (Crimen amoris).	102	"

Любовь. (Amour).

1. Писано въ 1875 г. (Ecrit en 1875).	109	176
2. Отрывокъ. (Un conte. Fragment).	112	"
3. На смерть Люсіена Летинуа. (Tout en suivant
ton blanc convoi...).	113	177
4. Людовику II Баварскому. (A Louis II de Bavière).	114	"
5. Вилье де Лиль Аданъ. (A Viliers de Lisle-Adam)...	115	"
6. Къ сыну. (A Georges Verlaine).	116	"

Параллельно (Parallèlement).

1. На террасѣ. (Sur le balcon).	119	179
2. Сафо. (Sapho).	120	"
3. На статую Ганимеда. (Sur une statue de Gany-
mède).	121	"
4. Пьерро. (Pierrot-gamin).	122	"
— Въ манерѣ Поля Верлена. (A la manière de Paul
Verlaine).		"

Счастье. (Bonheur).

1. О будь изъ бронзы, будь изъ мрамора, но все
же... (Sois de bronze et de marbre et surtout...).	127	180
2. Холодно какъ въ стужу мнѣ. (O, j'ai froid d'un
froid de glace).	129	"
3. Того, что я писалъ, назадъ я не беру. (Rompons!
Ce que j'ai dit, je ne le reprends pas).	132	"
4. Равнину мнѣ рисуютъ грезы. (La cathédrale est
majestueuse).	133	"
— Снѣжныхъ хлопьевъ вереница. (La neige à tra-
vers la brume).		181
— И вотъ уже въ далекомъ прошломъ. (Puis, déjà
très anciens).		182

Страницы.
Текстъ. Примѣчанія.

Пѣсни къ ней. (Chansons pour Elle).

1. Ты не совсѣмъ вѣрна, быть можетъ. (Tu n'est pas du tout vertueuse).	137	183
2. Дни осени настали. (La saison qui s'avance). . .	139	"
3. Пропалъ бы я безсонной ночью. (L'horrible nuit d'insomnie).	140	"

Задушевныя обѣдни. (Liturgies intimes).

1. Иссопа ломкій стебель. (Asperges me).	143	184
2. Послѣ вечерни. (Au sortis de Paris on entre à Notre-Dame).	145	"

Плоть. (Chair).

1. Прологъ. (Prologue).	149	184
2. Пѣсня къ ней. (Chanson pour elle).	151	"

Примѣчанія. (Commentaires).

Сатурническія поэмы.	155
Изысканныя празднества.	158
Милая пѣсенка.	160
Романсы безъ словъ.	162
Мудрость.	167
Когда-то и Недавно	172
Любовь.	175
Параллельно.	178
Счастіе.	180
Пѣсни къ ней.	183
Задушевныя обѣдни.	164
Плоть и др. стихотворные сборники.	"
Книги Верлена въ прозѣ.	"

Библиографія. (Bibliographie).

1. Книги Верлена.	187
2. Антологіи и собранія сочиненій.	188
3. Матеріалы для біографіи П. Верлена.	189

	Страницы.
4. Иконографія П. Верлена	190
5. Переводы. Музыка.	191
Опечатки и поправки.	193
Содержаніе.	195
Каталоги К-въ „Скорпіонъ“, „Мусагетъ“, „Альціона“.	

Рисунки. (Illustrations).

Поль Верленъ. Съ офорта А. Цорна.	Передъ текстомъ.
Съ рисунка Л. Анкестена.	14
Артуръ Римбо. Рисунокъ П. Верлена.	39
Поль Верленъ на смертномъ ложѣ. Съ рисунка Ме- сисла Леви.	67
Поль Верленъ и Жанъ Мореасъ. Афиша „Салона Ста“ 1894 г.	68
Поль Верленъ. Автопортретъ.	194

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»

КЪ ВЕСНѢ 1911 г.

Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23.

І. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ.** Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- К. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина). М. 1908. Изданіе третье. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IV. (Литургія Красоты). Печатается.
Томы V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.
Томъ VII (Жарь-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ.** Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892 — 1909 гг.
Томъ I. Стихи 1892—1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.
Томъ II. Стихи 1902 — 1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Поль Верленъ.** Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, раб. Т. ванъ Риссельберга. (Готовится 2 изд.).
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908 г. Ц. 80 к.

- З. Н. Гиппиусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ. *Sog Ardens. Speculum Speculorum.* Эросъ. Любовь и смерть. Фронтисписъ К. Сомова (хромо-молитографія). Печатается.
- М. Кузминъ. С ѣ ти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к. (Наложень арестъ).
- Федоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.
- Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к. (Наложень арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. съ 7 рис. Альберто Мартини. (Фототипіи). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый. Серебряный Голубъ. Повѣсть въ семи главахъ. Обложка П. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, георическая). Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Фодотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ. Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ. Первая книга разказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- М. Кузминъ.** Вторая книга рассказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Юсифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- Жагадись.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905. Ц. 65 к.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. Готовится второе изданіе. Томъ II. Рассказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к. Томъ III. Страшные рассказы, гротески. Готовится.
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій. Книга II. Про домотеа. Der profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
- Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906 г. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Рассказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909 г. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909 г. Ц. 50 к.
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.
- А. Зиновьева-Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Панъ. Они почувяли. Mlle Коси-Съно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Они почувяли. Mlle Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

- Морисъ Мэтерлинкъ.** Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творествѣ. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Ст. Шибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 г. Ц. 1 р.
- Оскаръ Уайльдъ.** Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.
- Артуръ Шницеръ.** Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

- К. Бальмонтъ.** Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ иллюстраціями. М. 1910 г. Ц. 3 р.
- Валерій Брюсовъ.** Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2-е изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** Аугеа Рота. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
- Письма Пушкину и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты на 1901 г.** Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты на 1902 г.** Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 гг.** Роскошное изданіе. Обложка и всѣ украшенія Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.
- Сѣверные цвѣты на 1911 годъ.** Стихи, рассказы, драмы, статьи. М. 1911. (Выйдетъ къ маю).

VI. АЛЬБОМЫ.

- Н. Теофилактъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.
К. Юонъ. Сотвореніе міра. 7 автотипій. 1910. Ц. 1 р.

VII. МУЗЫКА.

- Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Рисунки С. Судейкина и Н. Теофилактова. М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ“.

- Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шестъ лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Значительная часть матеріала, обнародованная въ „Вѣсахъ“, больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полного комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія—**40 руб.** безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—**27 руб.**, безъ пересылки; 1907 г. **отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежемъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Новый, полный каталогъ (1911 г.), съ отзывами печати, высылается, по требованію, **бесплатно.**

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50—89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

Книгоиздательство «Альціона».

Москва, Пречистенскій бульварь, д. 31, кв. 9.

„Альціона“. Альманахъ на 1911 г. (Готовится).

Андрей Бѣлый. Лугъ зеленый. Книга статей. М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппюсъ. Разсказы. (Печатается).

Сергій Клычковъ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1910. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунный. Разсказы. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П.

Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Листики изъ утраченнаго альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя; карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемирной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ Д'Оревили. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. (Печатается).

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Съ портретами Верлэна. М. 1910. Ц. 1 р.

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергья Соловьева. (Готовится).

Книгоиздательство «Мусагетъ».

(1910—1911).

Москва, Пречистенскій бульварь, д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910 г. Ц. 3 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1910 г.

Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога.

⌘ (Печатается).

- Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. (Печатается).
 Эллисъ. Русскіе символисты. М. 1910 г. Ц. 2 р.
 Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910 г. Ц.
 1 р. 50 к.
 Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразитель-
 ныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачин-
 скаго. (Печатается).
 Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева.
 Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится).
 Бодларъ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М.
 1910 г. Ц. 1 р.
 З. Н. Гиппиусъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910 г. Ц. 1 р.
 Сергій Соловьевъ. Апрельъ. Книга стиховъ. М. 1910 г. Ц. 2 р.
 Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911 г. Ц. 1 р.
 Альманахъ стиховъ книгоиздательства „Мусагетъ“ (Печатается).
 „Логосъ“. Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи
 культуры. Книга первая. М. 1910 г. Ц. 2 р. Книга вторая.
 М. 1910 г. Ц. 2 р.

Изданія «Орфей».

- Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера. (Готовится).
 Гераклитъ Ефесскій. Фрагменты. Переводъ Владиміра Нилендера.
 М. 1910 г. Ц. 1 р.
 Рэйсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступи-
 тельная статья Мориса Матерлинка. Переводъ Михаила Сизова.
 М. 1910 г. Ц. 2 р.